

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации

**УРАЛЬСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№1/15

серия
**Язык. Система. Личность: Лингвистика
Креатива**

Екатеринбург
2015

УДК 81(082)
ББК Ш1
У68

Редакционная коллегия:

Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»
Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф.
(Уральский государственный педагогический университет)
Н.И. Коновалова, д-р филол. наук, проф.
(Уральский государственный педагогический университет)
Т.В. Гоголина, канд. филол. наук, доц.
(Уральский государственный педагогический университет)

У 68 Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет. – Вып.4 // Материалы Всероссийского семинара с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2015 г. / Гл. ред. проф. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2015. – 193 с.

(Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива».
вып.4(24)

ISSN 2306-7462

Сборник содержит материалы докладов Всероссийского семинара с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей», в рамках которого нашло обсуждение широкого спектра теоретических и практических проблем изучения современной языковой ситуации, проявляющей творческий потенциал языка в разных сферах его функционирования: массмедийном и художественном дискурсах; разговорной речи; анализируются возможности применения экспериментальных методов психолингвистики для диагностики и тренинга лингвистической компетенции школьников; особое внимание уделяется коммуникативным стратегиям и тактикам порождения текста, в том числе игрового; исследуются проблемы «новой речевой неграмотности»; особенности билингвизма как сферы языкового креатива и др.

ISSN 2306-7462

©ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2014
©Уральский филологический вестник, 2014

Содержание

<i>Бекасова Е.Н.</i> О коммуникативных стратегиях Ивана Грозного в послании в Кирилло-Белозерский монастырь	5
<i>Бушев А.Б.</i> Новая неграмотность – поле для просвещения и (или) креативности?!	19
<i>Гоголина Т.В.</i> Изучение фигур экспрессивного синтаксиса на материале рекламного слогана в школе	40
<i>Григорьева Н.И.</i> Образ музыкальной группы в сознании носителя русского языка (экспериментальные данные)	48
<i>Гридина Т.А., Коновалова Н.И.</i> Креативные стратегии текстопорождения как отражение процессов кластеризации (экспериментальные данные)	55
<i>Елисеева М.Б.</i> Лексический взрыв в речи ребенка раннего возраста как стимул развития морфологии	65
<i>Кубасов А.В.</i> Л.С. Выготский и психология творчества в его театральных рецензиях 20-х гг.	76
<i>Локоткова О.А.</i> Методика предъявления контртекста при изучении паратекстуальных единиц в пьесе-ремейке	86
<i>Михневич О.И.</i> Особенности языковой игры в массмедийном политическом дискурсе	99
<i>Мухин М.Ю.</i> Нетипичная лексическая сочетаемость: формализация термина и анализ текста	105
<i>Петкау А.Ю.</i> Концепт <i>здоровье</i> в постсоветской социальной рекламе	116
<i>Плотникова А.М.</i> Языковая игра как средство инвективы	127
<i>Протасова Е.Ю. Алишариева А.Н.</i> Полемика вокруг языка: свой или чужой?	134
<i>Снигирева Т.А., Снигирев А.В.</i> Игровая модернизация исторического повествования («История Российского государства» Б. Акунина)	150
<i>Сычева М.Н.</i> Явление интерференции с позиций психолингвистики: место и роль в изучении иностранных языков	161
<i>Устинова Т.В.</i> Ассоциативная координация и контраст в конструировании неконвенционального значения креативом поэта	167

<i>Чеклецова Е.И.</i> Современные заимствования из английского языка в речи представителей молодежной культуры	175
Сведения об авторах	183
SUMMARY	186

Е.Н. БЕКАСОВА

*(Оренбургский государственный педагогический
университет, г. Оренбург, Россия)*

УДК 811.161.1'42(091)

ББК Ш141.12-03

О КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ ИВАНА ГРОЗНОГО В ПОСЛАНИИ В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности коммуникативных стратегий Ивана Грозного в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь, обусловленные спецификой «открытого» для «всёя Руси» письменного наставления божием изволением посаженного на царство государя. Тщательное планирование своих посланий позволило Иоанну IV использовать приёмы, неожиданные для средневековой литературы, но имеющиеся в её арсенале. В результате такого определённым образом проработанного собственного образа самодержца и эффективного воздействия на своих подданных сохранилась добрая народная память о грозном царе Иване Васильевиче.

Ключевые слова: сочинения Ивана Грозного, языковая личность, челобитная, коммуникативные стратегии, идиостиль.

Великий князь и первый русский царь Иоанн Васильевич, безусловно, относится к тем сложным и значимым фигурам, которые являются феноменом не только русской, но и мировой истории, вызывающим горячие споры, диаметрально противоположные оценки и вечные темы для обсуждения.

Уже современники Иоанна IV высоко оценивали его «грамотное научение» [Временник 2004: 17], «смышление быстромное», «в науке книжного поучения довольство» и определяли его как «искуснаго во священных писаниях», «в словесной премудрости ритора» (цит. по: [Бахрушин 1942: 65-68]) и «в мудрости никим» не побеждённого [Временник 2004: 12]. С этим согласны и современные исследователи, отмечая, что Иоанн Васильевич в своих сочинениях – «крайне своеобразный автор», зачинатель идиостиля в русской словесности, «поразительно талантливый человек», «смелый новатор, изумительный мастер

языка» [Лихачёв 1975: 265, 266, 277, 287], «выдающийся писатель своего времени» [Андрианова-Перетц 2005: 449] и под. Но эти характеристики Ивана Грозного как писателя всегда неразрывно связывают с его личностью «яростивого царя» [Временник 2004: 15], отсюда – «блестящий, хотя и неуравновешенный талант» [Бахрушин 1942: 217]. Д.С. Лихачёв вообще склонен объяснять «способности Грозного как писателя» тем, что его сочинения «были органической частью его поведения»: «эмоциональность и возбудимость, резкие переходы от пышной церковнославянской речи к глубокому просторечию идут не столько от усвоенной им литературной школы, литературной традиции, сколько от его характера и являются частью его поведения» [Лихачёв 1975: 286-287].

Выдвижение причин новаторства Иоанна Грозного, прирастающих прежде всего от того, что он был грозным самодержцем всея Руси, необузданным в своём гневе, неожиданным в милостях и казнях, не позволяет в полной мере объяснить особенность того литературного продукта, которому «ничего даже отдалённо похожего мы не находим во всей древней русской литературе» [Лихачёв 1975: 287].

Думается, что такой взгляд на письменное наследие Иоанна IV необъективен. И потому, что это противоречит исторической действительности, в которой жил и которую творил великий князь Иван Васильевич, собирая земли и раскалывая общество, умело лавируя между Западом и Востоком, выстраивая духовно-политическую перспективу России, выполняя мирские и духовные обязанности. И потому, что он обладал всеми качествами «удачливого» средневекового правителя – как положительными, так и отрицательными, которые позволяли ему довольно успешно реализовать его замыслы, в том числе безумно-трагические. И потому, что основным адресатом «царево государево» посланий было «всё Российское царство», то есть они были не личными письмами, а «открытыми» всему государству [Лурье 1958: 507-508].

В этой связи следует согласиться с мнением С.В. Перевезенцева о том, что «слова Ивана Грозного свидетельствуют о глубоко продуманном, внутренне обустроенном мирозерцании

человека, который не один час и день посвятил осмыслению собственного пребывания на брэнной Земле, проникновению в смысл собственной жизни» [Перевезенцев 2010: 231].

Такой подход позволяет предположить, что «обвинения» в мятеже «против всех литературных традиций» [Лихачёв 1975: 287] или в «недостатке литературного образования», которое выливается в «неумение отделить существенное от несущественного, в нагромождение цитат» [Бахрушин 1942: 68-69] абсолютно напрасны, поскольку мы имеем дело с властителем, который, по сложившейся в правление Ивана IV концепции (и во многом благодаря ему), непоколебимо утверждает своё царствие, ведя род не только от Рюрика, но и от Августа – Цесаря Римского, обладателя вселенною [Временник 2004: 17]. Поэтому послания «самодержца Божиим изволением», как сам себя величает грозный царь Иван Васильевич, – это его *стратегия* и *тактика* управления державой, ведения боевых действий с внешними и внутренними врагами и выстраивание отношений не только со своими подданными, но и самим Богом.

На наш взгляд, наиболее значимым в этом плане представляется Послание в Кирилло-Белозерский монастырь, которое было написано Иваном Грозным в 1573 году, когда его опричнина залила кровью всю страну, Новгород и Псков оцепенели от душегубства и Русь опустела от голода, мора и государевых реформ, но «ни Судьба, ни тиран еще не насытились жертвами» [Карамзин 1993: 69].

Описывая самые страшные страницы государства Российского, Н.М. Карамзин поражен двуличностью царя – душегубца и неутомимого политического деятеля. Чрезвычайно образованный, знающий Священное Писание и русскую литературу на «крае языка», устроивший первый в России дом книгопечатания, Иван IV отличался особым религиозным фанатизмом, сочетающимся с необыкновенным злодейством, в том числе и по отношению к служителям церкви. Губитель патриархов и простых монахов, любитель играть роль игумена своего особого «монастыря» из опричников, Иван Грозный, по-видимому, сочетал свои посты, молитвы, ночные и дневные бдения со специфической верой в Бога, искренне полагая, что жестокие казни

виновных и невиновных – увенчанных славой в борьбе с врагами стариков, безгрешных младенцев и монахов – есть своеобразное исполнение своего предназначения на Руси. Болезненная подозрительность Ивана Грозного в определенной степени имела под собой почву – владыки монастырей, не вступая в открытую «прю» с царем, всегда были готовы его предать. Не терпя изменников – в его грозное время скрытных, – Иван IV не мог выносить и тех священников, которые терзали его нечистую совесть, пытаясь ценой своей жизни удержать жестокость царя и уберечь Русь от гибели. Разрываемый противоречиями – ненавистью к слабым и уважением к сильным, он не терпел совместников, равных себе, сильных духом, славных в народе и в результате уничтожал их физически, а себя окружал хитрыми и готовыми на все ради наживы.

Кроме того, оставалась ещё конкуренция со стороны крупных феодалов – укрепившихся отдельных монастырей, финансово независимых от него, наместника Бога на Руси, – в том числе и в результате «бегства капиталов» тех бояр, которые боялись опричнины и, скрываясь от неё, постриглись в монахи. Союз опальных бояр с возможностями монастырей воздействовать на свою паству настолько обеспокоил царя, что он «дерзнул писати» к насельникам одного из самых авторитетных «пренебесных селений» (162, здесь и далее стр. указываются по: [Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 2005]).

В данном Послании, как и во всех остальных своих сочинениях, Иван Васильевич обосновывал свое право как богоизбранного государя обустривать единолично и самовластно свою державу, а также всю вселенную [Перевезенцев 2010: 230-232]. Но в послании в Кириллов монастырь царь и великий князь не только разрешает давно назревшую дилемму иерархии светской и церковной властей, утверждая своё исключительное право на исполнение божественных предначертаний, но и затрагивает проблему, касающуюся каждого верующего, – исполнения своего религиозного долга и взаимоотношений клира и мира. Исходные интенции автора – в утверждении того, что не он, грешный, правит на Руси, а сам господь проливает через него

благодать, – должны быть донесены не столько до Козьмы с братию, сколько до всего христианского мира. Отсюда прописывается своеобразный, но отточенный сценарий для одного актёра, восходящего от ролей «пса смердящего» до полуинока и богоносного царя.

Начинается послание в традиционных формах челобитной, где указывается всячески принижающий себя челобитчик – «царь и великий князь всеа Руси», что уже само по себе является оксюморонами, – и возвышенный в наименовании «свет мирянам», «наставник и вож и руководитель» преподобный игумен Козма с братиею (162). Признаваясь в «пьянстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе», Иоанн – «грешный, скверный, нечистый, душегубец» – смиренно просит «отцов своих», припадая «к стопам честных ног», стать его наставниками, учителями и просветителями «среди лютаго сего треволнения и прелестнаго мимотекущего света сего» (162-163).

Играя на контрастах святого и грешного, «убогий духом» тщательно сплетает сеть, в которую многочисленными аргументами, умело подкрепляемыми соответствующими большими выборками из церковных текстов, льстиво заманивается «божественный полк» монастыря. Среди возвышения иноков и самодискретизации неожиданно мелькает, на первый взгляд, риторический вопрос: «А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати, и кем просветити?» (162). Есть же на Руси и Козьма с братиею, другие иноки, святые учителя и наставники, от одного гроба которых можно просвещаться.

Но один раз вопросив, Иоанн вновь и вновь обращается к возможности исполнить роль учителя. Сначала он вспоминает о своём приходе «от темные ми мрачности» «в пречистую обитель Пречистой Богоматери» и желании там постричься в монахи, чтобы обрести «узду божия помощи» – и теперь «мне мнится, окаянному, яко исполу (наполовину) есмь чернец: аще и не отложих всякаго мирскаго мятежа, но уже рукоположения ангельскаго образа на себе ношу» (163-164). Следующей «ступенью» лестницы становятся тексты «великого светила» Илариона Великого, которые сначала понудили челобитчика изречь «не по-

учительски и со властью, но яко рабски», а потом и вовсе утвердили в дерзости писать по «божиему некоему изволению» (165-166). И уже отставлено самобичевание: в очередной раз ссылаясь на «божие некое повеление», Иоанн понуждаем от своего послушания (и Богу, и отцам церкви, и братии монастыря) писать «к вам отвещание». В этом переходе от самоуничужения челобитчика до божьего вдохновения – тщательно продуманная тактика интенционального воздействия на своё мирское и церковное пасомое стадо.

Так вопрос о праве на учительство становится главным в Послании. Совершенно отчётливо начинает звучать суждение, что из всех ныне живущих только богоданный Иоанн IV, опираясь на великих учителей церкви, может учить, наставлять и просвещать, потому что «богом возмогаем». И автор Послания, только что признавшийся в «безмерной высоте своего недоумения» (165), со знанием дела начинает поучать, излагая несомненно уже давно готовые, приведённые в строгую последовательность тезисы, подтверждаемые сонмом святых – и апостолом Павлом, и Златоустом, и Василием Амасийским, и Василием Великим и др. Пока ещё «слабый в словесах» полуиннок нуждается в столпах веры, которые собственным опытом, проповедями и притчами становятся и отправной и конечной точкой его аргументов, рассуждений и выводов. Поэтому уже начальная сентенция Послания – «первое...имате устав» – сопровождается такими объёмными цитатами, которые повергали А. Курбского в негодование: «ото многих священных словес хватано... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями и посланьми» (цит. по: [Шмидт 1958: 257]). Но государь всея Руси начинает вкрадчиво, между переходами от цитате к цитате, подбираться к главной своей цели – разоблачить монастырскую братию и обличить их пустосвятость. И при этом заметить: «И сия убо легчайша глаголах, и аще жесточайша реку, что сотворити имамы?» (169). Нагнетая тексты отеческой литературы, порицающие нарушение церковного устава, Иван Васильевич театрально восклицает: «Видите ли, какво послабление иноческому житию плача и скорби достойно?» (172). Причисление себя к монастырской братии даёт основание царю вмешаться в

жизнь монастыря, где всё идёт не по уставу. Многочисленные примеры из житий святых определяют важную мысль Ивана Грозного: святые страдали из-за самых малых дел, поэтому славный своими устоями монастырь не должен предавать заветов чудотворца Кирилла ни ради серебра, как Иуда, ни ради своих прихотей. И тут челобитчик называет виновников растления монастырского устава: «есть бо в вас Анна и Каияфа – Шереметев и Хабаров, и есть Пилат – Варлам Собакин». Одни погубили Иисуса Христа, а сосланные царём бояре-иноки распинают Христа – «чудотворцово предание». Теперь Грозному не нужны церковные глаголы – его голос окреп в развитии важного для самодержца утверждения: «мало в чём ослабу попустите, – то велико будет» (168). По мнению царя, «ослабление» равно преступлению и ведёт к прямой гибели монастыря, потому что любострастные уставы Шереметева становятся причиной того, что «не вы им учителя и законоположители – они вам учителя и законоположители» (172).

Иоанн подчёркивает, что Шереметев и Хабаров всколебали и губят русскую церковь, хотя везде и всегда «свои Шереметевы и Хабаровы были» (174), но теперь их «добрый устав» побеждает во всех крупнейших обителях Руси, о твердости веры которых можно теперь прочесть только в житиях их святых: «у Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел», а в Саввином Сторожевском монастыре до того «допили», что и «затворити некому» (180-181).

С этого момента резко меняется тон послания – $\frac{3}{4}$ объёма текста посвящено скрупулезному перечислению слабостей, метаний и упадка всего монастырского устава от бояр, победивших иноческое житие своими «распутными уставами»: «не они у вас постриглися – вы у них постриглися» (172).

На этом месте Иоанн IV совершенно отчётливо показывает, что он завершает своё послание: «Доселе, отцы святии, моего к вам безумнаго суесловия» (175). И при этом подчёркивает, что «отвещание мала изрекох вам, понеже в божественном писании о всем о сем сами множае нас, окаянных, весте. И сея малая изрекох вам, понеже вы мя понудисте». Иоанн IV пока ещё признаёт «отцов святых» и речи свои «безумным суесловием», что

мало сказал того, что они сами должны знать из церковных текстов, но уже указывает на то, что его «понудите» высказать всё. Именно высказать – так отчётливо слышится голос грозного царя с его многочисленными вопрошаниями: «отдыху нет, таки Собакин и Шереметев! А я им отец ли духовный, или начальник? ... Но доколе молвы..., и шептания..., и суесловия? И чесо ради? – злобесного ради пса Василья Собакина... Или бесова сына Иоанна Шереметева? Или дурака для и упиря Хабарова?» (175).

Беспомощность святых отцов перед «поругателями иноческого жития» даёт возможность Ивану Грозному сыграть новую роль – спасителя церкви, долженствующего прекратить «смуты, суету, мятеж, распри, нашептывания и празднословия» (175). Сбросив языковую маску смиренного и грешного челобитчика, великий князь со всем самодержавным размахом клеймит и монахов-бояр, и чернецов, «подобно иконоборцам», посеявшим «семена злочестия» (176). И эта вторая часть послания далека от челобитной – хотя в самом конце Грозный остаётся «верен» избранному жанру: «А мы вам, господине мои и отцы, челом бьем до лица земнага» (192).

Истребление благочестия – это уже проблема государева. Изощрённая риторика Грозного с многочисленными библейскими метафорами через усиление ужасов грешной жизни, через образы страшного суда приводит к тому, что царь, подобно Богородице, Христу и двенадцати апостолам, судит всю русскую церковь. И здесь уже можно «плюнуть и браниться» (190), потому что «надокучило – иноческое житие — не игрушка», а о «разорителях церковных царь не желает безлепицы читать, нет до того дела» (192). Теперь уже царь обличает «брань» и «безумные глаголы», «прелести» и «блядословие» Шереметева и Собакина, которые и с «отъятием влас» не прекратились (179). Иоанн, как грозный судия, обличает монашество, погрязшее в пьянстве, чревоугодии, неравенстве и богатстве, и бояр, которые на место иерарха «мздятся, богатства ради сана, и славы и чести от всех» (184). Всё это не устраивает Ивана IV – «мирскому бо мирская подобает строити, а иноку иноческий путь строити», а если по-другому, то – «хульно и проклято», «погани поношают» (185).

Чёткие формулировки и убедительная аргументация позво-

ляют Ивану Васильевичу поставить точку в духовных распрях нестяжателей и иосифлян – «отречение в постригании нашем и всего мира, и яко же суть в мире» (183), «а коли жестоко в черньцех – не надобно стричися» (175). Однако домогание церковью мирской власти и мирской жизни не прекратится ни с её расколом Никоном, ни с отменой патриаршества Петром I, ни с глобальным наступлением атеизма, ни с осовремениванием церковного бытия. Своеобразный разлад в духовенстве, часть которого погрязла в мирских соблазнах, а другая сохранила крепость древнего предания и устава, чётко отпечатался в народном сознании. В частности, А.С. Пушкин отмечал, что нигде более так не сильны насмешки простого народа над церковным, как в России – «Жаль!»: «мы обязаны монахам нашей историей, следственно и просвещением» [Пушкин 1994: 417-418].

В рассуждениях о долге и обязанностях монашества перед Богом и людьми Иван Грозный не нуждается в объёмных церковных текстах – ему достаточно кратких цитат из патристической литературы и Святого Писания, нередко им же подкорректированных в нужном направлении, и собственного вывода, например: «яко же рече господь в Евангелии: «нужно бо есть не приити (вм. *нужда бо есть приити*) соблазном, горе же человеку тому, им же соблазн приходит». Ино бо есть единому жити, и ино во общем житии» (173-174) и под.

Утверждая общее житие – монашеское братство – Иван Васильевич переходит к волнующей его теме царской власти, поскольку именно опальные бояре в келиях сидят что цари (177), и требуют «портище куние и соболие» (174), и их образ возвеличивают, «подобно царстей власти» (173). И всё творится при попустительстве монастырской братии, продавшей за пастилы и коврижки Шереметева, да за фряжское и заторное горячее вино.

Стратегически выверенным ходом в Послании становится вплетение в тему церковную общечеловеческой темы – равенства людей пред Богом, которая, безусловно, затрагивает всех подданных Иоанна IV. И царь напоминает «отцам святым» мартиролог святых царской крови – «сильных царей, обладающих вселенной», носящих власяницы, проживших жестокое житие, замученных в заточении, стоящих у врат монастырских. И реф-

реном звучит – «и у всех тех свои Шереметевы и Хабаровы были, и много их было» (180). Такая тактика презентации бояр как вражеского семени «всех времён и народов» повергает их в контекст безликой массы супротивников Богу и царям. Более того, великий князь и царь всеа Руси напоминает о «рыболове Петре и поселянине Богослове», о «дванадесять убогих» рыболовах, о богородице («ещё страшнейше: рождшая без семени») и Христе – тех, кто будет судить царей, не говоря об упразднивших братство бояр. Сам Кирилл-чудотворец, основатель Кирилло-Белозерского монастыря, даже в «приказе у государя не был», но тем и значимы духовенство и святые, что они «не гонялись за бояры, да бояре за ними гонялись» (180).

В насаждении неравенства в монастырских стенах Грозный видит «блядословие» и «прелести Махметовы» – «у кого здесе богатства много – тот и там будет богат». Иоанн IV использует свой излюбленный и весьма действенный приём: риторические вопросы (Да како апостолово слово: ”несть еллин и скиф, раб и свобод: вси есте о Христе”?), «Да како елико, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп»?) перемежаются многочисленными примерами истинно христианского равенства людей в церкви, духовного единения холопов, мужиков торговых и бояр, на чём «по се время держалося равенство» (179). Разрушение этих основ христианства также вменяется в вину мнихам, «сан в миру приемлюща и мирскую строящу, и богатство беруща» – «яко же нелепо мертвец на конь всажен, так и мних власть в мире прием», одному в гроб ложится, другому – «в келии затворився плакати грех своих» (184-185).

Чеканная отповедь нашкодившим чернецам заканчивается нежеланием царя заниматься монастырскими безлепицами, в том числе и теми, которые он сам видел – «по четкам матерны лают». И великий князь вновь напоминает, что он «сих мала от многих изрекох вам любви ради ваша и иноческаго для жития» – «аще хотите, – обрящете много в боженственном писании. Уже конец моих словес к вам» (192). Однако здесь же Иван Васильевич – по законам священных текстов – в третий раз, но очень кратко излагает суть своего послания: Шереметевы и Хабаровы «разорителей законов святых», монахам Кирилло-

Белозерского монастыря «благочестие не потребно, а нечестие любо», и в своём скверном житии в монастыре они вместе могут делать всё – хоть Шереметеву «золотые сосуды скуйте и чин царской устройте», но истинному, богоданному царю «ни до чего дела нет» и «воистинну ни о чём не отвечивати».

Роли поменялись – изменились и речи: челобитчик вознёсся богоизбранным царём, а монахи пали грешными челобитчиками, на прошение которых грозный судия выносит свой вердикт – *не отвечивати*, поскольку перед народом и Богом ответчиком будет не он, знающий святость и понимающий свою греховность «исполу чернец», а погрязшие в мирском полумонахи – разорители православия на Руси.

Но в конце Иоанн IV всё-таки предупреждает, что требует от насельников монастырских его «нынешнее писание» «по слогиам разуметь» (192). Следует подчеркнуть, что в завершающих Послание императивах нет обращений – они все обезличены местоимением *вы*, которое противостоит первоначальному пышным и многочисленным титулам братии «пренебесного селения».

Как искусный стратег, навывкнувший в явных и скрытых военных действиях, Грозный тщательно планирует и эффективно реализует намеченное, чётко представляя главную цель и успешно её добиваясь, предпринимая все возможные манёвры – и наработанные веками, и собственного оригинального изобретения. У Иоанна IV тактические приёмы, неожиданные для средневековой литературы, но имеющиеся в её арсенале, всегда оправдывались целью – «сего ради трости наша наострися к тебе писати» [Послания 2005: 210]. Цель оправдывала соединение челобитной с судебным решением и наказанием, сохранение и разрушение этикетных формул и ролей, недопустимо объёмных цитат из церковных источников и краткую афористичность выводов из них, подpravление Священного Писания и перевод его в народную мудрость, противопоставление святого и грешного, симбиоз сакрального и профанного, трансформацию образа автора и меню ролей адресата и адресанта. Всё это обуславливалось необходимостью государя, божиим изволением посаженного на царство, воздействовать на всю Русь, и даже на всю Вселенную, и сделать своё державное слово не «мимоществен-

ным», а «постоятельным» [Послания 2005: 206].

Поэтому в Послании нет ничего случайного и несущественного: все длинноты и объёмы цитат точно взвешенны и оправданны, кажущиеся на первый взгляд нелепицы важны; комментарии Святого Писания выкованы в народные афоризмы и даже царская «лая» со «многую яростию и лютоостию» тщательно продумана. Отточенное мастерство лицедейства, скоморошья ужимки, привычная мена декораций, костюмов, антуража, и даже «выработанная за “кушанием” в покоях у царя остротная игра» [Лихачёв 1975: 278] позволяют Иоанну Грозному резко и неожиданно для адресата, но заранее продумано менять свои речевые маски. Главное – выстроить диалог со своим противником так, чтобы усыпить его бдительность и неожиданно сразить «нечистыми и кусательными глаголами», осыпать его вереницей вопросов и восклицаний и подтвердить свою правоту многочисленными изъятиями из текстов Священного Писания или рубленными цитатами с необходимой риторичностью трансформацией, чтобы в конце пространного, хитроумно выстроенного текста лукаво спросить: «Но что ещё глаголю ти много?» – и, припечатав, ответить «по премудрому Соломону: «З безумными не множи словес» [Послания 2005: 124] и растоптать после этого оппонента рядом оскорбительных определений или наградить безликим *вы*. Но не в этом главное – в руках Грозного были более действенные и неотразимые аргументы, в том числе и физическая расправа для «бедников» и «страдников», клятвопреступников и «злбесных человек», «дураков и упирей». Суть посланий «великого государя государем царя и великого князя Ивана Васильевича» [Послания 2005: 247] и его главная стратегия заключалась «в коррекции модели мира» [Иссерс 2008: 107], но не его адресатов, а «всей Руси». Чтущие или слушающие его царское послание, изначально замысленное им как открытое, становились свидетелями развёртывания действия – «нашего царского повеления слова» [Послания 2005: 202], затаив дыхание вслушивались в самодержавное «отвещевание» и свитые с ним тексты от Священного Писания, и, безусловно, торжествовали над поверженным *противником* (тем, кто шёл *против* Иоанна Васильевича, а значит, и *против* всей Руси и *против* Бога), про-

никнувшись убедительными доводами и втянувшись в хитро-сплетение обличений и разоблачений личных супротивников властителя, искусно управляющего своим разнородным плебсом.

Безупречная логика Послания в Кирилло-Белозерский монастырь, подкрепленная сакральными текстами с их авторитетными примерами и доводами, взывающими к глубинным религиозным и человеческим чувствам, свивается с убедительной проповедью великого князя против докучливых монахов, погрязших в мирской суете, разоряющих церковные святыни, что, несомненно, стало причиной появления и закрепления в народном сознании феномена последнего великого князя и первого царя всея Руси как богоданного государя – «яростливого», но справедливого, который блестяще доказал своё право «учити, наказати и просветити». Может, в этом и скрыта главная загадка тирана и одновременно отца, в том числе и духовного, своих подданных, который сам, без «имиджмейкеров», тщательнейшим образом прорабатывал свой образ, письменно запечатлённый на века.

ЛИТЕРАТУРА

Андрианова-Перетц В.П. Послесловие // Послания Ивана Грозного / Подг. Текста Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье, под ред. В.П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). – СПб.: Наука, 2005. С. 449–451.

Бахрушин С.В. Иван Грозный. – М.: Госполитиздат, 1942

Временник Ивана Тимофеева / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 2004. (репринтное воспроизведение издания 1951 г.)

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX–XII. – Калуга, Золотая аллея, 1993.

Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. – М.: Современник, 1975.

Лурье Я.С. Был ли Иван IV писателем? // ТОДРЛ. Т. XV. – М.-Л., 1958. С. 505-508.

Перевезенцев С.В. Грозный царь: известный и неведомый... Очерк-размышление [Электрон. Ресурс]. Режим доступа: 9-sovremennik.ru/archive/2010/n4/1004-17.pdf

Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь
// Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье, под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 2005. С. 162–194. (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

Послания Ивана Грозного / Подг. Текста Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье, под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 2005. (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. – СПб., 1994.

Шмидт С.О. Заметки о языке послании Ивана Грозного // ТОДРЛ. Т. XIV. – М., 1958. С. 256-265.

©Бекасова Е.Н. 2015

А.Б. БУШЕВ

(Тверской государственный университет,
г. Тверь, Россия)

УДК 81'42
ББК Ш105.51

НОВАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ – ПОЛЕ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ И (ИЛИ) КРЕАТИВНОСТИ?!

Аннотация. Статья иллюстрирует состояние реципиента и продуцента масс-культурных текстов на примере системы высшего образования. Обсуждаются феномен фрагментаризации знания, мозаичности сознания и новой неграмотности массового читателя на фоне изменения типа мышления современника в эпоху постнеклассической рациональности. Предлагаются меры по оптимизации языкового и культурологического образования.

Ключевые слова: культура, мультикультурализм, мозаичность культуры, фрагментаризация знания, постнеклассическая рациональность, новая неграмотность.

1. Введение

В настоящей статье представляется необходимым дать интерпретации картины мира нового читателя (автора), показать особенности его формирования (в том числе не без участия института масс-медиа), показать влияние фрагментаризации сознания на язык, на журналистский дискурс и – самое главное! – наметить пути системной работы по образованию читателя (автора) в новых условиях. Материалом для статьи явились как наблюдения над речью и языковым сознанием носителей, так и наблюдения над дискурсом СМИ, языковыми феноменами в российских масс-медиа последнего десятилетия.

Традиционно в теории словесности риторическому построению текста масс-медиа уделяется наибольшее внимание и время, а самому субъекту речевой деятельности и аудитории уделяется намного меньшее внимание. Размышляя над проблемой «СМИ и общественное сознание» в ключе, заданном Е. П. Прохоровым [Прохоров 2011], мы можем сказать, что грандиозные информационные и социальные изменения конца XX века при-

вели к тому, что сменился тип мышления современника. Философы говорят о наступлении типа культуры, связанного с *постнеклассической рациональностью*. Проблематика готовностей создавать и понимать текст разрабатывается и риторикой, и дидактикой, и герменевтикой. Какими компетенциями должна обладать языковая личность (=носитель=автор=реципиент), чтобы успешно строить тексты и понимать их?! Этим озабочена и педагогика, и очевидно одно: эти компетенции выходят далеко за пределы собственно лингвистических [Бушев 2010]. Уже классическая риторика предупреждает о пустоцвете речи без философских, правовых, этических, логических, политических, культурных ее оснований.

Сегодня *в условиях массового общества* мы имеем дело с *мозаичной культурой*, суть которой хорошо выражает русская поговорка: «Полуграмотный хуже неграмотного». На фоне развития глобальной культуры отмечается и феномен *фрагментаризации картины мира*. Современная языковая личность далека от идеала. В этой связи нами давно изучается *феномен «новой неграмотности»* – сочетание глобального и локального, невежественности в фундаментальном и осведомленности в узких вопросах, отсутствие панорамно-исторического подхода, аксиологии, декларация приоритетности вкуса и впечатлений, отсутствие познавательной мотивации. С аналогичной неграмотностью столкнулись США в середине 60-х гг. XX века, на пороге перехода к информационному обществу. Тогда там пристально изучали советскую систему образования, создали экспозицию о ней под названием «Как запускают спутник?» Известна фраза о том, что победы наций одерживают школьные учителя. Был ревизован арсенал дидактики, намечена риторизация программ обучения. Была разработана теория минимальной культурной компетентности (Д. Хирш) – что должен знать каждый американец об истории, культуре, географии США.

Фрагментаризации соответствует сегодня *мультикультурализм* разных миров, сосуществующих в обществе, трагически разделенных культурой, ценностным взглядом на мир. Это не только этнокультуры, и культуры наций-государств, но и высокая и массовая культура, культуры мегаполиса и провинции,

городская и сельская культуры, культуры социальных страт, восточная и западная культуры, европейская, американская и азиатская культура, различные профессиональные, возрастные субкультуры. Эти стратификации отвечают новой интерпретации термина «культура» в новое время. Известны социологический, исторический, нормативный, психологический, дидактический, антропологический подходы к характеристике культуры. Социологи связывают проблемы культурной грамотности с проблемами элитарности и отмечают, что целый ряд факторов – типовое преподавание, плохое комплектование библиотек, провинциализация образования и т.д. – не обеспечивают воспроизводство интеллигенции, способствуют пассивности, конформизму, консерватизму, не обеспечивают воспроизводство национальной культуры и существование самых сложных и рафинированных форм знания, науки, коммуникаций [Гудков, Дубин, Левада 2007]. Возникает *новый читатель* [Бушев 2007] и *новый автор*, у которого нет цельной картины мира, нет исторического сознания, есть опасная тенденция соглашательской всеядности, которого характеризует элементарное незнание ключевых вещей и здоровый цинизм к любой пропаганде, наличествует установка на дешевое развлечение, отсутствует пиетет перед классикой. «Специфический персонаж, главный герой XX века – массовый человек... – оказался не героем, не великаном, не борцом, а «средним» человеком... – он пошловат, приземлен и узко практичен в своих интересах. Он технически грамотен, освоил бытовую технику, автомобиль...значительно повлиял на все процессы, от системы ценностей и социальной мифологии до спорта и досуга» [Левада 2006]. При этом социологи предупреждают о связи деградации образованного слоя с все более отчетливой проблемой институциональных рамок культурной консерватизации, инерции самовоспроизводства и самоидентификации массы [Гудков 2004]. На фоне массового сознания общепринятым тоном оказываются услужливость, подражательность, цинизм, эпигонство и апатия [Гудков 2011].

2. Описание новой неграмотности

Студенты-иностранцы пишут: «Стихи будЕт...Клуб представляет фестивалЬ!». На вопрос о том, что такое спонсорский

пакет, студенты-иностранцы из СНГ отвечают, что это пакет, в который вкладывается подарок, взятка. На вопрос о том, что есть литературный фестиваль, отвечают, очевидно, перепутав его с карнавалом: «Это где люди переодеваются»... Но ведь не отстают от них и отечественные Митрофанушки! Никто из группы в 30 человек ничего не слышал о Константинове – родине Есенина, пустым звуком для них является и Спасское-Лутовиново. Вот где поле приложения концепции минимальной культурной грамотности Д. Хирша! На вопрос о том, что производят в Жостово или каковы традиционные центры русской лаковой миниатюры не могут дать ответа!

Сбылось пророчество гениального В. В. Набокова: автор писал, что люди XXI века будут еще гадать, в честь какой Лены назван город на Неве (Ленинград). Известный литератор И.Л. Волгин рассказывал недавно про свои беседы со студентами МГУ. Их ответы на экзамене анекдотичны: «*В каком году умер Толстой? – Году в восемнадцатом... – Да?! И как же он относился к советской власти? – Он ее... принял*». Или вот: «*Отчего умер Пушкин? – Ну, его задушило самодержавие. – Когда? – При Николае ...Третьем*».

Профессор-юрист рассказывает мне, что подготовившаяся по конспектам студентка бодро лопочет: «*Черныш сказал, Черныш отметил*». Стоп. Кто это? Как выясняется, Чернышевский. Записала сокращенно: «Черныш». Ну а потом он и стал Чернышом. Все равно же. Какие там идеологические расхождения с революционными демократами!

Высоцкому – семьдесят. Разговариваю со школьниками об авторской песне. «*О, это нас не интересует*». Достойный ответ на вопрос об актуальности его творчества. То ли дело Билан! И, конечно, это не «Комедии Клуб», не Ксения Собчак, не Иван Ургант.

Литературу вытесняют экранные искусства. Спрашиваю студентов про вкусы в области самого важного из искусств – кино. «Ультрафиолет», «Робот», в лучшем случае «Гарри Поттер». Эрзац порождает эрзац. Кино авторское, история кино – где-то за горизонтом понимания. Смотрим не самый плохой фильм «Анна и король». По сюжету, учительница отказывается при-

нять богатый дар короля Сиама – отца ее ученика. *«Ну и дура. Продала бы в Англии – Да что ты. У нее (через губу, презрительно) п р и ц и п ы»*. Речь студентов полна клише из второсортных американских фильмов – *«Я в порядке», «У вас проблемы», «Не понятно», «Детей я беру себе», «Я не о том, дорогая»*.

Студент-экономист спрашивает меня: *«А у нас есть в городе английский музей?»* – *«Это что такое?»* – осторожно говорю в ответ. – *«Ну, где-нибудь, где картины висят, всяких Шекспиров великих...»*. В титрах фильмов первого канала появляются анекдотические ошибки этих вчерашних студентов: *«В роли Нины Чавчавадзевоы, в ролях Юрий Визборг»*.

Грустны размышления о культурном горизонте классов (похоже, они опять объявились в нашем обществе). Вырос человек, не слыхавший о Феллини и Шекспире, исключивший их из своего обихода. *«Я слушаю мюзиклы, да и только. Мне нравятся «Танцы со звездами», я читаю журнал «Лиза», мои вкусы сверхценны и свободны, мой выбор суверенен»*, – может сказать вам иной читатель-современник. *«Я бардов не больно»*, – так начинается и заканчивается разговор о поэтах Высоцком, Окуджаве, Галиче. Секретом для большинства остается, что они – национальные гении.

О культурной деградации вопиют дачи на Бородинском поле, требующие спасения Комарово, Перedelкино, многоэтажные дома, заслонившие Новоиерусалимский монастырь, запустение исторических городов. Смущает, что культуре отводился только год (2014), ведь серьезная значимая культурная политика требует десятилетий. Малый резонанс (что удивительно для нашего нового цезарепапизма – церковные иерархи заседают в президиумах, без их золоченых одежд не обходятся пиар-мероприятия светской власти) имело совпавшее с годом культуры 700-летие Сергия Радонежского.

Необходимо отметить, что в современных условиях культурная работа не обязательно связана с классическим искусством. Городские школьники лишены связи с природой. Школьники говорят, что березовый сок собирают летом, не могут сказать, что такое конек крыши, подлесок, болото. Не знают сказок.

Год культуры – это и работа по ликвидации исторической неграмотности. На вопрос «Кого знаете из Маршалов Советского Союза?» студенты дают ответ: «Георгий Жуков и Василий Теркин». Вообще, данные социологов по историческому сознанию молодого поколения россиян предоставляют пищу для раздумий [Горшков, Шереги 2010].

Провинциальные французы, например, ничего не смыслят в нашей жизни. Если им сказать, что Берия была женщиной, вам безоговорочно поверят. Скажут: «Надо же, какая Берия красивая была...». Не знают Пастера, говорят что Париж – серый город. Ну вот, мы стали похожи на провинциальных французов.

Поэт Инна Кабыш пишет о своем ученике: «Мой ученик в сочинении «Актуальна ли комедия «Недоросль» в наши дни?» написал: *Я считаю, что неАктуальна, потому что разве в наши дни есть такие неграММОтные люди?»*

«Какой праздник будет девятого мая?» – спрашиваю ученицу четвертого класса. С опаской, чуя подвох, переспрашивает: «Пасха?»

Назовите представителей консервативного крыла современной публицистики? – спрашиваю студента-журналиста. «Иванов. – Какой? Как его имя? – Не скажу». На этом фоне в Ставрополе прокуратура изымает из школьных библиотек стихи Есенина и «Лолиту» Набокова. В Краснодаре спектакль «Ревизор» получил ограничение 12+. За сцену с подкупом чиновника Хлестакова – это якобы является оправданием противоправного поведения.

Советский классик Юрий Бондарев рассказывает, как спрашивал у старшеклассников «Что Вы думаете о Бунине?». В ответ получил: «А кто такой Бунин?!». «Что вы можете сказать о Наташе Ростовой? – Кажется, это какая-то литературная героиня».

На выставке в библиотеке на мой вопрос о лермонтовских местах студентка дает ответ: «Село... Царское Село...» Прошу назвать хотя бы одного представителя философии Серебряного века – получаю: «Фома Аквинский, Некрасов».

Прихожу в библиотеку. Шекспировская выставка, очень слабая. Я спрашиваю: «А где же Морозов, Аникст, Пуришев, Пинский, Шайтанов, Бартошевич ?! – Вы специалист по Шекспи-

ру?»). Как мало надо знать, чтобы прослыть специалистом по Шекспиру!

Как организовать рациональный отбор материала чтения? Техника понимания сложных текстов связана с занимающей нас проблемой понимания объектов дизайна, городов, лиц как текстов. Развитие способностей понимания связано с древней риторикой, пришедшей в школу во времена Аристотеля.

В «Литературной газете» № 18 (2014) кандидат исторических наук Ольга Жукова пишет: «Одна из студенток назвала переломным сражением Великой Отечественной войны «Бредскую битву». Видимо, что-то слышала о подвиге Брестской крепости или о новом одноименном кинофильме. Другая засомневалась «Сталинград или Бородино?» Видимо, что-то слышала о фильме Бондарчука. Студент, получив задание приготовить доклад о Рокоссовском, спросил: «А кто это?». Настоящим героем «Бредских битв» становится сегодня преподаватель, открывающий дверь в школьный класс или университетскую аудиторию.

Вызывает опасения и наше понимание социальной ситуации. Сущностными характеристиками современного сознания масс Б.А. Грушин считает полное непонимание происходящего в стране, потерю базовых ориентиров в жизни, нестабильность реакций и оценок, беспримерную дифференцированность в отношении образов и стилей жизни, утрату доверия к власти, внутреннюю противоречивость и беспрецедентную мозаичность сознания, резкое оскудение и порчу языковых средств выражения имеющегося у масс рационального сознания [Грушин 2001].

Недавно я случайно оказался в гостях – в кабинете русского языка и литературы вечерней школы. Будучи человеком любознательным, я окунулся в прошлое, в декорации картины «Доживем до понедельника». Рука учеников-переростков выводила в тетрадках: «*За кем правда? За Лукой*». Изучали революционеров в пьесе «Вишневый сад»... Повсюду взор наталкивался на старые плакаты «Красуйся, град Петров», «Пушкинское кольцо Верхневолжья», «Писатели в нашем крае». «Хотелось бы видеть среди писателей Ахматову, Гумилева, – мечтательно протянула коллега. – А все остальное – все это было, было и прошло». Кстати, школа великой русской классики помахала рукой и уш-

ла. Современному школьнику некогда и незачем читать.

Проглядываю тетради и ужасаюсь: *Фанвизин, Орзамас, Бальмонд, изучают ямп, корей и даптель, Краништит...* Глухой угол российской империи?! Еду в троллейбусе, и на стенах в Твери читаю надписи-граффити: «*Сериков-лавелас (кабель)*». Гуляю возле Суворовского училища в Твери и на стене читаю «*Макаров. Ты лудший*». Конечно, писать грамотно важно. Уровень грамотности катастрофически упал. Впрочем, в американском учебнике по психологии написано: «Проблемы с орфографией не мешают жизненному успеху». Человека создает средняя школа. Высшая – лишь дает специальность. Все это происходит на фоне потрясающего невежества современных студентов. Математик объясняет студентам теорему Колмогорова. «Холомогорова?» – переспрашивают студенты второго курса. Спрашиваю у студентов про итальянское Возрождение – студенты не могут назвать ни одного имени. Говорю про Рафаэля. «Ах, да, мы мультик смотрели...».

Полистал лекции вечерних школьников про Раневскую, - «*женщину, стоящую над пропастью*», про Есенина было сказано «*Хочет наверстать упущенное за границей после Эйсидоры Дункан*». Про профессию актера в пьесе «На дне» в составленной таблице было сказано: «*пьет*». Однако перестройка образования дошла до Богом забытой вечерней школы: уже фигурировали и «Окаянные дни» Бунина, акмеизм, записи о Сологубе... Доступны ли Сологуб и «Окаянные дни» оболтусу, пишущему *даптель*?!

Очевидно одно: мир усложнился и предъявляет к сегодняшней школе новые требования. Ее выпускники должны быть современны, должны быть адекватны реальности. Для школьников открыт мир политики, телевидения, моды, спорта, кино, фитнеса... Они рассуждают о Тэйт Модерн и Гарри Поттере, ночных клубах и футболе в Лондоне... Они в курсе позывных глобализованной англосаксонской культуры: *Мэг Райан, Том Хэнкс, Джулия Робертс, Джим Кэрри, Леонардо ди Каприо, Брэд Питт и Том Круз* знакомы любому школьнику в мире.

Не будем забывать, что мы обучаем поколение, живущее в сети Интернет, понимающее, что за него идет борьба «на рынке

образовательных услуг». Школьникам доступна любая информация, они, кажется, рождены компьютерно грамотными. Изучая социальные последствия компьютеризации, ученые говорят об особом электронном письме (наряду с письменной и устной речью) и коммуникативной среде, которую оно обслуживает. Качественно меняются условия труда современности и будущего. Футурологи утверждают, что в жизнь вступает поколение, у которого не будет постоянного дела и постоянной работы в течение всей жизни. Мобильный телефон и ноутбук стирают границы между личным и рабочим временем. Все большее число людей в мире занято производством услуг. Если вы рассчитываете получить хорошую работу, вы должны знать компьютер, Интернет, иметь хорошие коммуникационные навыки. Важное значение приобретают языки, и не только английский. Это мнение высказано Ли Ланкастером в книге «Futurework», аналогичное мнение высказывает автор бестселлера последнего десятилетия «Эпоха неразумия» Чарльз Хэнди [Handy 1997].

Бурные изменения затрагивают прежде всего гуманитарную составляющую обучения. Мы, кажется, начали понимать, что инвестиции в гуманитарное образование – инвестиции в человеческий капитал, столь необходимые сегодня, ибо никакой технократии не решить проблем двадцать первого века.

Налицо осмысление драматического опыта двадцатого века. Трудно преподавать историю. Как рассказать про «крупнейшую геополитическую катастрофу двадцатого века» (так, как известно, оценил В. В. Путин распад СССР)? Почему учителя говорят одно, а родители дома другое?! Девяностые – это «время надежд» или «лихие девяностые», революция или истоки социальных бедствий?! У нового поколения историков опять вызывает затруднения оценка сталинизма. А драматическая история конца века – взять хотя бы, как считают многие, поражение СССР в холодной войне. Надо ли рассказывать про общественный проект диссидентов? Про наследие Сахарова, Солженицына и Шаламова?

В советской школе не обсуждался национальный вопрос. Ведь уже почти выковалась «новая общность людей» – советский народ. И вдруг все недели национальные тубетейки и стали суверенными. Разговор о национальном сегодня приобретает

пожароопасный оттенок.

Очевидны проблемы с преподаванием мировой художественной культуры. Современные студенты смело путешествуют по миру. Они были в Лувре, в Прадо, в Национальной галерее, в Пинакотеке, в Палатинской галерее и в Уффици. Мировая художественная культура по старинке преподается как культура высоких классических образцов, а сегодняшняя демократическая культура глобализации – и сама динамичная жизнь общества – вносят существенные поправки.

Возьмем вопросы социальных ценностей. Все школьники страны Советов готовились строить коммунизм. Сегодняшняя Конституция России прямо провозглашает отсутствие единой государственной идеологии. И те, кто вроде бы учил нас строить коммунизм, был нашим знаменосцем, резко развернулись: «Я голосую против величайшего зла на земле. Имя ему – коммунизм». Так, например, сказала на пороге своей смерти лауреат Государственной премии России Белла Ахмадулина по случаю парламентских выборов.

3. Язык – зеркало социальной динамики

Конечно, общественное сознание претерпевает существенную динамику. Это отражает наш язык. Сегодня уходят из словоупотребления целые пласты лексики, обозначавшие советские реалии – *колхоз, соревнование*. Создается новая фразеология: *дикий рынок, отмывание денег, новые русские, лицо кавказской национальности*. Налицо новый политический словарь: *околосоветская группировка, правые силы*. Формируется знаковый словарь эпохи: *крутой* (о богатом бизнесмене), *облом* (неудача), *тусовка* (общение), *разборка* (сведение счетов, выяснение отношений), *беспредел* (бунт в зоне). Подумать только, эти слова были неведомы Пушкину. Как он проигрывает в наших глазах...

Благодаря рекламе возникают новые клише – *рекламная пауза, сладкая парочка*. Повышается повседневная метафоричность речи: *коридоры власти, корабль реформ, острова тоталитаризма, вирус недоверия, логика чувств...*

Студенты изучают *экономикс*. Ноу проблем!

Увеличивается демократичность речи. Уходят высокие, наиболее книжные, выпрениие и синтаксически развернутые фор-

мы интеллигентской речи, теряется аристократизм речи. На смену ему идет масс-культ, стандартизация. В СМИ возникает новый разговорный язык, близкий к обиходному. Ему соответствует неомания – «зуд» постоянно потреблять новости.

В языке проявляется новая экспрессивность. Он играет с текстами культуры. Еще в тридцатых В. Беньямин обратил внимание на эффект тиражирования произведений искусства. Пушкина поставил бы в тупик такой примитив, как смайлик. Он не знал, кто такие «аффтарты» и «аватары». Вместо пушкинских поэтических строк о Кавказе наш сегодняшний современник пишет в Интернете, смешивая кириллическую и латинскую графику и манкируя знаками препинания: «НА КАВКАЗЕ ЕСТЬ ТЕРЕК-РЕКА. ВОТ ЗАМЕР СОВСЕМ. ТАК ЕМУ СУКЕ! УРА УРА!» Что это? Поневоле подумаешь о том, что старая поэзия лучше новой.

Язык весьма консервативен. Мы слышим новые слова, когда они появляются в новом социальном и смысловом контексте: глядь, журнальная литература оскоромилась матом, а вон слова из уголовного арго уже вошли в речь лихих тележурналистов. Воздействие мыслится, прежде всего, в учете субъязыка и риторических экспектаций слушателей. Как разговаривать с представителями финансовых структур? Российскую писательницу М. Арбатову однажды инструктировал один генерал: «Когда пойдешь разговаривать с крутыми, объясняй им так: *«За вами – синие, за нами – спецура. Вы – в семье, мы – в семье. Ну, зачем двум семьям ссориться из-за какой-то депутатской корочки? Я ни слова не поняла, но стонала от удовольствия»*. Возникает и новая «литература помойки».

Велика презумпция тюремности в языке. Сама власть использует лагерный язык как норму! Посмотрите на вульгаризмы, интонации. «Зажигать», «тормозить» – переходные глаголы стали непереходными. Хотя вульгаризмы и нецензурная брань – это проблема не языка, а воспитания. В чем проявляется зрелость и совершенство языка, его богатство? Трудный вопрос.

Еще одна проблема – планетарное распространение английского языка в качестве языка межэтнического общения. В пушкинское время мировым языком был французский. Но он так не

влиял на менталитет. Сегодня возникает надэтническая общность людей, чье языковое существование частично происходит на неродном языке. Это лингвокультурный надэтнический союз, влияющий и на сам русский язык. Возник новый тип обучаемого *нетизен* – человек, проводящий значительное количество времени в Интернете, живущий в нем, пользующийся социальными сетями и т.д.

Лингвокультурологами показано, что для развития культурологической компетенции в области родной культуры актуально понимание прецедентных имен и текстов собственной культуры и умение представлять их инофонам. У каждого носителя языка есть своя агнонимическая шкала. В ответ на явную «культурную лакуарность» в собственной культуре языковой личности родилась концепция «минимальной культурной грамотности» Д.Хирша.

День сегодняшний знаменует то, что от клинописи мы дошли до Интернета. Как влияют на язык информационная революция, массовая культура и коммуникация?! Онегин и Татьяна – обменивались бы они сегодня письмами или «общались бы в привате»?! Было бы от этого их общение хуже, беднее? Были бы они сегодня блогерами? Обошел бы своим вниманием Онегин сетевую литературу? А сам Пушкин?! Как повлияли на наше общение Интернет, мобильные телефоны и пейджеры? Представляется, что человечество уже воспользовалось, но не до конца оценило возможности цифрового представления любой информации, возможности дистанционного и мгновенного обмена крупными блоками информации. Лавинообразное производство информацией впервые становится экономико-организационной основой общества.

Парадокс: на фоне экспоненциального роста знания и коммуникаций и развития глобальной культуры отмечается феномен фрагментаризации картины мира отдельной языковой личности. ***Бескультурие на телевидении является следствием ситуации.*** Слушаю рекламу нового фильма про мушкетеров и не верю своим ушам. «*Что-то я не вижу подвескОВ, мадам.*»

4. Что делать?

Традиционным являлось понимание культуры как культуры

классической литературы, высокого изобразительного искусства, высокой музыки. Сегодня с этими медиумами высокой культуры спорят кино, попкультура. Как организовать рациональный отбор материала? Техника понимания сложных текстов связана с занимающей нас проблемой понимания объектов дизайна, городов, лиц и т.д. как текстов. Развитие способностей понимания связано с риторикой. Попросим студентов поимпровизировать на темы о лучшем публицисте, старых традициях горожан, традиции выращивать кофе, создавать сады, квинтэссенции стиля модерн, чтения городов как книг и т.д. – сразу вывим их речевую и культурную компетенцию.

Актуален баланс знания и понимания [Handy 1997]. Одинаково бесперспективны абсолютизация знания и абсолютизация понимания и творчества. Важен исторический метод в преподавании гуманитарной культуры, а не фрагментарный [Бушев 2006].

Банально, но необходимо воспитывать понимание и внимание к ценностям культуры. «О вкусах не спорят» – изречение, простительное в устах провинциальной школьной учительницы, доведенной учениками и нищетой до отчаяния. Вкусы все же воспитывают. Иначе бывает вот что: «публика-с требует» (как у В. Гиляровского). Иначе можно обойтись двумя десятками слов, как героиня И. Ильфа и Е. Петрова или герой Ю. Полякова в «Не вари козленка в молоке матери его». Здесь опять вспоминается идея Д. С. Лихачева о культуре, занимающей место идеологии. При такой работе происходят и интериоризация социокультурных норм, и освоение ценностей.

При этом важно собственно филологическое знание. Язык понимается как специфический способ существования культуры, средство ее функционирования, как отражение и выражение опосредованной культурой действительности и основной фактор формирования культурных кодов. Культурный код представляет собой ценности, концепты, типы дискурсов, типы ключевых коммуникаторов. Риторика, бесосновательно маргинализированная еще в конце девятнадцатого века, переживает в послевоенное время возрождение в трудах Ю. В. Рождественского [Рождественский 1997] и его учеников А.А. Волкова и

В.И. Аннушкина [Аннушкин 2009, Волков 2001]. Риторические исследования находят применение в самых различных областях – политическом дебатировании, педагогике, аргументологии, организационной коммуникации, исследовании текстов масс-медиа и т.д.

Техника понимания сложных текстов связана с занимающей нас проблемой понимания объектов дизайна, городов, лиц и т.д. как текстов. Ничто не мешает нам сегодня увидеть ту эпоху через небольшие детали. Возьмем даже собственно нехудожественный текст. Прочитаем воспоминания Веры Судейкиной [Судейкина-Стравинская 2006]. Удивительная личность, художник, муза фигурантов серебряного века Судейкина и Стравинского. Веру называли волшебная фея Санкт-Петербурга. Оценим ее старинный язык:

Я спала с уймой снов.

Гуляли entre chein et loup.

Я ходила с мамой чуточку гулять

Мама поит нас шЕколадом

После позирования, часов в пять пошли собирать валежник, шли по взрытой земле, через ручеек. Небо очистилось, розоватые облака, молодой месяц, чувство близости земли. Сережа вспоминает барбизонцев.

Запись 1918 года. На этот раз говорим только о политике, и с большим жаром, потому что делается что-то невероятное, какое-то фантастическое, бешенное скерцо. Немцы наступают и в 60 верстах от Бологова.

Вчера мы поздно легли спать, все слушали рассказы Блуменфельда о его балетных скитаниях и знакомствах, семнадцать лет подряд от обедал у Кюба! Кого он только не знает!

С утра приходит Савелий и, вместо того, чтобы поименному попить с нами кофе, так торопились, что я, желая все же успеть с угощением, заливаю спешке кофеем свои белые туфли, которыми единственно я могла отметить сегодняшний день

Я плохо спала, потому что снились большевистские сны.

Налицо деталь, выводящая нас к стилю (большевистская революция как скерцо, человек, гуляющий в сумерках и остро чув-

ствующий дыхание барбизонцев т.д.) Вера Судейкина при рецензии ее мемуаров из-за детали соотносится нами с тем дивным поколением женщин, которых Мандельштам – еще один творец той эпохи – называл «европейки нежные».

Современный носитель языка уже может не знать каких-то деталей, но незнание не лишает его понимания стиля мемуаров, человека и эпохи:

Купленные на вербе поповские собаки (если «на вербе» еще хоть как-то ассоциируется со Страстной, то почему собаки поповские и как выглядел и ценился такой фарфор, уже непонятно)

Кустарный музей

Пожар незлобинского театра

Один из первых дней русской свободы, 3 марта

Статьи Врангеля (современный человек уже не знает Н.Н. Врангеля – представителя золотой молодежи начала века, оставившего прекрасный путеводитель по Русскому музею).

Фарфоровый амур Гарднера (фабрика Гарднера закрылась в конце 19 века).

Социальные наблюдения мемуаристики интересны для историка, языковеду интересны собственно языковые наблюдения:

Эскиз interieur'a

Лоузенный вместо блестящий.

Приведенные примеры убеждают в одном: велика роль художественной детали в понимании стиля. Чтобы соотносить тот или иной текст со стилем, надо тренироваться в постижении частности. Частность, выводящая к целому, – это и есть техника герменевтического круга. Техника герменевтического круга может выводить к предвосхищению как оценке всего текста.

Посмотрим на работу другой техники - техники понимания регистра (сниженности) речи.

Сленг – хорошо это или плохо? Чем отличается новый сленг от сленга, что бытовал тридцать лет назад?

Демократизация языка российских масс-медиа достаточно подробно описывается при изучении динамики современной лексики, активных изменений, прежде всего, на лексическом уровне [Валгина 2003, Костомаров 2005, Русский язык конца XX столетия ... 2000, Русский язык сегодня ... 2003, Стернин

2004]. Иногда она называется вульгаризацией или даже криминализацией. Русский язык последних двух десятилетий демонстрирует низкий уровень стабильности лексической системы. Характерно вымирание элитарного типа речевой культуры, который в настоящее время заменяется на фамиллярно-разговорный тип, модный в средствах массовой информации [Сиротинина 2000, Карасик 2002]. Язык СМИ двадцатилетней давности был намного беднее и строже.

Полагают, что преобладание оценочной лексики тоже становится все более и более свойственным языку медиа [Маркелова 1993]. Достаточно прослушать несколько радиопрограмм, чтобы набрать примеров. Это следствие процесса демократизации СМИ, появление свободной коллоквиальной разговорной речи в средствах массовой информации. Это свобода говорить, как хочется. В определенной мере это можно рассматривать как форму протеста. В городской среде не было принято широко употреблять бранные слова, сквернословие. В письменной речи это воспринимается как хулиганство.

Неудивительно, что медиаречь полна сниженной лексикой, вульгаризмами, арготизмами, широко проникшими в разговорную речь россиян в конце двадцатого столетия. Налицо социолингвистическая проблема арготизации языка [Грачев 1996].

Налицо большое количество иноязычных заимствований, варваризмов: *траффик перед воротами, чаты и форумы*. Особенно велико количество заимствований в сфере компьютерных технологий. Это объяснимо: денотат имеется, дезигната нет.

Налицо культура сниженной разговорности в масс-медиа. Развивая идеи О.Б. Сиротининой о типах речевой культуры, В.И. Карасик говорит об утрате масс-медиа элитарного типа речевой культуры [Карасик 2002], явственен фамиллярно-разговорный тип:

Перец в трениках (в СМИ о Р. Кадырове).

Нам Кузовлева впаривали (из речи учительницы).

Не облажаться (из речи радиокорреспондента)

Но не все так плохо. Язык не погиб. Его характеризует **творческое начало** – создание новых слов – словомейкерство. Язык шутит. Ср., следующие примеры: *заявление Христа народу; не*

*скудеет рука сдающего; греф-фрукт; брехлама; осетенеть; словоние; трепортер; смехдержава; сезон вождей; пресслакей; дуривестник; перепост.модернизм; каюк-компания; замкадыш; рынок избирательных услуг; попал под тандем; подложит амфору; голодообразующее предприятие и др. Творческое начало видится в создании иронических неологизмов: *катастройка, лжурналист, прихватизация, Садамное кольцо, мэриози, карга*. Показательна «снисходительность» к чужим словам, перестраиваемым при помощи норм родного языка: *видик, сидюшник, бмвушка, Емеля, океюшки*.*

Как форма существования литературного языка, разговорная речь характеризуется основными его признаками (наддиалектностью, устойчивостью, нормативностью, многофункциональностью). Изучалось взаимодействие ее с разговорным типом письменно-литературного языка в художественных произведениях, где речь разговорная, по словам В.В. Виноградова, «олитературируется» [Виноградов 1978]. Представляет интерес использование стилистически маркированных сниженных стилистических явлений.

Другую сторону проблемы представляет значительное количество сниженной лексики – новое просторечие, до вульгарного и обценного.

Посмотрим на язык диалогов и несобственно прямой речи в романе С. Минаева «Духless», отражающий современную коллоквиальную речь:

Вау, клево, класс, супер, бред какой-то, не грузись. Старперские темы, ксива, менты. Идея с заменой паспорта не канает. Не прикололо. Мандежник, мутные перцы, затусить. Мне нужно с этими упырями встречаться. Тут голяк. Пустые понты, лошня. Колхозница, не зарубайся. У меня на эту пургу нет времени. Гоню, понтуюсь, прогоняю левые телеги. Сколько раз говорю: давайте перестанем бухать, торчать и отжигать до утра, если на следующий день репетиция. Попустись, брателло. Засылает косарь в месяц. Вы все еще трете за любовь? Без мазы. Беспонтово, жесть. Стебануться. Головняки, стремные политические акции, попадосы с мелким бизнесом, лажовые правила. Ну что, падла, сразу тебя кончить, или ты сначала

*нам отпишешь свою с***ную хату в Бескудникове?*

Приглядимся к этим словам. Многие из них часто встречались нами в прессе, прекрасно входили в броские заголовки газет (особенно желтых, таблоидов, тяготеющих к сенсациям), представляются естественными в речи «поп-звезд», других часто мелькающих на телеэкране публичных персонажей. Многие слова стали заголовками фильмов последних лет. Они деэтимологизировались, воспринимаются как естественные в речи современных носителей языка, не оскорбляют речевое достоинство говорящего и слушающего. Арго же выполняет роль сигнализации «Я – свой», «Я – продвинутый», «Что мне до мешанских предрассудков». Все это требует серьезной языковой политики, целью которой, согласно мнению Г.О. Винокура, является сам язык [Винокур 1929].

Высокий, торжественный стиль всегда немного архаичен. В нем оказываются уместны такие слова, как *воин, ратный труд, отныне, ибо* и т.д. С чувством большого сожаления А.А. Волков констатирует тот факт, что «как выражение возвышенного высокий регистр и вообще церковно-славянская речевая стихия, очевидно, с трудом доступны современному языковому сознанию, которое формируется средствами массовой информации» [Волков 2001]. Жаргоны, по меткому выражению В.М. Жирмунского, паразитируют на языке [Жирмунский 1936].

Сегодня «бытование арготизмов в литературном языке» (и их засилье) обсуждается с парламентской трибуны и представляется серьезной социолингвистической проблемой. Несомненно, что в новом веке произошли изменения литературы, языка, и они весьма существенны. Дело ведь не только в том, что многие литераторы оскоромились матерщиной, используют компьютерный язык и уличный жаргон, полуграмотно пишут на «животрепещущие» темы. Как шутит поэт Наум Коржавин, чего уж там, персонажи пишут. Произошли изменения и самого читателя, его демократизация, смена его приоритетов.

Категория языковой личности, описание которой начато в науке трудами В.В. Виноградова, Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, многих современных исследователей – это то, что позволяет говорить о речедеятеле во всем многообразии его текстовой дея-

тельности [Богин 2000]. Категория современной языковой личности россиянина в силу многих причин не исчерпывается фольклорной языковой личностью и русской языковой личностью. Источников мультикультурализма и искусственной социальности несколько, их влияние на русскую языковую личность и русский язык нуждается в пристальном изучении.

Итак, нами намечены лишь отдельные шаги, продемонстрированы лишь отдельные техники, помогающие интерпретации целого – текста. Эта проблематика представляется краеугольной для развития индивидуальных и коллективных способностей интерпретации и понимания. В виду важности последних представляется нелогичным их недоисследованность и недопредставленность среди арсенала дидактических методов и автодидактических способностей обучаемых. Ставится задача «сохранить высоты культуры перед лицом торжествующей бюрократии и полубообразованности массы» [Левада 1993].

ЛИТЕРАТУРА

- Аннушкин В.И.* Язык и жизнь. – М.: Русская школа, 2009.
- Волков А.А.* Курс русской риторики. – М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
- Богин Г.И.* Обретение способности понимать. – Тверь, 2000. Интернет-источник: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970/6> (дата обращения 29.02.2012)
- Бушев А.Б.* Рефлексия над историей и художественный нарратив //Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Сб. науч. Тр. Выпуск II. Сост., отв. Редактор проф. А. И. Ванюков. Саратов. 2006. – С. 318-322.
- Бушев А.Б.* Языковая личность профессионального переводчика. – Тверь: СПБГИЭУ, 2010. – 265. с.
- Бушев А.Б.* Потребление беллетристики: литературный канон / Потребление как коммуникация – 2007: Научн. конф. 29-30 июня 2007 г. Материалы конференции /Под ред. В.И.Ильина, В.В.Козловского. – СПб.: Интерсоцис, 2007. – с.20-22.
- Валгина Н.С.* Функциональные стили русского языка. – М.: МГУП, 2003. – 192 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. История русского литера-

турного языка. – М., 1978. – С. 254-287.

Винокур Г.О. Культура языка. – М.: Федерация, 1929. 240 с.

Волков А.А. Курс русской риторики. – М.: Изд-во Храма св. муч. Татианы, 2001. С. 291.

Грачев М.А. Как появляются арготизмы в нашей речи// Русская речь. 1996. № 4. – С.20-30.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 20-38.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 19-20.

Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 10.

Гудков Л.Д. Негативная идентичность. – М.: НЛЮ, ВЦИОМ-А, 2004. –С. 11.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В, Левада Ю.А. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологического исследования. – М.: «Либеральная миссия», 2007.

Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. – Л.: ЛГУ, 1936.

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 288 с

Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000-2005. – М.: Новое издательство, 2006.

Левада Ю.А. Статьи по социологии. – М: Фонд Дж. И К. Маркатуров.1993.

Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук М.: МГУ, 1993.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – М.: Аспект-Пресс, 2011. – 351с.

Рождественский Ю.В. Теория риторики. – М.: Добросвет,

1997. – 600 с.

Русский язык конца XX столетия / Отв. Ред. Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 473 с.

Русский язык сегодня / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2003. – 185 с.

Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // *Русский язык сегодня*. – М., 2000.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX- начала XXI века. – Воронеж: Истоки, 2004. – 341 с.

Судейкина-Стравинская В.А. Дневник. Петроград. Крым. Тифлис. – М.: Русский путь, 2006. – 669 с.

Handy, Ch. The Age of Unreason. Harvard business School press. Boston, Massachusetts. 1997 450 pp.

©Бушев А.Б., 2015

Т.В. ГОГОЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 372.881.161.1'367

ББК Ч426.819=411.2.22

ИЗУЧЕНИЕ ФИГУР ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА В ШКОЛЕ

Аннотация: Изучение средств экспрессивного синтаксиса в школе становится всё более значимым: распознавание синтаксических фигур и их осознанное использование в собственных текстах является для учащихся важным этапом подготовки к итоговой аттестации по русскому языку. В статье представлен анализ темы «Основные выразительные средства синтаксиса» в действующих школьных учебниках и её отражение в Федеральном государственном стандарте по русскому языку. Делается вывод о том, что количество синтаксических фигур, изучаемых школьниками среднего звена, не соответствует тому объёму знаний, которым должен владеть выпускник. Предлагается система работы по изучению данной темы в школе с использованием в качестве языкового материала рекламного слогана. Даны рекомендации по включению подобных заданий и упражнений в практику преподавания синтаксиса.

Ключевые слова: фигуры экспрессивного синтаксиса, рекламный слоган, эксперимент на восприятие текста, система упражнений по изучению выразительных средств синтаксиса в школе.

Важность методической проблемы изучения средств экспрессивного синтаксиса в школе в аспекте подготовки к итоговой аттестации по русскому языку не вызывает сомнений, т.к. количество синтаксических фигур, представленных в действующих школьных учебниках, не соответствует тому объёму знаний, которым должен обладать выпускник.

К фигурам экспрессивного синтаксиса традиционно относят парцелляцию, инверсию, эллипсис, многосоюзие (полисиндетон), бессоюзие (асиндетон), синтаксический параллелизм, синтаксическую несогласованность членов предложения (анаклоуз), антитезу, умолчание, зевгму, анафору, эпифору, хиазм, градацию, композиционный стык, риторические обращение, во-

прос, восклицание и др. Подробное рассмотрение синтаксических фигур представлено в работах таких лингвистов, как Э.М. Береговская, Л.К. Граудина, В.В. Маслов, А.П. Сковородников, Ю.М. Скробнев, Н.Н. Кохтев и др. Знание данных фигур учащимися необходимо для формирования их коммуникативной компетенции, поэтому нужно показать школьникам, как использование подобных средств может разнообразить речь человека, сделать её оригинальной, яркой, запоминающейся.

Из перечисленных выше экспрессивных синтаксических средств в ЕГЭ по русскому языку (задание 24) включены следующие: риторические фигуры: анафора, антитеза, градация, инверсия, композиционный стык, парцелляция, риторический вопрос, риторическое восклицание, синтаксический параллелизм, т.е. создатели контрольно-измерительных материалов ЕГЭ по русскому языку предполагают, что выпускники должны знать и уметь находить в тексте данные средства выразительности.

Раздел «Основные выразительные средства синтаксиса» входит в содержательный минимум Федерального государственного стандарта по русскому языку [Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего и полного среднего образования 2012], но не включён в «Требования к уровню подготовки выпускников», возможно, поэтому данный аспект в действующих школьных учебниках представлен не достаточно полно: в школьном учебнике «Русский язык. 8 класс» (учебно-методический комплект под ред. Т.А. Ладыженской) рассматривается только один синтаксический приём – инверсия [Тростенцова, Ладыженская 2011], а в учебнике Е.И. Никитиной «Русский язык. Русская речь. 8 класс» (учебно-методический комплект под редакцией В.В. Бабайцевой) рассматривается несколько синтаксических приемов: синтаксический параллелизм, анафора, эпифора, риторический вопрос, композиционный стык, инверсия [Никитина 2011]. Предлагаемые в школьных учебниках типы заданий по данной теме служат иллюстрацией к представленному теоретическому материалу. В дальнейшем ни в одном из школьных учебников к этому материалу не возвращаются. Количество фигур, изучаемых в 8-ом классе, явно не соответствует тому объему знаний, которым должен обладать по

данной теме выпускник. В Федеральном государственном образовательном стандарте и основных школьных учебниках, по нашему мнению, наблюдается некоторое несоответствие между требованиями к уровню подготовки обучающихся, заявленными в стандарте, и объёмом материала по разделу «Выразительные средства синтаксиса». В учебниках не уделяется должного внимания формированию практического навыка распознавания синтаксических фигур и осознанного употребления школьниками тех или иных экспрессивных конструкций в своей письменной речи.

По нашему мнению, важно, чтобы учащиеся поняли, что в языке существуют разные средства создания экспрессии, в том числе и синтаксические, поэтому начинать формирование навыка распознавания экспрессивных синтаксических фигур в тексте необходимо с момента изучения раздела «Синтаксис» в школе, т.е. с 8-го класса. Надо объяснить учащимся принципы создания экспрессивного текста с использованием данных средств. При отборе учебного материала целесообразно руководствоваться как экспрессивной силой фигур, так и их эстетической ценностью, поэтому необходимо анализировать употребление выразительных средств как в художественном тексте, так и в текстах других типов.

Изучение данного материала должно проходить в два этапа:

- 1) распознавание восьмиклассниками экспрессивных синтаксических средств в готовом тексте;
- 2) включение учащимися фигур экспрессивного синтаксиса в собственные тексты.

Чтобы учащиеся могли включать в собственную речь выразительные средства языка, они должны научиться «видеть» в текстах стилистические фигуры, понимать их экспрессивную функцию, уметь верно интерпретировать их использование автором текста. Мы предлагаем анализировать с этой целью различный языковой материал, в том числе и рекламные слоганы, на примере которых можно показать фигуры экспрессивного синтаксиса в действии. Рекламный слоган - это понятная, лаконичная и доступная форма подачи материала, которую необходимо сочетать с анализом текстов других типов, прежде всего

художественных и публицистических (см. подробнее [Гоголина, Соколова 2013: 113-117]).

Нами был проведен эксперимент, цель которого выявить степень считываемости синтаксических средств создания экспрессии учащимися 8-ого класса. В качестве языкового материала выбраны рекламные слоганы, содержащие фигуры экспрессивного синтаксиса. Мы предполагали, что респонденты распознают их в рекламных текстах и смогут объяснить цель их использования.

Поскольку в ЕГЭ по русскому языку (задание 24) включены определенные риторические фигуры, мы использовали для эксперимента именно их: анафора, синтаксический параллелизм, парцелляция и инверсия. Учащимся было предложено определить, какие синтаксические средства используются в следующих рекламных слоганах:

- *Я помню. Я горжусь!* (День Победы)
- *Заряди мозги! Если они есть* (Батончик Nuts)
- *У нас с короткими разговорами разговор короткий* (МТС)

В качестве испытуемых выступили учащиеся 8-ого класса одной из екатеринбургских школ (возраст респондентов – 14-15 лет, количество участников – 25 человек).

В ходе эксперимента были получены следующие результаты.

При попытке определить анафору и синтаксический параллелизм в первом слогане учащимися даны такие ответы: «повтор» (7); «два одинаковых предложения» (5); «простые похожие предложения» (3) «одинаковое начало предложения» (3); «повествовательное и восклицательное предложения» (2); «фразеологический оборот» (2); затруднились ответить 3 человека.

Парцелляция во втором слогане была интерпретирована восьмиклассниками следующим образом: «разделенные точкой, но связанные смыслом» (5); «два отдельных, но связанных высказывания» (4); «точка разделяет предложение» (3); «разделение предложения» (2); «разбивка предложения на отдельные словосочетания» (2); «законченность предложения и мысли» (2); «простой призыв» (2); «призыв к действию» (2); 3 человека отметили, что «не видят ничего особенного».

Приём инверсии в третьем слогане дополнял игру с лексическим значением многозначного слова *короткий* и его фразеологическим использованием в выражении *короткий разговор*, что и привлекло большее внимание респондентов: «повтор» (11); «законченная мысль с повтором слова» (2); «двойной повтор» (2); «намеки» (2); к единичным реакциям относятся «резкое заявление», «неправильное предложение», «сложное предложение», «утверждение», «слова не по порядку»; 3 человека затруднились ответить.

В ходе эксперимента проверена гипотеза о степени считываемости синтаксических приемов, создающих экспрессивность в современных рекламных слоганах учениками средней общеобразовательной школы. Обобщив полученные данные, мы пришли к выводу о том, что большинство учащихся находит и выделяет фигуры экспрессивного синтаксиса в коротком и понятном тексте рекламного слогана. Чаще восьмиклассники их «чувствуют», чем характеризуют. Полученные ответы свидетельствуют о том, что уровень подготовки учащихся в данном направлении необходимо повышать: начав эту работу в 8 классе, её нужно продолжать до 11, чтобы подготовить учащихся к выполнению заданий 24 и 25 в ЕГЭ по русскому языку.

Для изучения выразительных средств на материале рекламных слоганов можно включать в работу следующие типы заданий и упражнений.

1. Упражнения, формирующие навыки распознавания фигур экспрессивного синтаксиса в предложенных текстах.

Пример задания: определите синтаксическое средство, которое используется в рекламном слогане.

- *Не меняет мир. Меняет настроение* (чай Greenfield)
- *Больше пространства. Больше вкуса* (чай Lipton).

2. Упражнения, направленные на определение функций, выполняемых фигурами экспрессивного синтаксиса в тексте.

Пример задания: прочитайте рекламные слоганы, найдите синтаксические средства выразительности в них, определите цель их использования в данном тексте.

- *Ваш восторг обеспечим!* (детский парк развлечений)
- *Волнуешься? Пусть это будет твой Secret* (дезодорант)

рант *Secret*)

3. Упражнения на конструирование синтаксических единиц по заданной модели с использованием фигур экспрессивного синтаксиса.

Пример задания: закончите предложения и объясните, какие выразительные синтаксические средства вы для этого использовали.

- *Один манящий аромат. Один* (кофе Nescafe Gold)
 - *Витамины больших возможностей – ... для нас!* (витамины Компливит)
4. С целью стимулирования работы учащихся по включению синтаксических фигур в собственные тексты, можно применять следующие типы заданий:
- Сочините лозунг с включением одной из синтаксических фигур, призывающий детей ответственно относиться к учёбе. Используйте его как исходный тезис, обоснуйте его в жанре сочинения-рассуждения.
 - Составьте слоган с использованием синтаксического параллелизма, рекламирующий сок, шоколад или йогурт. Вместо синтаксического параллелизма учащимся может быть предложена любая фигура экспрессивного синтаксиса.
 - Сочините четверостишие в жанре рекламного текста с включением синтаксических фигур. Обоснуйте свой выбор.
 - Сочините слоган, рекламирующий высшее учебное заведение, в которое вы планируете поступать после окончания 11 класса, с использованием вопросно-ответной формы изложения.
 - С помощью любых синтаксических фигур составьте девиз вашей семьи. Объясните, какую фигуру вы выбрали и почему. Подобного типа задания можно предлагать и далее.

Таким образом, изучение фигур экспрессивного синтаксиса, начиная с 8 класса, по нашему мнению, является эффективным способом подготовки учащихся к выполнению задания 24 в ЕГЭ

по русскому языку, основой для создания самостоятельных текстов как при выполнении задания 25 в ЕГЭ, так и при написании других творческих работ.

Изучение фигур речи в курсе синтаксиса, введение этих конструкций в активный запас языковых средств учащихся путем наблюдения над использованием изучаемых конструкций в разных стилях и жанрах речи, выполнение разнообразных грамматико-стилистических упражнений на развитие речи учащихся являются средством повышения общей речевой культуры ребёнка, культуры восприятия и порождения текста.

ЛИТЕРАТУРА

Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. – М., 2004.

Гоголина Т.В., Соколова А.В. Использование психолингвистических методик при изучении средств экспрессивного синтаксиса в школе // Педагогическое образование в России. – 2013. №6.

Культура русской речи. / Учебник для вузов под ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяева. – М., 2001.

Лингвистика креатива – 1 / Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013. – 368 с.

Лингвистика креатива – 2 / Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – 378 с.

Лингвистика креатива – 3 / Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – 344 с.

Маслов В.В. Обогащение речи школьников средствами экспрессивного синтаксиса как способ совершенствования навыков текстообразования.: Дис...канд. пед. наук. – Самара, 2002.

Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского языка. – Томск, 1981.

Сковородников А.П. Эллипсис как стилистическое явление современного русского языка. – Красноярск, 1978.

Скребнев Ю.М. Тропы и фигуры как объект классификации // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону, 1987.

Кохтев Н.Н. Риторика: Учеб. пособие. – М., 1994.

Никитина Е.И. Русский язык. Русская речь. 8 кл.: Учеб. для

общеобразоват. учреждений. – М., 2011.

Тростенцова Л.А., Ладыженская Т.А. Русский язык: Учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений. – М., 2011.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего и полного среднего образования. – М., 2012.

©Гоголина Т.В., 2015

Н.И. ГРИГОРЬЕВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'37:784.99
ББК Ш141.12-003+Щ315.2

ОБРАЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГРУППЫ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА (экспериментальные данные)

Аннотация: При создании названий музыкальных групп может использоваться любая языковая единица. При этом ключевую роль играют факторы, обусловленные личностными характеристиками номинатора и ситуативными явлениями. Участники музыкальной группы «транслируют» историю появления коллектива и названия группы в разных источниках, поэтому аудитория, возможно, знакома с происхождением данного онима. Степень считываемости мотивировочного признака и особенности образа данного музыкального коллектива в сознании носителя русского языка можно выявить путем проведения ассоциативного эксперимента. Название музыкальной группы «ДДТ» образовано от наименования ядохимиката. Результаты ассоциативного эксперимента показали, что в первую очередь респонденты дают реакции на НМГ, связанные со сферой (музыка), направлением (рок), лидером (Ю. Шевчук) и творчеством данного музыкального коллектива (название композиций и цитаты из песен). Реакции, показывающие связь с наименованием ядохимиката, не выявлены. Доказано, что в настоящий момент само название существует автономно, без привязки к мотивировочному признаку, и вызывает устойчивые ассоциации с лидером данной группы и его творчеством.

Ключевые слова: название музыкальной группы, ассоциативный эксперимент, номинация, мотивировочный признак.

Образ музыкальной группы является сложным и представляет собой совокупность разных компонентов. Вербальным идентификатором является, например, название музыкального коллектива. Данная группа онимов представляет для нас интерес, так как является текстообразующим элементом, несущим информацию о мире каждого из представителей пространства изучаемой субкультуры: его личности, мироощущении, твор-

ческой потенции, пристрастиях и неприятии различных объектов бытия.

Названия музыкальной группы (далее – НМГ) характеризуются лексическим и грамматическим разнообразием. По мнению А.К. Матвеева, «именник использует разные средства языка. Имена, будучи знаком выделения предмета из ряда подобных, могут быть и словом, и словосочетанием, и предложением. И потому они выходят за рамки лексики» [Матвеев 2006: 5]. «В качестве названий [организации, фирмы и др.] может использоваться любая языковая единица – от отдельного графического знака до целого предложения» [Крюкова 2007: 120].

Можно выделить как субъективные, так и объективные факторы, влияющие на номинацию. М.В. Голомидова отмечает, что «поскольку в реальности номинация осуществляется в речевом акте как посылка информации отправителем (номинатором) получателю (адресату), которые вступают в контакт посредством языкового кода по поводу референта, считаем возможным выделить три группы взаимодействующих факторов, влияющих на номинативную деятельность:

– обстоятельственные: условия коммуникации и номинативной ситуации, адресатная направленность, денотат;

– психологические: деятельность сознания по переработке внешней и собственно языковой информации, а также выдвижение номинативной установки, формирование номинативного замысла, контроль за осуществлением номинации;

– лингвистические: языковые знания и умения (языковая компетенция участников речевого акта)» [Голомидова 1998: 27-29].

О факторе адресности и об отношении субъекта к языковым средствам, используемым при номинации, пишет М.Э. Рут. «В целом направленность на обобщенного адресата может быть четко осознаваемой или стихийной, но всегда выражается как стремление максимально соответствовать тем или иным языковым нормам. При конкретной направленности номинации отношение к языковым нормам оказывается более свободным и зависит от адресата. Ср. стремление создателей фирменных названий изделий к выбору имен с положительной оценкой, к эвфоническому звучанию номинативных единиц, к высокой ин-

формативности названий – и “антиположительную” ориентацию при номинации многих современных “рок-групп”» [Рут 1994: 41]. М.В. Голомидова выделяет важность учета фреймовой информации при сравнении названий объединений людей, в том числе и музыкальных коллективов, которая «способна прояснить номинативные установки и выбор мотивировочных признаков при именной номинации. Приведем в качестве примера названия студенческих строительных отрядов – молодежных объединений, рожденных в СССР комсомольским движением 70-х. С образом ССО соотносились представления не только об интенсивной трудовой деятельности, но также о романтике, дружбе, товариществе, взаимопомощи. Адекватными этому комплексу представлений были многочисленные названия, выполненные в героико-романтическом ключе: “Атлант”, “Антей”, “Прометей”, “Витязь”, “Гренада”, “Данко”, и лирико-романтические: “Ярославна”, “Ассоль”. Иная иллюстрация – названия отечественных рок-ансамблей, приблизительно в тот же период заявивших о себе в культуре андеграунда. Убежденное и последовательное неприятие “идеологии”, которую пропагандировала официозная культура, творчества популярных эстрадных исполнителей и вокально-инструментальных ансамблей находило закономерное выражение в номинации от противоположного – в отказе от «говорящих» и условно-позитивных названий, в предпочтении, отдаваемом именам отвлеченным, близким к этикеткам, а иногда несущим пейоративные коннотации. Ср.: названия ВИА: “Верные друзья”, “Надежда”, “Поющие сердца”, “Поющие гитары”, “Самоцветы”, “Голубые гитары”, “Веселые ребята” и т.п. – и названия рок-групп: “Адо”, “Урфин Джюс”, “Наутилус Помпилиус”, “Агата Кристи”, “Кино”, “ДДТ”, “Крематорий”» [Голомидова 1998: 26-27].

Для понимания символики названия необходимо учитывать контекст, в котором протекал процесс номинации. Музыкальная группа может объяснить выбор своего названия разными способами: объявить на концерте, рассказать в интервью, опубликовать на сайте своей группы в разделе «История» или на страницах группы в социальных сетях и др.

Гипотеза. При создании названий музыкальных групп клю-

чевую роль играют факторы, обусловленные личностными характеристиками номинатора и ситуативными явлениями. Участники музыкальной группы «транслируют» историю появления коллектива и названия группы в разных источниках, поэтому аудитория знакома с происхождением данного онима.

Чтобы выявить степень считываемости мотивировочного признака, положенного в основу номинации музыкальной группы, был проведен ассоциативный эксперимент (общее количество участников эксперимента – 78, возраст от 17 до 34). На первом этапе эксперимента респонденты дали реакции сначала на слово / словосочетание (в задании не указывалось, что это название музыкальной группы, т.е. без привязки к объекту), а затем реакции на само название музыкального коллектива (т.е. с привязкой к объекту).

Рассмотрим полученные результаты на примере группы «ДДТ». Изучение происхождения названия данного музыкального коллектива показало, что за основу было взято наименование препарата, ранее применяемого против насекомых. «ДДТ – ДихлорДифенилТрихлорметилметан, инсектицид; Запрещён для применения во многих странах из-за пагубного влияния на природу. ... ограниченно применялся в СССР и многих других странах. В разговорной речи в советское время этот препарат называли дустом» (сведения взяты из энциклопедического словаря-справочника).

Транслирование идеи выбора данного названия группы. Как правило, в интернет-источниках отмечается, что название данной группы образовано от наименования данного ядохимиката, но встречаются и другие версии. Например, «название группы происходит от химического вещества Дихлордифенилтрихлорэтан (в просторечье «Для Домашней Твари», «Дуст»), которое использовалось при борьбе с насекомыми-паразитами. Назывались также расшифровки ДДТ – «Добрый День, Товарищи!», «Детский Драматический Театр» и «Дом Детского Творчества»» (<http://musicrock24.ru/>). Второй вариант – это аббревиатура, которая расшифровывается как Дом детского творчества. Например, «по одной из версий название группы, несмотря на свою ядовитость, первоначально было весьма безобидно и рас-

шифровалось как «Дом Детского Творчества» – первое пристанище коллектива» (<http://rock-metal-music.narod.ru/ddt.htm>). В интервью, опубликованных в интернете, участники данного коллектива неоднократно подчеркивали, что название происходит от наименования инсектицида. Выбор данного наименования не был случаен, так как отражает идею протеста

Результаты эксперимента

Ассоциации на слово

Зона ядра – группа (9), музыкальная группа (8)

Зона ближней периферии – осень (4), рок (4), Шевчук (4)

Зона дальней периферии – группа музыкальная (2), Осень (2),
Что такое осень? (2), это все, что останется после меня (2),

Зона крайней периферии – boysband, DDT в моем городе, double damage terror? DVD-проигрыватель, Play station, группа 90-х, группа ДДТ, группа русская, дети, детство, Дом детского творчества, иностранная аббревиатура, кнопка, концерт, костер, лес, Любит папа, люблю я; Любэ, музыка, музыкальная группа Шевчука, набор букв, название группы, не знаю, что такое, походы, приставка, прошлое, русский рок, свобода, старая группа, рок-группа, телеканал, фирма, производящая электронику, формат, экран телевизора, Юрий Шевчук.

Ассоциативными доминантами являются реакции, связанные с понятиями «группа», «музыка», «рок», именем лидера группы (Ю. Шевчук) и цитатами из песен, образами (осень).

Ассоциации на название музыкальной группы

Зона ядра – осень (10)

Зона ближней периферии – Шевчук (4)

Зона дальней периферии: рок (2), русский рок (2), Осень (2), канал (2)

Зона крайней периферии – «Метель», «Что такое осень?», 90-е, boys-band, Dota, DVD-проигрыватель, аббревиатура, борода, гитара, группа, музыкальная группа, ДДТ в моем городе, детство, знаю такую группу, знаю эту группу, классика русского рока, крутая, Люби всех нас, Господи, Любэ, мне бы в небо, молодежный, муз. группа, музыка, нервы, ну тут я угадала, осень это маленькая жизнь, очки, Питер, популярность, Родина, рок русский, русская рок-группа, русский рок, слышала вроде, счастье,

тяжелый, Что такое осень, шансон, Это все что, что осталось после меня, Это все, камни, Юрий Шевчук.

Результаты второго этапа эксперимента показали, что вектор ассоциаций изменился, в зоне ядра оказалась реакция «осень», связанная с творчеством группы «ДДТ». Ассоциативными доминантами являются реакции, связанные с понятием «рок музыка», увеличилось количество названий композиций и цитат из песен. На наш взгляд, реакции, отсылающие к другим явлениям реальности, даны в связи с музыкальными предпочтениями респондентов, социально-культурной информацией. Поэтому последний вопрос в анкете был связан с этим пунктом. На вопрос «Знаю данную группу» – 81 % ответили «да», в т.ч. 28 % опрошиваемых слушают (либо раньше слушали) творчество этой группы.

Вывод: название данной группы происходит от названия инсектицида (от насекомых, в быту – дуст). Сейчас, как показывают результаты ассоциативного эксперимента, респонденты название «ДДТ» не связывают с этим ядохимикатом, но примечательно, что в реакциях есть ложная расшифровка ДДТ (применительно к данному музыкальному коллективу) – Дом детского творчества.

Таким образом, наша гипотеза не подтвердилась, в первую очередь появляются реакции на НМГ, связанные со сферой бытования (музыка), направлением (рок), лидером (Ю. Шевчук) и творчеством данного музыкального коллектива (название композиций и цитаты из песен). Идея «отрава, яд, сатира» не отразилась в реакциях участников эксперимента.

Название музыкальной группы «ДДТ» является мотивированным, связанным с понятием «ядохимикат». Результаты ассоциативного эксперимента показали, что сегодня слово ДДТ стало знаком, имеющим определенное значение и устойчивую привязку к именуемому объекту (т.е. музыкальной группе). Отсутствие реакций, связанных с ядохимикатом, связано с объективными факторами, так как данное вещество отсутствует в списках пестицидов, разрешенных для применения. Можно сделать предположение, что у современных носителей языка сложилась устойчивая связь между названием («ДДТ») и представлением о

характере деятельности именуемого объекта. Этот факт поддерживается также реакциями, включающим имя лидера группы или цитаты из песен и названия композиций.

ЛИТЕРАТУРА

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография. – Екатеринбург, 1998. – 232 с.

Горбачев О.А. Формальные и содержательные аспекты ономастической графики русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2005. Вып. 8. – С. 120-128.

Дюжева М.Б. Протест как доминанта молодежной культуры (на материале англоязычных названий музыкальных групп) // Вестник ТГПУ. 2007. Выпуск 4 (67). Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 30-36.

Крюкова И. В. Названия российских деловых объектов с точки зрения языковой моды // Этнографическое обозрение. № 1. 2007. – С. 120-131.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.

Матвеев А.К. Ономатология. – М.: Наука, 2006. – 292 с.

Пьянкова Д.В. Названия музыкальных коллективов рок- и «хеви металл»-направлений в ономасиологическом аспекте // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. проф. М.Э. Рут. – Екатеринбург, 2007. – С. 161-173.

Рут М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономасиологический аспект: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук. Специальность 10.02.01. – Екатеринбург, 1994. – 553 с.

Интернет-источники

DDT // Русский рок: сайт. URL: <http://musicrock24.ru/>

История группы DDT. URL: <http://rock-metal-music.narod.ru/ddt.htm>

Происхождение названия группы ДДТ // Время Z. URL: <http://www.ytime.com.ua/ru/50/1687>

Русский рок: малая энциклопедия. Леонтао, Москва. 2001. // <http://metatism.narod.ru>

©Григорьева Н.И., 2015

Т.А. ГРИДИНА, Н.И. КОНОВАЛОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.6

КРЕАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ КЛАСТЕРИЗАЦИИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ)

Аннотация: В статье рассматриваются возможности применения метода кластерного анализа для диагностики и развития лингвокреативных способностей в области текстопорождения. Предлагается модифицированный (адаптированный к поставленным задачам) вариант традиционной процедуры кластеризации. Анализируются стратегии созданных в экспериментальных условиях текстов. Устанавливается корреляция между основаниями классификации стимульного вербального материала и его текстовой актуализацией. Охарактеризованы стратегии рациональной и иррациональной классификации и стратегии создания текстов с учетом их жанрово-стилевой ориентации. Анализируются тексты, созданные путем «соединения несоединимого» (по принципу *ad absurdum*), тексты с использованием принципа аллюзивной стилизации; тексты-«трансформеры» (использующие конкретный литературный прототип); тексты, обыгрывающие стереотипы обыденного сознания, в частности в области представлений об образе жизни и привычках разных этносов).

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, кластерный анализ, речевая диагностика, стратегии текстопорождения, лингвокреативное мышление, языковая игра.

Кластерный анализ – один из психолингвистических методов, в основе которого лежит процедура классификации материала на произвольном основании. Данный метод верифицирует гипотезу Дж. Миллера относительно того, что в самой процедуре классификации материала (в том числе вербального) проявляются «внутренние семантические связи этого материала» [Леонтьев 2003], релевантные (актуальные) для сознания конкретных носителей языка. Методика проведения этого эксперимента предполагает предъявление испытуемым «случайного» набора

слов, который должен быть систематизирован по усмотрению каждого конкретного участника эксперимента с соблюдением следующего алгоритма: на первом этапе классификации слова объединяются попарно, затем формируются кластеры из двух пар (объединяемых на каком-то общем основании), затем составляются кластеры из 8 слов (4 пары предварительно выделенных «объединений») и т.д., пока все выделенные кластеры не будут сведены к одному обобщающему признаку. В результате каждым респондентом выстраивается собственное «дерево кластеризации» (с совпадающими и не совпадающими классификационными сегментами). На завершающем этапе испытуемым предлагается дать названия наиболее крупным из полученных кластеров и обозначить в целом их совокупность (через отнесение к какой-то обобщающей категории). Данная операция позволяет диагностировать сформированность вербально-логического мышления респондентов. При назывании кластеров выявляются либо существенные для отнесения к какой-то категории признаки классифицируемых слов, либо образно-ситуативные связи, функциональные признаки, отражающие эмпирический опыт говорящего (см. подробнее: [Коновалова 2015: 80-81]).

Однако полученные в ходе такого эксперимента кластеры могут быть рассмотрены и в свете изучения аспектов креативности конкретной языковой личности, в частности проявляемых при классификации способностей респондентов к установлению отдаленных ассоциаций, выделению разнообразных оснований для объединения слов (ср. критерии оригинальности и гибкости как составляющие лингвокреативного мышления) – (см. об этом: Гридина 2014: 14-75]. Кроме того, интерес представляет и установление корреляций между отраженными в сознании говорящих ассоциативными связями слов и их текстовой актуализацией. Для выявления такой корреляции испытуемым предлагалось создать небольшой текст (любого жанра и стиля), в котором были бы представлены все слова экспериментальной выборки. Такое «дополнение» к классической схеме проведения процедуры кластерного анализа значительно расширяет возможности использования данного экспериментального метода в

практике обучения текстопорождению с учетом индивидуальных стратегий «сборки» и «перекомпоновки» первично систематизированного материала.

Проиллюстрируем сказанное с использованием данных эксперимента по методу кластерного анализа с «выходом» в текстовую проекцию. Эксперимент проводился со студентами-бакалаврами Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации», обучающимися по специальности «Русский язык и литература».

Испытуемым был предложен следующий набор стимульных слов для классификации по описанной выше схеме:

блин, гипотеза, издали, канделябр, карбонара, карнавал, картофель, качество, ковёр, кот, кофе, лист, лошадь, машина, нож, оциллококцидум, первый, перчатка, пирожок, позвоночник, сильный, телефон, хомяк, хороший, экзамен, яблоко.

Рассмотрим стратегии кластеризации (использованные респондентами при классификации стимульного материала) в соотношении с произведенными на их основе текстами (написанными теми же респондентами).

Один из способов классификации представлен стратегией *ad absurdum*, когда предложенные слова (по объяснению самих участников эксперимента) сближаются без поиска какого-либо рационального (смыслового) обоснования устанавливаемой связи (или намеренного соединения того, что по логике соединить невозможно): ср., например, кластеры *позвоночник – карнавал, машина – оциллококцидум, канделябр – картофель* и т.п. При попытке объяснить основание для такого объединения респонденты чаще всего прибегают к актуализации потенциальной ситуативной связи явлений, предметов (даже случайной): *оциллококцидум лежал в бардачке машины, болел позвоночник после веселья на карнавале, канделябр упал на картошку (?)*. Более крупные кластеры на основе таких первичных «сближений» слов могут быть сведены к общему знаменателю типа: «Всякая всячина», «События» (по принципу «В этой маленькой корзинке есть помада и духи»). Такая стратегия проявляет специфику обработки информации, которая соединяет в себе рациональные и иррациональные «мотивы» ее упорядочения в сознании.

Особый случай представляет собой *преднамеренная* классификация стимульного материала по принципу парадоксального сближения, изначально принимающая характер некой «языковой игры». В нашем экспериментальном материале представлен яркий случай корреляции данной стратегии классификации и созданного на ее основе стихотворного текста в жанре сонета. В структуре текста жирным шрифтом выделены слова, включенные респондентом в соответствующий кластер по принципу их смысловой несовместимости (качество – гипотеза – издалека – оциллококцидум; машина – лист – карбонара – хомяк; перчатка – лошадь – телефон – ковер) или видовой разнородности (картофель – блин – яблоко – кофе) и т.п. В тексте же все эти «связки» получают мотивированное употребление, будучи привязанными к ситуации самого процесса написания стихотворения по заданному набору слов. Это своеобразная саморефлексия респондента над тем, как «рождаются» стихи, стремление зафиксировать процесс облечения мысли в слово). Одной из «педализуемых» автором стихотворения идей становится объединяющая сила ассоциаций в осознании связей между явлениями. Немаловажным экстралингвистическим фактором выбора такой стратегии оказывается для респондента сама ситуация нахождения на практическом занятии по психолингвистике и включенность в экспериментальную ситуацию.

Сонет по психолингвистике

Сонет по психолингвистике – вот он, готов!

На девяносто девять состоит из нужных слов.

Слов разных («качество», «гипотеза», «издалека») в избытке,

Не обошлось и без **оциллококцидума**.

«**Блин**» – слово **первое** во второй строфе.

В строфе и «**яблоко**», и «**пирожок**», и «**кофе**» –

Короче, полноценный обед.

Ну а венчает строфу «**картофель**».

«**Машина**», «**лист**», «**карбонара**», «**хомяк**» и «**нож**» –

Перечислений ряд у меня **хорош**.

От перечислений мой **кот** удивленно замер:

«Перчатка», «лошадь», «телефон», «ковер», «экзамен» ...

Вчера с котом в ассоциации играл:

«Позвоночник» – «сильный» – «канделябр» – «карнавал» ...

(Максим Зырянов)

Интерес представляет и второй вариант текстовой актуализации составленного кластера, выполненный тем же респондентом в манере стилизации созданного стихотворения под В.В. Маяковского. Здесь те же стимульные слова частично остаются в «прежних» связках, частично подвергаются перегруппировке в связи с новым ситуативным вектором – *экзамен*. Отправной точкой становится аллюзия на стихотворение «Флейта-позвоночник», обусловленная наличием в исходном списке слова *позвоночник* (сказывается филологическое образование респондента). При этом в тексте обыгрывается типовая пресуппозиция – подготовка к экзамену как механическая зубрежка, отчаянное стремление студента выучить все «за одну ночь», сопутствующий этой ситуации нервный стресс, «заедаемый» тем, что есть холодильник, непредсказуемый «исход» экзамена (это своего рода *текстовые* кластеры). См. приведенный ниже текст и выделенные фрагменты его кластерной организации:

Экзамен

Учите **гипотезы** и **кофе** пейте.

Перед **экзаменом** не забудется ночь никем.

Это **круче***, чем Маяковский с игрой на флейте –

На собственном **позвоночнике** ...

За ночь весь холодильник выел:

Картошка, яблоко, пирожок, блины...

Жаль, что только сегодня **впервые**

Я учебник открыл.

* Надо было бы использовать словоформу *лучше* (сравнительную степень от *хороший*), но она не вписывалась в стилистику стиха, поэтому взял синоним *круче*.

Сейчас сижу вот, зубрю, как **машина**.
На **листах** – будто иероглифы **издалека**.
Пошёл за **оциллококцинумом**,
А в рукав не лезет в **перчатке** рука.

На экзамене я буду как **лошадь сильным**
Иль плаксивым, будто потерял **котана**,
А может, и безукоризненно милым:
Не мужчина, а **хомяк** в штанах.

Завтра с **телефона** закажу **карбонар**,
На **ковёр** спихну **нож, канделябр**, посуду,
Выпью. И суетного дня **карнавал**
Качественно забуду.

Весьма популярны и продуктивны стратегии кластеризации по принципу тематической однородности, ситуативной (метонимической смежности), родо- и видо-видовых отношений между словами, синонимической и антонимической связи, грамматической (в частности синтагматической) связи между единицами одного кластера).

Кластеризация задает своеобразный «предтекст» для сюжетостроения, прогнозируя употребление слова в соответствующих типовых ситуациях и синтагматических связях. Такая стратегия в известной степени определяет «стереотипизированный» путь текстопорождения. Однако, как известно, грамматическая правильность высказывания еще не гарантирует ее осмысленности, что может служить способом создания намеренного парадокса при порождении текста. Таков креативный ход, использованный студенткой (участницей эксперимента) для создания фантастического (в стиле абсурдистской символики) сюжета о лошади. Ср. текстовые синтагмы *качественная машина, приехали издалека, жилось хорошо, выдвинула гипотезу, сильная лошадь, провалить экзамен* и т.п. Вместе с тем текст создан по принципу «ассоциативной провокации» (термин наш. – Т.Г.), так как объектом повествования является *лошадь*. Типовая син-

тагматика, соотносимая с ситуациями поведения человека, характеризует поведение и мысли животного.

Про лошадь

Жила-была *лошадь*. Однажды хозяева захотели продать ее, чтобы купить *качественную машину*, а лошадь этого не хотела. Ей и так жилось *хорошо*.

На следующий день приехали *издалека* люди, которые собирались покупать лошадь и начали устраивать ей всякие *экзамены*. Лошадь выдвинула *гипотезу*, что если эти экзамены провалить, то никто ее покупать не станет.

Повели ее в поле, стали проверять, *сильная* лошадь или нет. Сказали ей поле под *картошку* вспахать. Она ни в какую, у нее *позвоночник* болит. Отметили новые хозяева в своем *листе*, что лошадь *первый* экзамен провалила.

Вечером лошадь позвонила своим друзьям *кошке* и *хомяку* по *телефону*, чтобы попросить помощи. А они в то время веселились на *карнавале* и трубку не взяли. Вот такие у лошади друзья!

На другой день попросили у лошади яблоню потрясти, чтобы *яблоки* собрать и *пирожки* с ними испечь, а лошадь притворилась, что не понимает человеческого языка и ничего делать не стала. Опять лошадь провалила экзамен – молодец!

На третий день с карнавала приехали друзья лошади и привезли ей *кофе*, а она на них обиделась и притворилась *ковром*. Те не растерялись и пошли пить с хозяевами лошади чай с *блинами*.

Наконец хозяева решили дать лошади отдых и пошли готовить *карбонару*. Но лошадь времени зря не теряла и проваливала экзамены и в день отдыха. Она подсыпала хозяевам в *карбонару* *оциллококцидум*. Те на нее обиделись.

Тогда лошадь поняла, что отношения со старыми хозяевами испорчены (да и зачем ей вообще хозяева), и ушла лошадь гулять, прихватив с собой *канделябр*, *нож* и *перчатку*. Вы спросите зачем? Лошадь и сама не знает.

(Дарья Караульных)

Финальная фраза демонстрирует принцип объединения слов

по принципу «ни к чему не подходит» (не поддается подведению под общую смысловую категорию). Сюжет мог бы развиваться и дальше – в направлении использования лошадей захваченных ею с собой, казалось бы, ненужных предметов. Но автор текста находит более соответствующий замыслу финал, подчеркивающий шутивную тональность рассказа, в котором все – условность. Стратегия текстопорождения определяет перегруппировку первично выделенных кластеров в опоре на типовую синтагматику и стоящие за ней ситуативные presuppositions. Даже метафорическая употребленная синтагма *прикинуться ковром* ассоциативно отсылает к экспрессивному выражению *прикинуться шлангом*.

Еще одной креативной стратегией порождения текста на базе созданного кластера является актуализация выделенных связей между словами в опоре на прецедентный сюжет, представленный в осовремененном виде. Таким своеобразным текстотрансформером является «Другая сказка о Золушке», созданная респондентом на заключительном этапе выполняемой экспериментальной процедуры:

Существует другая сказка «Золушка».

*Перед тем, как поехать на бал, Золушка попросила **кота и хомяка перебрать яблоки и отделить их от картофеля**. Затем вычистить **ковер** и приготовить на обед любимой **мачехе карбонару с листом зеленого салата, порубленного ножом с золотой ручкой**.*

*Сама же она выпила чашечку хорошего **кофе с блинами и красной икрой**, приняла **оциллококцидум** для профилактики и вызвала себе по **телефону не лошадь, а иностранную машину отличного качества**. Она **сильно стянула позвоночник корсетом, взяла перчатки** и отправилась на **первый** свой экзамен по **бальным танцам**. Это был **карнавал с большим залом с канделябрами**. Никто не знает, правда это или выдумка. **Гипотеза так и не подтвердилась** (Елена Мусяенко)*

Отдельного комментария заслуживает стратегия сохранения кластерного членения материала при создании текста. В данном случае речь идет о принципе объединения полученных кластеров идеей принадлежности номинаций называемых реалий к

той или иной национальной культуре (характерным обычаям, свойственным жителям разных стран)¹. Приведем стихотворение, созданное респондентом по набору предложенных для классификации слов:

В Белоруссии любят **блины** и **картошку**,
В Египте на **листах** папируса пишут о **кошках**,
В Венгрии **канделябры** и сапожки,
На Украине сало, борщ, **пирожки**,
В Бразилии готовятся все к **карнавалу**,
В Италии в **перчатках** пекут **карбонару**,
В Англии **гипотезы** все выдвигают,
В Германии **качественные машины**
И **ножи сильные** точат мужчины,
Где-то **позвоночник** люди ломают,
Где-то о **коврах**, **телефонах** мечтают,
Котов любят **хомяков** сильней,
В России много **яблок** и **лошадей**,
Во Франции **оциллококцидум** и **кофе** есть,
И это, впрочем, хорошая весть!
Издавека я на все это смотрю
(стереотипами мыслить люблю),
Пока по географии **первый** экзамен сдаю.
(Эльвира Хабибьянова)

Последняя строчка заставляет переосмыслить заданный ряд отождествлений в неожиданном ситуативном ключе, при этом фраза о «мыслении стереотипами» как нельзя более точно (хотя и в форме шутливой самоиронии) характеризует процедуру кластеризации, в основе которой отчетливо проявляются ассоциативные стереотипы речемыслительной деятельности.

Заключая эскизный анализ текстов, полученных от респон-

¹ По словам респондента (студентки, создавшей анализируемый стихотворный текст) такая идея объединения разнородных слов пришла ей в голову еще на этапе кластеризации (и она последовательно реализовала ее при выделении и укрупнении кластеров).

дентов на завершающем этапе процедуры кластеризации, отметим продуктивность предложенной психолингвистической технологии не только для диагностики, но и для стимуляции и тренинга лингвокреативных способностей.

ЛИТЕРАТУРА

Баскакова И.Л., Глухов В.П. Практикум по психолингвистике. – М.: АСТ; Астрель, 2009. – 219 с.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – 344с.

Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности: учебное пособие. – Екатеринбург, 2015. – 121 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 2003. – 287 с.

Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. -2-е изд. – Екатеринбург, 2013. – 368 с.

Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. -2-е изд. – Екатеринбург, 2012. – 378 с.

Лингвистика креатива-3: Коллективная моногр. /под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – 344 с.

Норман Б.Ю. Между языком и текстом (потенциальная грамматика) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2012. – С. 5-18.

Норман Б.Ю. Основы психолингвистики. – Минск, БГУ, 2011. – 131 с.

©Гридина Т.А., 2015

©Коновалова Н.И., 2015

М.Б. ЕЛИСЕЕВА

(Российский государственный педагогический университет им.
А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 81'23
ББК Ш100.6

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ В РЕЧИ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА КАК СТИМУЛ РАЗВИТИЯ МОРФОЛОГИИ²

Аннотация: В статье рассматриваются различные точки зрения на лексический взрыв в речи ребенка раннего возраста: его наличие, особенности, роль в усвоении морфологии. Анализируются речь двух девочек, у которых отмечалось наличие лексического взрыва, способствовавшего усвоению морфологии.

Ключевые слова: освоение языка, пассивный и активный лексикон, лексический взрыв, морфологический взрыв.

Вещь для ребенка есть нечто, имеющее
название, которое по своему характеру
относится к ее сущности.

К. Коффка

Этот поворот обнаруживается двумя симптомами:
внезапно пробуждающимся стремлением ребенка
спрашивать имена вещей и... увеличением запаса
слов, особенно существительных.

... Около 2,0 слова начинают оживляться, гнуться и изме-
няться...

В. Штерн.

Говоря о первых словах ребенка, исследователи обычно упоминают набор либо из первых 50, либо из первых 100 слов. Так, под первыми словами детей М.Д. Воейкова понимает вслед

² Работа поддержана Российским научным фондом, грант 14-18-03668, «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка».

за Е. Ливен набор из ста слов в том порядке, в котором они впервые были отмечены в речевой продукции [Воейкова 2011: 106, Lieven, Pine, Dressner-Barnes 1992: 288], которые можно зафиксировать в порядке появления. После возникновения лексического взрыва, по мнению исследователя, такая фиксация становится невозможной. Мне представляется, что количество слов – не вполне надежный критерий определения этого этапа, поэтому я даю определение, исходя из качественно важного явления в развитии начального лексикона: начальный детский лексикон — собрание лексических единиц в тот период, когда существует значительный разрыв между пассивным и активным лексиконом (ПЛ и АЛ) ребенка [Елисеева 2008, 2014]. У разных детей этот разрыв ликвидируется в разном возрасте, однако при этом заметный рост лексикона (как будет показано в дальнейшем) возникает (если вообще возникает) только после достижения ребенком уровня 100 слов.

Причиной возникновения лексического взрыва в работах исследователей XIX – начала XX вв. принято было считать «открытие, что... комплексы звуков обладают обозначающей (символической) ценностью... что каждому предмету принадлежит такой знак, служащий для называния и сообщения: что каждая вещь имеет название» [Штерн 1915: 92]. Вслед за В. Штерном об этом же писал Р. Гаупп, связывая возникновение у ребенка понимания того, «что каждая вещь имеет свое имя (и притом одно и то же) с переходом от «пожелательных слов» к предметным [Гаупп 1926: 83]. Ссылаясь на К. Бюлера, К. Коффка писал, что «слово включается в структуру вещи так же, как палка в ситуацию «стремления получить плод» [Коффка 1934: 207]. В. Штерн называл этот период «второй эпохой развития речи» (приблизительно от 1,6 до 2,0), когда «пробуждается сознание значения речи и воля завоевать его» [Штерн 1915: 101]. Р. Гаупп указывает, что «в возрасте 18–24 мес. ребенок вступает в период вопросов по поводу видимых им лиц и вещей (чему соответствует вопросительная интонация его слов-предложений). Запас слов у ребенка в это время значительно увеличивается и его психическое развитие идет более быстрыми темпами» [Гаупп 1926: 85]. Н. А. Рыбников отмечал, что большинство детей дают

заметное увеличение в конце второго года [Рыбников 1926: 28].

С 70-х гг. XX века об этом явлении, называя его *the vocabulary spurt*, *the vocabulary burst*, *the naming explosion*, стали писать многие западные исследователи (L.Bloom, Dromi, McCarthy, Nelson, Dore, Franklin, Miller, & Ramer; Gillis&DeSchutter; Reznick&Goldfield и многие другие, см. обзор, например, в: Ganger Brent 2004: 632). Достижение ребенком этого рубежа указывало на начало периода значительного развития и в других языковых областях. Например, E. Bates пишет о том, что первые комбинации слов появляются после возникновения лексического взрыва (1988). Тогда же ребенок начинает употреблять слова, относящиеся к отсутствующим предметам (J.Sachs).

Однако во многих работах отмечено, что лексический взрыв не обязательно присутствует в речи детей. Так, в книге E. Кларк [Clark 1993] описано развитие двух детей, в речи одного из которых был лексический взрыв, а в речи другого - нет.

Проанализировав результаты заполненных родительских опросников 1142 детей в возрасте от 16 до 30 месяцев, исследователи пришли к выводу, что графики не показывают лексический взрыв, о котором часто пишут в работах, основанных на *case study* (исследованиях индивидуальных случаев): лексический взрыв имеет почти легендарный статус в исследованиях детской речи, но в действительности не является универсальным феноменом. “Поздноговорящие” дети склонны к монотонному увеличению словаря; другие дети показывают серии маленьких взрывов [Fenson @ al. 1994: 43].

В. А. Goldfield и J. S. Reznick (1990) обнаружили, что в речи 13 из 18 обследованных детей был период до трех месяцев, во время которого скорость усвоения увеличивалась. Почти три четверти слов, усвоенных в это время, были существительные. Пятеро детей усваивали сбалансированное количество существительных и других слов – и рост их словаря был более постепенный. Эти результаты, по мнению авторов, подтверждают то, что термин «лексический взрыв» лучше описывает развитие тех детей, которые склонны усваивать именно существительные. Продолжая эту мысль, можно сделать вывод о том, что это явление характеризует речь референциальных детей, но не экс-

прессивных [о двух речевых стратегиях см.: Доброва 2009]. Это представляется тем более правдоподобным еще по двум причинам: 1) референциальные дети – большие «любители» существительных, в отличие от экспрессивных, 2) референциальные дети – обычно «раноговорящие», экспрессивные – «поздноговорящие», с более длительно сохраняющимся разрывом между пассивным и активным лексиконом.

С. В. Mervis, J. Bertrand [1995] пишут, что у троих детей был отмечен лексический взрыв, и к его началу в продуктивном словаре было 112 слов (этот факт представляется мне знаменательным, см. об этом ниже). В это же время дети продемонстрировали способность сортировать предметы. Из 38 детей в исследовании J. Ganger, M.R. Brent [2004: 631] лишь 13% (возможно, 18%) обнаружили лексический взрыв. F. Dandurand, T. R. Shultz [2010] указывают, что существует по крайней мере 8 различных объяснений понятия «лексический взрыв», причем несогласия касаются даже самого факта, есть ли он в речи большинства детей. Однако авторы применили новую статистическую методологию измерения этого явления у 20 детей и обнаружили, что лексический взрыв свойствен большинству детей.

Таким образом, мы видим, что единства мнений относительно этого феномена нет и по сей день.

Тем не менее значимость лексического взрыва для тех детей, у которых таковой есть, очевидна. Для этих детей он «совпадает с главным когнитивным изменением – «инсайтом наименования». Именно когда дети приходят к этому внезапному открытию, скорость усвоения слов увеличивается [Ganger, Brent 2004: 621]. Причины возникновения лексического взрыва разные исследователи видят и в других особенностях развития ребенка. Так, К. Plunkett [1993] утверждает, что лексический взрыв возникает, когда решена проблема сегментации: способность выделить слово из речи открывает шлюзы для произнесения новых слов. А.Д. Кошелев указывает, что лексический взрыв и появление падежных форм совпадают с тем периодом в жизни ребенка, когда он начинает «различать в объекте функционально значимые части» [Кошелев 2009: 58-60].

А. Ninio [1995] показывает, что развитие прагматики способ-

ствуется развитию словаря. М. Dapretto, E. Bjork [2000] описывают эксперимент, подтверждающий, что рост продуктивного словаря связан с развитием способности ребенка найти спрятанный предмет.

Ниже анализируются лонгитюдные данные речи двух детей – Лизы Е. 1996 года рождения и Тани Е. 1999 года рождения. Записи речи Лизы Е. производились автором настоящей работы, речь Тани Е. записывалась ее матерью Ю.А. Еремеевой [Еремеева 2002]. В речи Лизы и Тани ясно выделяется не только лексический взрыв, но и предшествующий ему лексический скачок.

Первые признаки понимания речи у Лизы возникли в 8 мес., а в 9 мес., когда появляются первые 2 слова в АЛ, ПЛ насчитывает 10 слов. Затем до 0,11,15 АЛ не пополняется, а к году ребенок произносит 4 слова, при этом понимая уже 60 (соотношение АЛ и ПЛ 1: 15) . Рост АЛ в течение первых 8,5 месяцев очень медленный (в среднем по 5,8 слов в месяц). 50-словный уровень в продуцировании был достигнут в 1,5,16, когда уровень ПЛ достиг 358 слов (соотношение ПЛ и АЛ – 1:7). За день до этого (после 43-го слова, в 1,5,15) возник лексический скачок: в один день было усвоено 5 новых слов, а на следующий день – 6. В течение двух недель до конца месяца ребенок усвоил 26 слов (13 слов в неделю). Затем скорость усвоения слов в активе несколько снижается (примерно 5 слов в неделю). В 1,6 в АЛ Лизы появилось протослово **ая**, которым ребенок обозначал все неизвестное (обычно изображения на картинка: *мясорубка, улитка, утюг*) или то, что знал, но не умел называть (*крокодил, формочка*). К 1,8 АЛ и ПЛ находятся в соотношении 1:4 (113 слов³ АЛ и 479 ПЛ). В 1,8 возникает лексический взрыв: в течение месяца было усвоено 188 слов (6 слов в день); общее количество слов в активе достигло 293, поскольку 8 слов из прежнего лексикона перестало употребляться. В 1,8–1,9 слово **ая** очень часто используется так: ребенок называет таким образом (иногда много-

³ Ср. эти данные с данными С. В. Mervis and J. Bertrand [1995], см. об этом ранее.

кратно, если взрослые игнорировали его) незнакомые предметы, желая услышать их название. После 1,10 это слово иногда употребляется в форме винительного падежа; после 1,11 исчезает, вытесняясь словом *итя* (это) — употребляемым без вопросительной интонации, но в функции вопроса. Лакуна между АЛ и ПЛ почти стирается: в ПЛ и АЛ новые слова попадают одновременно. На усвоение слов в этот период влияют фонетическое удобство, новизна и «перцептивная выпуклость» предмета, обозначаемого словом. В следующем месяце скорость усвоения слов еще возросла: было усвоено 356 слов (11,5 слов в день). После 1,10 скорость снижается, но незначительно: в течение двух последующих месяцев в АЛ было усвоено 507 новых слов.

Первые слова в пассивном лексиконе Тани отмечены с 0,8,9. Первые 5 слов активного лексикона появились за очень короткий срок - в течение двух недель от 0,10,11 до 0,10,25 (в пассиве было 45 слов). Соотношение актива и пассива к 1 году – 1:10. Затем в течение двух месяцев АЛ ребенка вообще не увеличивается; только в 1,1,2 появляется следующее слово. Рост АЛ Тани, очень медленный первые 7 месяцев (в среднем по 2 слова в месяц), несколько ускоряется после 1,5 (15 слов в месяц) и продолжается почти теми же темпами следующие 5 месяцев (до 1,10). Следовательно, почти в течение целого года развитие словаря было чрезвычайно медленным. В 1,10 происходит лексический скачок: в течение месяца от 1,10 до 1,11 ребенок усваивает 49 слов, т.е. более 12 слов в неделю.

Соотношение актива и пассива до возникновения лексического скачка – 1:4. В 1,10 (АЛ – 101 слово, ПЛ – 446) происходит лексический скачок: в течение месяца от 1,10 до 1,11 ребенок усваивает 49 слов, т.е. более 12 слов в неделю; в дальнейшем рост словаря плавно увеличивается. В 1,10 у Тани появилось протослово *км* (аналог Лизиного «ая»), означавшее все неизвестное, – эквивалент вопроса «Что это?». Спустя два месяца после начала лексического скачка, в 2 года, происходит лексический взрыв: каждый день ребенок усваивает до 15 слов. Пассив и актив сблизилась, хотя и не совпали.

Мама Тани пишет в дневнике: «До 1 года 11 месяцев Таня употребляет слово только лишь в той форме, которую слышит

от взрослых». В 2 года Таня начала употреблять существительные в форме винительного падежа и глаголы в настоящем и прошедшем времени, то есть так же, как и у Лизы, лексический взрыв способствует развитию морфологии, хотя и не столь стремительному. К 2,3 зафиксированы все падежные формы имен существительных, а также появились первые формообразовательные инновации.

Таким образом, мы видим, что развитие лексикона стимулировало усвоение морфологии в речи обеих девочек (освоение синтаксиса же было относительно автономно, при этом у Тани оно шло классическим путем - фиксировался период «телеграфного стиля», а у Лизы синтаксическое развитие было более необычно, см. [Елисеева 2014]).

Период лексического взрыва характеризуется рядом важных особенностей:

1. АЛ начинает пополняться быстрее, чем ПЛ: наступает «стадия аннулирования сенсорного словаря ребенка и превращения его в сенсорную сторону словаря сенсорно-моторного» [Водейко 1968: 10].

2. Слова языка нянь вытесняются нормативными синонимами: то, что прежде обозначалось словами языка нянь, теперь называется различными словами, иногда относящимися к разным частям речи. (Об этом же см. [Dapretto, Bjork 2000: 635].

3. Артикуляционная сложность слов перестает быть тормозящим фактором лексического развития – вследствие этого не только быстро пополняется АЛ, но и исчезают лексико-семантические сверхгенерализации, главной причиной которых была ограниченность АЛ, вызванная трудностями артикуляции.

4. В АЛ появляются диминутивы существительных, звучание которых в речи ребенка нередко резко отличается от производящих слов (симплексов), что имеет особое значение для развития грамматики [Воейкова 2011: 122, 125].

5. В АЛ появляются слова, называющие детенышей животных, слова с суффиксом единичности и с суффиксом *-их*.

6. Возникают первые словообразовательные инновации.

7. Бурное развитие лексикона способствует развитию морфологии – происходит морфологический взрыв.

Р.И. Водейко писал о нескольких скачках в развитии сенсорно-моторного словаря ребенка и установил, что «существует определенная связь между количественным развитием детского словаря и грамматизацией речи ребенка. Скачки в росте сенсорно-моторного словаря ребенка создают необходимые условия для начала усвоения ребенком грамматических форм» [Водейко 1968: 23].

С.Н. Цейтлин пишет: «Особенно важным при исследовании речевого онтогенеза является изучение характера взаимодействия лексического и морфологического компонентов индивидуальной языковой системы [...] которое можно в весьма условном смысле назвать грамматикализацией лексикона и лексикализацией грамматики. Под грамматикализацией в данном случае понимаем приобретение каждой из единиц формирующегося лексикона ребенка определенных грамматических характеристик, а под лексикализацией грамматики – уточнение сферы распространения действия грамматических правил на определенные группы лексических единиц, выделяемые на основании семантической, фонологической или какой-то иной общности» [Цейтлин 2013: 106].

Грамматикализация лексикона Лизы начала происходить за месяц до лексического взрыва: почти все слова, появившиеся в этот период, уже не ономотопеи или протослова – по соотносительности со словом-источником из инпута это либо существительные (*нога, шапка, палка, цветы*), либо глаголы (*сядь, иди*), либо прилагательные (*опаси – опасен (опасно), маи – маленький*).

От 1,8,12 до 1,9 АЛ пополнился 150 словами, из них – 116 существительных: налицо naming insight. В 1;8,29 впервые употреблено существительное в косвенном падеже; в 1;9,7 зафиксирована первая формообразовательная инновация (глагольная). Именно этот момент можно условно рассматривать как начало морфологического взрыва в речи ребенка, к моменту возникновения которого лексикон ребенка состоял в основном из существительных, но было уже 33 глагола, а также начали появляться и другие части речи.

Интересно, что до этого периода частеречное разнообразие не было характерно не только для АЛ, но и для ПЛ: почти все

части речи одновременно появляются и в АЛ, и в ПЛ. От 1,9,1 до 1,10 (всего 351 слово) резко увеличивается количество глаголов (хотя их тем не менее в два с половиной раза меньше, чем существительных), при этом увеличение количества слов других частей речи относительно равномерно: 211 существительных, 89 глаголов (из них – три кратких страдательных причастия прошедшего времени), 22 прилагательных (притяжательных и качественных), 15 наречий, 5 местоимений (личных пока что нет), 5 междометий, 2 числительных и 2 частицы.

От 1,9,4 до 1,9,18 появились все падежные формы существительных; некоторые существительные встречаются в формах ед. и множ. числа; глаголы стали употребляться не только в форме инфинитива, но и в формах настоящего и прошедшего времени; стали изменяться и отдельные прилагательные.

Итак, понимание речи возникает несколько раньше, чем продуцирование, или одновременно с ним (8-9 месяцев). Развитие восприятия речи происходит плавно и значительно быстрее, чем развитие продуцирования. Развитие продуцирования речи у многих детей происходит скачкообразно. Сначала ребенок усваивает 1-5 слов в месяц (это длится от 8 мес. до года; затем возникает лексический скачок (ребенок усваивает 8-12 слов в неделю), а спустя еще 2-3 месяца – лексический взрыв (усваивается 15 и более слов в день). До достижения ребенком 50-словного уровня в продуцировании соотношение пассива и актива в среднем 1: 10. Затем оно начинает быстро изменяться, и к началу лексического взрыва актив и пассив находятся в соотношении 1:4. Возникновение лексического скачка и лексического взрыва в продуцировании связано с явлением «инсайта наименования» – с открытием ребенка, что все вещи имеют имена, а также сопровождается и другими важными изменениями в когнитивном развитии ребенка.

После этого рост актива столь стремителен, что в течение месяца лагуна между ним и пассивным словарем резко уменьшается. При наличии в речи ребенка лексического взрыва «при освоении языков с богатой и сложной морфологией (к их разряду принадлежит и русский) вслед за лексическим взрывом обычно следует и так называемый морфологический взрыв»

[Цейтлин 2013: 106].

Стремительное развитие продуктивного словаря свойственно далеко не всем детям – по всей видимости, оно характерно для детей референциального речевого стиля. Хотя наличие лексического взрыва в речи детей чрезвычайно выразительно, это, однако, не только не обязательный путь овладения словарем, но, возможно, и не самый частый. Вместо одного драматического когнитивного изменения может быть множество мелких, несинхронизированных изменений, которые приводят к постепенному росту способности усвоения слов.

ЛИТЕРАТУРА

Водейко Р.И. Ранние этапы онтогенеза речи: Автореф. ... канд. пед. наук (по психологии). – Минск, 1968.

Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. – М., 2011.

Гаупт Р. Психология ребенка. – Л., 1926.

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. – СПб., 2007.

Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегии освоения языка // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 53 – 70.

Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. – СПб., 2008.

Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. Монография. – М.: Языки славянских культур, 2014.

Еремеева Ю. Особенности начального лексикона ребенка. ВКР. РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2002.

Коффка К. Основы психического развития. – М.; Л., 1934.

Кошелев А.Д. О когнитивных факторах развития детской речи // Проблемы онтолингвистики 2009: Мат-лы междунар. конф. 17–19 июня 2009 г. – СПб., 2009.

Рыбников Н.А. Язык ребенка. – М.;Л., 1926.

Цейтлин С.Н. Лингвистические этюды. – СПб., 2013.

Штерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста. – СПб., 1915.

Bates, E., Bretherton, I., & Snyder, L. (1988). From first words to grammar. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Clark E. V. The lexicon in acquisition. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Dandurand, F., & Shultz, T. R. (2010). Automatic detection and quantification of growth spurts. *Behavior Research Methods*, 42 (3), 809-823

Dandurand F., Shultz T.R. A Fresh Look at Vocabulary Spurts <http://csjarchive.cogsci.rpi.edu/proceedings/2011/papers/0268/paper0268.pdf>

Dapretto, M., & Bjork, E. (2000). The development of word retrievalabilities in the second year and its relation to early vocabulary growth. *Child Development*, 71, 635–648 http://bjorklab.psych.ucla.edu/pubs/Dapretto_EBjork_2000.pdf

Fenson L., Dale P., Reznick S., Bates E., Thal D., Pethick S. Variability in Early Communicative Development. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 1994, 59 (5, Serial No. 242).

Ganger J., Brent M. R. Reexamining the vocabulary spurt// *Developmental Psychology*. 2004, Vol. 40, No. 4, 621–632 <http://www.pitt.edu/~jganger/GangerBrent2004.pdf>

Goldfield B., Reznick J.S. Early lexical acquisition: rate, content, and the vocabulary spurt // *Journal of child language*. 1990. V. 17.

Lieven E.V.M., Pine J.M. & Dresner Barnes H. Individual differences in early vocabulary development: redefining the referential-expressive distinction // *Journal of Child Language*. 1992. V.19. №2.

Ninio, A. (1995). Expression of communicative intents in the single-word period and the vocabulary spurt. In K. E. Nelson & Z. Reiger (Eds.), *Children's language* (Vol. 8, pp. 103–124). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Plunkett, K. (1993). Lexical segmentation and vocabulary growth in early language acquisition. *Journal of Child Language*, 20, 43–60.

Beverly A. Goldfield and J. Steven Reznick (1990). Early lexical acquisition: rate, content, and the vocabulary spurt. *Journal of Child Language*, 17, pp. 171-183.

C. B. Mervis and J. Bertrand (1995). Early lexical acquisition and the vocabulary spurt: a response to Goldfield & Reznick. *Journal of Child Language*, 22, pp. 461-468.

©Елисеева М.Б., 2015

А.В. КУБАСОВ

*(Уральский государственный педагогический университет
г. Екатеринбург)*

УДК 159.9.016.4.725(Выготский Л.С.)

ББК Ю91(2)61-730+Ю985.47

Л.С. ВЫГОТСКИЙ И ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА В ЕГО ТЕАТРАЛЬНЫХ РЕЦЕНЗИЯХ 20-х гг.

Аннотация: Статья посвящена формированию культурно-исторической концепции психологии Л.С. Выготского в ранний период его творчества, когда в провинциальных газетах города Гомеля появляются его рецензии на театральные постановки. В них неразрывно соединено научное и искусствоведческое начала. Анализируя балетные и драматические спектакли. Выготский использует в научно-популярной форме те идеи и понятия, которые в будущем составят основу его культурно-исторической концепции психологии. Ученый удачно сопрягает научный и публицистический дискурсы. Его рецензии фактически рассчитаны на двух адресатов: на обычного читателя и на читателя, знающего основы науки психологии. В театральные рецензии проявилась одна из формообразующих идей Выготского – теория знака и знаковости. Ученый заложил основы того, что позже получит название «вторичных знаковых систем». Итогом размышлений над проблемами искусства в их связи с психологией станет фундаментальный труд «Психология искусства», впервые опубликованный через три десятилетия после смерти ученого.

Ключевые слова: Выготский Л.С., культурно-историческая концепция, театральная рецензия, психология искусства.

Американский психолог Майкл Коул передает свои разговоры с А. Р. Лурия, которые состоялись в 1977 году, незадолго до смерти ученого. В них, в частности, дается оценка учителя Александра Романовича, Льва Семеновича Выготского. Коул пишет: «Он повторял снова и снова: «Это был гений» [Коул]. Гений способен творить в разных сферах с одинаковым успехом. Представляет интерес разрабатываемая ученым проблема психология творчества в рамках ключевого для Л. С. Выготского культурно-исторического подхода к искусству и психологии.

Во вступительной статье к собранию сочинений Л. С. Выгот-

ского А. Н. Леонтьев отмечал, что тот «писал блестящие театральные рецензии» [Леонтьев 1982: 13]. Однако сами рецензии, опубликованные в 1922-1923 годах на страницах газет города Гомеля, длительное время лежали под спудом в депозитариях библиотек. Сегодня они доступны как для историков театра, так и для психологов. Уже в этих текстах, рассчитанных на массового читателя, просвечивают «первообразы» тех идей, которые впоследствии разовьются в целостную культурно-историческую концепцию психологии человека. М. Г. Ярошевский считает, что вместо понятия «культурно-историческая теория» Л.С. Выготского более адекватным является другое – «инструментальная психология» [Ярошевский 1993: 85]. Однако позиция современного ученого не получила достаточно широкого распространения, и прежняя дефиниция используется по-прежнему широко и рассматривается как ядро учения гения психологии.

В основе многих заметок Л. С. Выготского, содержащих искусствоведческие «инклюзии», лежит формирующаяся в это время его культурно-историческая теория психологии. В отличие от давних современников молодого рецензента, читателю XXI века доступно то, что ученым будет написано впоследствии, после 1922-1923 гг. Поэтому между ранними театральными рецензиями и поздними работами по психологии возникают комплементарные отношения, позволяющие видеть «точки роста» и будущее их воплощение в крупных работах специального содержания.

Первые рецензии Л. С. Выготского отличает соединение научного и литературно-критического дискурсов. В последующих заметках по каким-то причинам научное начало в них все больше приглушается. Рецензии приобретают характер живого прощательного оперативного отклика театроведа и искусствоведа на текущие события культурной жизни провинциального города. По мнению современного исследователя, «три обстоятельства – язык культуры, владение широким философским контекстом, глубокое знание современной научной психологии – во многом определили подход Выготского к решению психологических проблем» [Вересов]. Поэтому проблему формирования культурно-исторической концепции психологии надо рассмат-

ривать в широком культурно-научном аспекте. Отмечена и такая особенность культурно-исторической психологии как ее интегративный характер [Зинченко 1993: 5]. Один из важнейших компонентов культурно-исторической теории Льва Семеновича – это знак и знаковость, многообразие знаковых систем в окружающей человека действительности, его умение ориентироваться в них, «прочитывать» их, переходить от одной к другой и, в конце концов, умение создавать свои собственные знаковые системы.

Пример ранних заметок Л.С. Выготского – «Гастроли Е.В. Гельцер». В размышлениях Выготского очевидна складывающаяся теория искусства и речи как систем, в основе своей семиотических. Классический балетный танец для него – это знаковая система в ее «чистом виде», не замутненная жизнеподобным содержанием. Самым важным здесь для автора рецензии является передача с помощью этой системы смысла, причем беспредметного, который невозможно передать с помощью какого-то другого языка, например, с помощью сюжетного словесного пересказа: «Он (классический танец – А. К.) – беспредметен. Он ничего не изображает, ни о чем не рассказывает, не выражает никакого конкретного, определенного психологического переживания. Классический танец в такой же мере равнодушен к воспроизведению естественного движения и выражению *маленького психологического смысла*, как музыка – к звукоподражанию; он так же, как и музыка, строит автономно живой пластикой *искусственных* форм, одушевленных ритмом – *свой особый мир большого смысла*, не душевного, а духовного. Как музыка, потрясает он человеческую душу *искусственным* построением, и так же не переводим ни на какой другой язык, как и она. Все приемы его техники именно на то и рассчитаны, чтобы сразу перерезать все существующие связи и ассоциации между движением и элементарной душевностью. <...> Вся техника классического танца – полеты, прыжки, вращение тела, пуанты и прочее – есть система *искусственного* движения, носящая в себе свой внутренний закон – опять как музыка» («Гастроли Е. В. Гельцер». 1922. № 3, с. 4) [Выготский 2011].

У классического танца нет направленности на какой-либо

денотат, в этом смысле он абстрактен и условен. Однако это не означает его бессмысленности. С помощью «живой пластики искусственных форм» балет создает «свой особый мир большого смысла», который волнует зрителя точно так же, как волнует его столь же абстрактная и отнюдь не жизнеподобная музыка. Родство музыки и танца в том, что они обращены не к «элементарной душевности» (природное нематериальное начало), а к духу, сверхприродному, метафизическому началу в человеке.

В.С. Собкин и В.С. Мазанова на основе детального анализа рецензии приходят к выводу о том, что в ней заключена «ключевая для его (Выготского – А.К.) психологических представлений оппозиция натурального и культурного, которая нашла свое отчетливое выражение в исследованиях развития высших психических функций» [Собкин, Мазанова 2014: 47]. Нам представляется, что вместо категории оппозитивности продуктивнее использовать категорию комплементарности, дополнительности. Ведь «культурное» может вырасти только на почве «натурального», без него оно не может существовать, не может познаваться вне соотношения с ним. Поэтому танец – это вторичная знаковая система.

Если балет являет собой пример «беспредметного искусства», то драматический театр, напротив, всегда тяготеет к жизнеподобию, к осмыслению быта. Он по природе своей психологичен. Однако для Выготского и драма являет собой не просто слепок с действительности, а двойную реальность. За жизнеподобными ситуациями должна сквозить логика, типизация, условность. На сценических подмостках должна быть создана другая знаковая система, переданная с помощью специфических выразительных средств другого языка. Театр, по мнению Выготского, не должен превращаться в дублирование жизни, между ними должна сохраняться некая грань, которая не позволяет спектаклю стать подобием бытовой жизненной истории. Во многих последующих рецензиях на различные театральные постановки «чрезмерная бытовая плотность» будет вызывать критику рецензента. Именно с таких позиций он пишет о гастролях труппы театра Соловцова в Гомеле: «Мизансцены – эти сценические шахматы – расположение на подмостках живых фигур,

их игра, а не переходы с одного места на другое и уходы в уборную разгримироваться. Динамическое, драматическое соответствие их, вопрос и ответ фигур, вызов и борьба, шахматный ход, который не делается же впустую, чтоб удобнее фигуре стать или чтоб виднее, но что-то такое подвигает вперед в игре, грозит, сбивает, укрепляет, подготавливает нападение, создает защиту, оказывает сопротивление – приближает игру к развязке, к сценическому мату. Это был человек (со второго акта), с начинающимся безумием, убивающий мужа любимой им женщины, и это все было превосходно, а грандиозные психологические пружины этого убийства так и не были нажаты. <...> Последний акт, кроме некоторого неприятного привкуса психологического натурализма и клиники, эффектен и силен. Какая-то чрезмерная бытовая плотность осела на эти роли, упростила их до персонажей бытовой комедии незначительного конфликта. («Гастроли Соловцовской труппы». 1922. № 3, с. 4) [Выготский 2011].

Ключевая концептуальная метафора в этом фрагменте – шахматы и условия игры в них. В рецензии, посвященной Е.В. Гельцер, Выготский сравнивал музыку и балет, здесь же объяснительным потенциалом наделяется сопоставление двух других знаковых систем и делается попытка уяснить недостатки реализации одной через сравнение с другой. В шахматах есть условия игры, есть система передвижения фигур, есть противостояние воль и логик двух противников. В увиденных постановках Выготский не увидел «сценических шахмат», так как не было искусно созданной новой знаковой системы, которая бы позволила зрителю испытать катарсис, почувствовать пружины конфликта, остро пережить подобный шахматному «сценический мат».

Психология актера тоже входила в сферу интересов Выготского. Игра актера – это вторичная знаковая система. В анализируемом спектакле актер должен быть сыграть «начинающееся безумие», которое завершается убийством. Рецензент, очевидно, был стеснен отведенным ему местом, поэтому замечания его достаточно скупы. Однако ясно, что психология для него – это интенции, мотивированный поток эмоций, волевые усилия и поступки героя, то, что создает в итоге характер персонажа, по-

зволяет почувствовать «грандиозные психологические пружины», тогда как на сцене было всего лишь внешнее проявление безумия.

И еще один момент, принципиально важный для искусства. Актер, сколь бы он ни был органичен в своей роли, не должен впадать, по мнению Выготского, в «психологический натурализм и клинику». Для рецензента «привкус психологического натурализма и клиники» неприятен, видимо, потому, что нарушает границу между жизненным и эстетическим. Утрачивается образная структура произведения, подменяемая плоской фотографичностью. Вариация такого подхода видна в более поздней рецензии. Выготский намечает здесь типологию актеров: «Есть актеры, дающие фотографии ролей; есть такие, что дают лишь приметы по паспорту; есть вылепливающие скульптурные маски; есть поющие о своих ролях музыкально – и еще много-много комнат есть в доме театра. Эйдельман дает как бы душевный дневник своих ролей. Это, без сомнения, интимная и психологическая игра прежде всего» («Еврейский театр. Бенефис С.И. Эйдельман». 1923. № 36, с. 3) [Выготский 2012].

В иронической заметке, посвященной спектаклям театра «Красный факел», психопатология авторов текста выводится за рамки искусства: «Есть что-то общее в первых двух пьесах, показанных на этой неделе. Их объединяет неврастеническая радость. Андреев и Гиппиус, после гимнов отчаянию и черным колодцам одиночества, захотели написать радость. Вы знаете, как радуются глубокие меланхолики – у чуткого человека невольно слезы на глаза навертываются от этой чрезмерно умиленной, заостренно-хрупкой и болезненной веселости. Ну, и мастера радоваться: для этого им необходимы либо похороны, либо самоубийство – самые подходящие предлоги» («Гастроли Красного Факела. Зеленое кольцо – Младость – Монна Ванна». 1923. № 40, с. 3) [Выготский 2011].

В последующих психологических трудах Выготского феномен знака, знаковости и знаковых систем приобретает все более глубокий смысл. Одна из базовых составляющих процесса воспитания состоит в том, что ребенок с помощью взрослых учится овладевать разными знаковыми моделирующими системами,

присваивает их, интериоризирует, а затем и сам становится субъектом, порождающим свои тексты-смыслы, свои знаковые системы. Это отразилось в такой, например, работе Л.С. Выготского, как «Орудие и знак в развитии ребёнка» [Выготский 1984].

Со временем ученый отчетливо сформулирует общую знаковую природу искусства: «Новое искусство, которое хочет сказать новое слово, раньше всего должно овладеть новым языком. То, что докатилось до нас, есть далекий отзвук этих поисков нового театрального языка. Всякая художественная форма, в том числе и театральная, есть в сущности язык. С этой точки зрения все отдельные компоненты игры актера приобретают тоже знаково-символический характер, в частности жест актера: что такое стилизованный жест? Это жест откровенно театральный, подчиненный стилю, а не психологическому или житейскому правдоподобию, потому что актер этого театра играет не лицо, которое изобразил автор, не живого человека, а сценический образ, им самим созданный, не сливаясь с ним, не растворяясь в нем, а оставаясь все время над ним» («Первая ласточка. "Дыбук" в постановке Рубина». 1923. № 32, с. 4) [Выготский 2011].

Теория знака и значения будет подробно разработана и развита в фундаментальной работе Выготского «Мышление и речь». Стоит подчеркнуть, что идеи Льва Семеновича сыграли важнейшую роль в становлении отечественной семиотики, в формировании идей Тартуской школы (Ю. М. Лотман и близкие к нему ученые).

Если первым важнейшим компонентом *культурно-исторической* концепции Выготского является слово «культура», то вторым – слово «историзм». Историзм видения тех или иных проблем, поиск адекватного подхода к ним обусловили диалектическую подвижность, релятивность, отказ ученого от поиска абсолютных, раз и навсегда данных истин. Это проявляется в подходе к проблемам психологии вообще и к психологии актера в частности. В рецензиях, помещенных в гомельской газете, можно заметить, что Выготский остро чувствует, что язык театра, как и всякий другой язык, должен меняться в условиях глобального общественного переворота 1920-х годов, вместе с ним должна меняться и психология актера. Но новое не дается в

готовом виде, его нужно найти, интуитивно нащупать, выработать, воплотить.

Будучи по духу новатором, Выготский обращал особое внимание на первопроходцев в области искусства. Одним из безусловных ниспровергателей прежних авторитетов в театре для него являлся В. Э. Мейерхольд. Рецензента привлекает «биомеханика» в качестве одной из областей «поэтической инженерии». С ее помощью, полагал Выготский, его великий современник «подготавливает театральную революцию в мировых размерах» («Октябрь в поэзии». 1922. № 6, с. 4) [Выготский 2011]. Биомеханика – это новый театральный язык нового времени, система знаков, позволяющая передать определенный смысл. Через десять лет Выготский четко сформулирует мысль о детерминированности психологии актера временем. По его словам, «психология актера выражает общественную идеологию его эпохи», «она так же менялась в процессе исторического развития человека, как менялись внешние формы театра, его стиль и содержание» [Выготский 1984: 323]. Эмоции актера важны не сами по себе, а своей способностью заражать зрителя в зале, вызывать и активизировать его переживания. Размышления Выготского созвучны тем, что занимали его выдающегося современника – М.М. Бахтина, разрабатывавшего идею диалогичности искусства. От имманентного исследования психологии, присущего предшественникам, Выготский переходит к контекстуальному, историческому. Он замечает, что «эмоции актера, поскольку они являются фактом искусства, выходят за пределы его личности, составляют часть эмоционального диалога между актером и публикой. <...> Они становятся понятными, лишь будучи включены в более широкую социально-психологическую систему, часть которой они составляют» [Выготский 1984: 325].

В рецензии «Гастроли Белорусского театра» (1923. № 42, с. 4) возникает словосочетание-формула «воля к театру», которая является калькой с понятия «воля к власти», одного из ключевых в философии Фридриха Ницше. Для немецкого ученого воля к власти – это универсальный принцип всего сущего. Знакомство Выготского с философией Ницше не подлежит сомнению. В своей фундаментальной работе ученый определяет позицию

дефектологии как принципиально не совпадающую с полюсами: христианским, с одной стороны, и ницшеанским – с другой. У Ницше, по словам Выготского, «индивидуальная психология показана как воля к власти, могуществу, как первичное стремление. Учение о социальной полноценности как конечной точке сверхкомпенсации одинаково четко отделяет психологию и от христианского идеала слабости, и от ницшеанского культа индивидуальной силы» [Выготский 1984: 42]. Отталкиваясь от более поздней работы, мы можем предположить, что понятие «воля к театру» – это тоже «первичное стремление», универсальный принцип театрального искусства. В научных трудах по дефектологии Лев Семенович будет уделять проблеме воли значительное внимание. Так, он будет сочувственно цитировать Э. Сегена, считавшего, что недостаток воли является главным недостатком детей с умственной отсталостью [Выготский 1983: 148, 357-358].

Рецензии Л. С. Выготского на театральные постановки заканчиваются в 1923 году, однако это не означало прекращения размышлений ученого над проблемами искусства в его связи с психологией. Обобщением и итогом размышлений над проблемами театра и литературы станет книга «Психология искусства», защищенная в виде диссертации в 1925 году. Первое издание книги вышло лишь через 40 лет, в 1965 году. Однако и это еще не было последней работой психолога в области искусства. Позже появляются другие работы обобщающего характера. Можно также констатировать, что уже в работах прикладного характера в 1922-1923 годах Выготский вырабатывает свою ключевую концепцию психологии, связанную с культурно-историческим подходом к ее методологическим основам.

ЛИТЕРАТУРА

Вересов Н. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского: трудная работа понимания. Заметки читателя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nveresov.narod.ru/NLO.pdf>

Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребёнка // Л.С. Выготский Собр. соч. – В. 6-ти тт. – Т. 6. Научное наследство. – М.: Педагогика, 1984.

Выготский Л.С. К вопросу о психологии творчества актера //

Л.С. Выготский Собр. соч. – В. 6-ти тт. – Т. 6. Научное наследство. – М.: Педагогика, 1984.

Выготский Л.С. Основные проблемы дефектологии // Л.С. Выготский Собр. соч. – В. 6-ти тт. – Т. 5. – М.: Педагогика, 1983.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Л.С. Выготский Собр. соч. – В. 6-ти тт. – Т. 3. – М.: Педагогика, 1983.

Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4. – С.5-19.

Коул М. Размышления над портретом А.Р. Лурия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://luria.ucsd.edu/Epilog_to_Making-of-Mind.pdf

Леонтьев А.Н. О творческом пути Л.С. Выготского // Л.С. Выготский Собр. соч. – В. 6-ти тт. – Т. 1. Научное наследство. – М.: Педагогика, 1982.

Ранние работы Л.С. Выготского: литературоведческие заметки и театральные рецензии в газете «Наш понедельник» (Гомель), 1922 г. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2011. – № 4. Текст рецензий цитируется с указанием в круглых скобках названия рецензии, номера газеты и страницы.

Ранние работы Л.С. Выготского: литературоведческие заметки и театральные рецензии в газете «Наш понедельник» (Гомель), 1923 г. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2012. – № 1. Текст рецензий цитируется с указанием в круглых скобках названия рецензии, номера газеты и страницы.

Собкин В.С., Мазанова В.С. Опыт комментариев к одной театральной рецензии Л.С. Выготского // Национальный психологический журнал. 2014. № 1(13). С. 37-48.

Ярошевский М.Г. Переживание и драма развития личности (последнее слово Л. С. Выготского) // Вопросы философии 1993. № 3. – С. 82-91.

©Кубасов А.В., 2015

О.А. ЛОКОТКОВА

*(Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия)*

УДК 37.016:821.161.1-2
ББК Ш33(2Рос=Рус)68-446р

МЕТОДИКА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ КОНТРТЕКСТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПАРАТЕКСТУАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ПЬЕСЕ-РЕМЕЙКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения методики предъявления контртекста при изучении особенностей восприятия паратекстуальных элементов в драматургическом тексте. Многие современные драматурги выстраивают текст как игровое пространство, требующее от читателей дешифровки. В качестве предмета анализа такого игрового текста выбран фрагмент из пьесы-ремейка А. Зензинова и В. Забалуева «Созрели вишни в саду у дяди Вани». Экспериментальной верификации подвергается гипотеза, согласно которой при восприятии искусственно выделенного из полного текста фрагмента декодирующим элементом для читателя должны стать ремарки, являющиеся элементами паратекста и выполняющие комплементарную функцию. В данном случае ремарки играют роль смыслового дополнения диалогизированной части фрагмента и акцентируют определенную стилевую направленность текста, что также оказывает влияние на его восприятие и понимание.

Ключевые слова: контртекст, ремарка, восприятие текста, ремейк, психолингвистический эксперимент.

В конце XX века в литературе, в частности в драматургии, появилась тенденция интерпретации классических текстов в форме ремейков («Смерть Ильи Ильича» М. Угарова, «Чайка» и «Гамлет» Б. Акунина, «Гамлет и Джульетта» Ю. Бархатова и др.).

Одни писатели интерпретировали исходный текст, явно его пародируя («Нет повести печальнее на свете» О. Богаева и С. Кузнецова, «Поспели вишни в саду у дяди Вани» В. Забалуева и А. Зензинова, «На доньшке» И. Шприца, «Гамлет-2» Г. Неболита), другие драматурги совмещают несколько сюжетов и создают свою оригинальную версию на основе «первоисточников» («Кин IV» Г. Горина, «Гамлет и Джульетта»

Ю. Бархатова и др.). Подобного рода тексты создают игровое пространство, в которое, в той или иной степени, включаются читатели в процессе рецепции произведения.

Для выявления актуальных для носителей языка смыслов, порождаемых художественным текстом в процессе восприятия, целесообразным является использование разного рода психолингвистических экспериментов. В качестве одной из наиболее продуктивных экспериментальных методик для изучения особенностей восприятия текста (особенно художественного) можно выделить методику предъявления контртекста.

Данный метод был предложен и теоретически обоснован А. И. Новиковым. Основываясь на методике «думания вслух», принятой в гештальт-психологии, он предлагает эксперимент, в основу которого положена гипотеза «об активной роли реципиента, который не пассивно регистрирует содержащуюся в тексте информацию, не является просто “экраном”, на котором проецируется содержание текста, а сам строит как бы “встречный текст”, или “контртекст” по терминологии Н. И. Жинкина» [Новиков 2003: 65].

В инструкции испытуемым А. И. Новиков формулирует понятие контртекста как «<...> все, что возникает в Вашем сознании как результат понимания очередного предложения» [Новиков 2003: 65]. Обобщая результаты проведенных экспериментов автор метода выделяет 15 видов реакций на заданные фрагменты анализа: ассоциация, вывод, визуализация, генерализация, интертекст, инфикация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, «перевод», предположение, прогноз, перефразирование, свободный ответ [Новиков 2003: 67].

Методика предъявления контртекста в сочетании с методом медленного чтения при изучении особенностей восприятия окказиональных слов в поэтическом тексте подробно представлена в статье Т. А. Гридиной и Е. В. Душиной [Гридина, Душина 2014]. Исследователи указывают на то, что обе методики «исходят из идеи сотворчества автора с адресатом (при этом восприятие речи понимается как активный процесс, допускающий множественную интерпретацию – разные проекции текста в сознании конкретного читателя: методика контртекста выявляет

эти проекции как содержание процесса первичного прочтения и осмысления произведения)» [Гридина, Душина 2014: 38].

Помимо того, контртекст рассматривается как форма проявления оценочного мышления при восприятии разного рода информации (в частности, при восприятии текстов Библии) [Давлетова 2012] и как способ анализа особенностей восприятия экспрессивного текста школьниками [Соколова 2013].

В настоящем исследовании мы обратимся к методике предъявления контртекста как к одному из продуктивных способов изучения особенностей восприятия паратекстуальных элементов в драматургическом тексте.

Объектом анализа стал небольшой по объему фрагмент из ремейка А. Зензинова и В. Забалуева «Поспели вишни в саду у дяди Вани». Данный фрагмент по замыслу драматургов выполнен в рамках такого театрального стиля, как комедия дель арте, или комедия масок: это «итальянская комедия-импровизация с постоянными персонажами, переходившими из спектакля в спектакль. <...> Этот спектакль представлял собой смесь искрометного юмора, сатирических диалогов, грубого фарса, акробатических трюков, мистификаций, клоунады, музыки и иногда танцев» [Дживелегов 1962: 11].

В соответствии с выбранной формой стилизации чеховские герои предстают в следующих образах: Войницкий – Пьеро, Серебряков – Доктор, Елена Андреевна – Мальвина, Соня – Колумбина. Доктор-Серебряков сообщает о том, что хочет продать имение, в котором долгое время жил Пьеро-Войницкий вместе со своей матерью (и тещей Доктора-Серебрякова). Эта новость вызывает бурную реакцию Пьеро-Войницкого и, в конечном итоге, он совершает неудачное покушение на жизнь Доктора-Серебрякова. В пьесе А. П. Чехова данная сцена отражает кульминацию конфликта, однако в рамках стилизации конфликт показан исключительно в ироническом игровом ключе.

Выбор данного языкового материала обусловлен особой игровой спецификой текста, проявляющейся как в имитации определенного театрального стиля, так и в разного рода интертекстуальных отсылках к классическим текстам русской и зарубежной литературы [Гридина 2008; 2012]. В соответствии с этим

особую значимость приобретают паратекстуальные элементы, которые даже в рамках небольшого по объему отрывка представлены в большом количестве. Ремарки являются не только маркерами определенной стилиевой принадлежности текста, но и могут влиять на восприятие драматургического текста, внося дополнительные смысловые оттенки.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что адекватное замыслу автора восприятие стилизованного драматургического текста невозможно без учета паратекстуальных элементов (в частности, ремарок), и этот аспект интерпретации должен найти отражение в контртекстах респондентов. Особенно значимую роль элементы паратекста могут играть в том случае, когда испытуемым для восприятия (толкования) предъявляется фрагмент, искусственно выделенный из полного контекста произведения, неизвестного реципиенту.

Выбранный нами в качестве стимульного материала фрагмент для анализа был поделен на 8 смысловых блоков (этот текст с соответствующими реакциями испытуемых на каждый блок представлен в Таблице). Каждый блок включает в себя от одной до трех реплик персонажей вместе с ремарками (внутри реплик, предваряющими реплики и завершающими реплики). Испытуемым было предложено дать любую реакцию, которая бы поясняла и актуализировала для них смысл прочитанного смыслового фрагмента. Сумма всех реакций одного респондента составляет контртекст на текст ремейка.

Всего в эксперименте приняты участие 14 человек – студенты Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации в возрасте от 20 до 27 лет. Инструкция предъявлялась респондентам в следующем виде:

«Прочитайте текст и сконструируйте свой собственный “контртекст”. Контртекст – это все то, что возникает в Вашем сознании в результате понимания каждого смысла отдельного предложения. Он включает в себя реакции не только на то, что написано в предложении (сказано в нем прямо), но и на то, что подразумевается, дано в неявной форме, что может вызывать у Вас различного рода ассоциации, воспоминания и т. п. На отдельном листе записывайте свои мысли и интерпретации на ка-

ждый смысловой блок текста (все они пронумерованы), не читая последующие, не забегайте вперед. После составления “контекста” сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста» [Новиков 2003].

Реакции испытуемых, полученные в процессе интерпретации предложенного текста, представлены ниже (см. Таблицу).

Таблица

Фрагменты исходного текста	Стратегии интерпретации на основе полученных реакций респондентов
<p>(1) Пьеро-Войницкий (<i>утирая слезы</i>). Постой, Вафля [Телегину], мы о деле... Погоди, после... (<i>Серебрякову</i>). Двадцать пять я управлял этим именем, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все это время ты не поблагодарил меня. (<i>Рыдает.</i>)</p>	<p>Ассоциация: поле; имение; большое дворянское поместье с зеленым лугом вокруг; слово «Вафля» ассоциируется с плохим; фарсовые образы; дворянская мелодрама; магическая литература.</p> <p>Вывод: грустное настроение – герой сильно разочарован.</p> <p>Генерализация: несправедливость; равнодушие и неблагодарность; чувство обиды, несправедливости жизни.</p> <p>Интертекст: герой «Дяди Вани» участвует в спектакле.</p> <p>Констатация: Пьеро расстроен, даже слезы появились на глазах.</p> <p>Мнение: немного он нервный, по-моему.</p> <p>Ориентировка: удивительно, почему Войницкий Чехова вдруг стал Пьеро? К кому обращается Войницкий? Что такого могло случиться, что Войницкий может так сильно страдать?</p>

	<p>«Перевод»: обидно человеку. Прогноз: видимо, дальше будет еще хуже.</p>
<p>(2) Доктор-Серебряков (<i>от смущения бьет Марью Васильевну, которая тут же жадно покрывает поцелуями указку</i>). Иван Петрович, почему же я знал. Я человек практический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе, (<i>выдернув указку из рук Марьи Васильевны</i>) сколько угодно. Мария Васильевна (<i>бьет сына брошюрой по голове</i>). Жан! Телегин (<i>истерически</i>). Ваня, дружок, не надо, не надо... я дрожу... Зачем портить хорошие отношения. (<i>Целует ноги Войницкого.</i>) Не надо.</p>	<p>Генерализация: истеричные люди, выдающие несвязный текст; деревенский дом, мать, сын; оправдание, чрезмерная эмоциональность. Интертекст: для полноты картины не хватает только Карабаса-Барабаса. Мнение: спектакль продолжается; больше напоминает абсурд, но, наверное, так и было задумано; возникает ощущение, что это лицемерные, жадные и лживые люди; происходит какой-то абсурд. Оrientировка: Почему все бьют друг друга? Что происходит в этой сцене? Оценка: это неестественно; чепуха какая-то, если честно; какие-то диковатые действия; а у Телегина очень странные попытки сохранить дружбу; какая-то абсурдная сцена унижения; Марья Васильевна ведет себя странно: зачем-то целует Доктора, который ударил ее.</p>
<p>(3) Пьеро-Войницкий (<i>всхлипывает</i>). Двадцать пять лет я вот с этой матерью, как крот, сидел в четырех стенах. (<i>Всхлипывает</i>) Ты для нас был существом высшего порядка.</p>	<p>Ассоциация: ученический класс. Вывод: расхождение реальности и образа. Генерализация: конфликт; разочарование; такие все дра-</p>

<p>(<i>Взревев.</i>) Но теперь у меня открылись глаза. (<i>Рыдает, утирая слезы рукавами</i>) Все твои работы, которые я любил, не стоят гроша медного! Ты морочил нас.</p> <p>Доктор-Серебряков (<i>из-за спины Марьи Васильевны бьет его указкой по голове</i>). Господа! Да уймите же его наконец!</p> <p>Мальвина-Е.А. (<i>щиплет Войницкого, строго</i>). Иван Петрович, я требую, чтобы вы замолчали! (<i>На ухо, кокетливо.</i>) Слышите?</p>	<p>матичные, особенно Пьеро.</p> <p>Интертекст: «На дне» Горький.</p> <p>Констатация: Пьеро продолжает сетовать и плакать; истерика.</p> <p>Мнение: думаю, тут назревает любовный треугольник: Пьеро-Мальвина-Доктор; хочется выслушать Пьеро-Войницкого и пожалеть; мне очень жаль Пьеро.</p> <p>Ориентировка: Как можно кокетливо успокоить человека?</p> <p>Оценка: какое-то лицемерие.</p> <p>Предположение: с ним [Пьеро], видимо поступили несправедливо, поэтому он так сильно переживает; очевидно, все вокруг против него.</p> <p>Прогноз: дальше должно произойти что-нибудь ужасное.</p>
<p>(4) Пьеро-Войницкий (<i>всхлипывая</i>). Не замолчу. (<i>Серебрякову.</i>) Ты погубил мою жизнь. Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский... (<i>Роня горькие слезы на пол</i>) Я зарпортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!</p> <p>Мария Васильевна (<i>бьет сына по голове книжкой</i>). Слушайся Александра!</p>	<p>Ассоциация: загубленный талант, писатель, искусство.</p> <p>Генерализация: потеря смысла жизни; плохая мать; истерика, боль, обида, отчаяние, потребность в поддержке.</p> <p>Интертекст: Чехов «Палата №6».</p> <p>Констатация: отчаяние Пьеро доходит до предела.</p> <p>Мнение: видимо, у Пьеро-Войницкого наступает просветление, он осознает свою значимость, но, увы, слишком</p>

<p>Доктор-Серебряков (<i>указкой бьет со спины всех кроме Войницкого</i>). Господа, уберите от меня этого сумасшедшего!</p>	<p>поздно; странно, что сейчас Серебряков перестает бить Войницкого; Пьеро впал в истерику: думаю, перегибает; не думаю, что из него вышел бы Достоевский; судя по всему, он [Пьеро] слаб и маменькин сынок.</p> <p>Ориентировка: Что он [Пьеро] намерен делать дальше?</p> <p>«Перевод»: нереализованные мечты; гипербололизация; самообман.</p>
<p>(5) Мальвина-Е.А. (Елена Андреевна) (<i>щиплет и царапает Войницкого, строго</i>). Мы сегодня уедем отсюда! (<i>Ласкает его, кокетливо</i>.) Необходимо распорядиться, сегодня уедем отсюда! (<i>Щиплет его, строго</i>.) Необходимо распорядиться.</p> <p>Коломбина-Соня (<i>смирненно воздевает руки к небу</i>). Надо быть милосердным папа! Я и дядя Ваня так несчастны!.. (<i>Беспомощно</i>.) Нянечка! Нянечка!</p>	<p>Ассоциация: ирония</p> <p>Генерализация: мать и сын, одинокие, неудавшееся образование; противоречивая Мальвина, общее несчастье.</p> <p>Интертекст: Чехов; Выпьем няня, где же кружка?</p> <p>Констатация: Окружение без какого-либо интуизма успокаивают Войницкого.</p> <p>Мнение: Появляется Соня. Судя по всему, смиренная страдалница. Может и здесь обманчиво поведение и слова; то кокетливо, то строго. Но это в духе Мальвины (возможно, и в духе Елены Андреевны).</p> <p>Оценка: не хочется их слушать; хотя, конечно, Мальвина ведет себя ужасно.</p>
<p>(6) Марина (<i>нюхая табак</i>). Ничего деточка. Попогочут гусаки – и перестанут. Попогочут и перестанут! (<i>Забивает</i></p>	<p>Ассоциация: опытная девушка, девушки.</p> <p>Генерализация: простуженная женщина, употребляющая</p>

<p>себе в ноздри изрядную понюшку табаку.) Дрожишь словно в мороз! (Собирается чихнуть) Ну, ну, сиротка, (чихает) бог милостив. (Сморкается в подол) Липового чайку или малинки, оно и пройдет!</p>	<p>народные фразеологизмы. Констатация: Марина словно вообще не видит, что происходит и ведет себя слишком спокойно. Мнение: в этот сценарий никак не вписывается Марина. Я не понимаю, как она могла здесь оказаться; создается ощущение полного отстранения от ситуации; назрел конфликт, но все не слышат друг друга, скандал разрастается. Оrientировка: Чем же все кончится? Оценка: иронически-сниженный образ; Марина просто отвратительна!; Какая мерзость! Странная Марина; забавная женщина, вызывает улыбку; некая Марина весьма импозантна. «Перевод»: как бы утешение... Смирение с ситуацией. Обнадеживание на светлое будущее.</p>
<p>(7) Мягкой походкой на сцену выходит черт и вкладывает в руку Войницкого-Пьеро пистолет. Марина Васильевна, Мальвина-Е.А. и Доктор-Себряков в ужасе отшатываются.</p>	<p>Генерализация: самоубийство, судьба; склонение к убийству, страх перед смертью Интертекст: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Черт и девственница»; преступление и наказание. Мнение: Абсурд вовсю. Черт становится не восклицанием, а обретает плоть. И даже вовсю расхаживает по сцене!; интри-</p>

	<p>га, хочется узнать, что произойдет дальше; это все истерика. В таком состоянии обычно и проявляются черты в человеке; правду говорят, как черт из табакерки; вот и появляется черт. Конечно, только его и не хватало в этом бардаке;</p> <p>Ориентировка: Откуда вдруг появился черт?</p> <p>Прогноз: видимо, скоро будет развязка</p>
<p>(8) Пьеро-Войницкий. Пустите! Пустите меня. Где он? <i>(Помутившимися глазами ищет Серебрякова. Черт подходит и направляет пистолет в сторону Серебрякова)</i> А, вот он! <i>(Стреляет.)</i> Бац! <i>(Пауза.)</i> Не попал? <i>(Стреляет.)</i> Опять промах. <i>(В унынии)</i> А, черт, черт... черт бы побрал. <i>(Бесильно падает на пол).</i> Черт чинно раскланивается и уходит. <i>(Корчится на полу и рыдает)</i> О, что я делаю! Что я делаю!</p>	<p>Вывод: этого и стоило ожидать. Комедия какая-то получается; блин, не угадала; ну, и конечно, как всегда приходит раскаяние.</p> <p>Генерализация: убийство, толпа, расплата.</p> <p>Интертекст: дуэль Ленского с Онегиным.</p> <p>Констатация: выстрелы, промах, уныние, непонимание ситуации.</p> <p>Мнение: Ружье должно обязательно выстрелить в конце пьесы! Ирония над канонами классической драмы; Войницкий совсем сошел с ума. Выглядит он просто комично со своими выстрелами мимо. Даже черт не может ему помочь.</p> <p>Оценка: очень странная развязка. Такой накал страстей, такие эмоции и вдруг все так бездарно закончилось; сме-</p>

	шанные чувства. Вновь становится жаль Пьеро-Войницкого. «Перевод»: Пьеро уже в беспомощности. Кульминация истерики. Черт стреляет в Доктора, будто действует руками Пьеро. Конечно, не попадает. Накал спадает: вот и черт уходит.
--	---

Полученные контртексты испытуемых показывают, что при восприятии фрагмента драматургического текста преобладающее число респондентов опирается на приведенные паратекстуальные элементы. Так, например, описанные буффонные приемы и большое количество специфических ремарок в стиле комедии дель арте актуализируют в сознании респондентов связь с ситуацией абсурда, которая постепенно становится все очевиднее: *происходит какой-то абсурд; абсурд всюду; какая-то абсурдная сцена унижения; чепуха какая-то; конечно, только его и не хватало в этом бардаке; больше напоминает абсурд, но, наверное, так и было задумано, фарсовые образы.* Кроме того, рядом испытуемых была считана ироническая направленность разыгрываемого действия, что нашло отражение в таких реакциях, как *ирония, иронически-сниженный образ, ирония над канонами классической драмы.*

Трактовки некоторых испытуемых, которые не соотносят паратекстуальные элементы с определенной театральной стилистикой, находятся в пределах от полного непонимания описанного действия до буквального восприятия: *какие-то диковатые действия; все друг друга бьют, и вообще непонятно, что происходит; все очень непонятно; что тут вообще произошло, кто все эти люди; не понимаю, для чего он здесь вообще нужен.*

Ряд испытуемых в своих контртекстах акцентировали идею неестественности описываемых действий и выражаемых героями эмоций, что проявилось в таких реакциях, как *возникает ощущение, что это лицемерные, жадные и лживые люди; создается ощущение полного отстранения от ситуации, это неестественно; Марина, словно вообще не видит, что происхо-*

дит и ведет себя слишком спокойно. Ощущение наигранности и неестественности в данном случае можно объяснить спецификой стиля комедии дель арте, которая ориентирована на нарочитость и некоторую пародийность представления.

При анализе результатов проведенного эксперимента нам кажется целесообразным отдельно отметить интерпретации следующего смыслового блока: *«Мягкой походкой на сцену выходит черт и вкладывает в руку Войницкого-Пьеро пистолет. Марина Васильевна, Мальвина-Е. А. и Доктор-Серебряков в ужасе отшатываются»*. Часть испытуемых в качестве интерпретации представили разного рода интертекстуальные отсылки (или интертекст по классификации, приведенной А.И. Новиковым): *«Вечера на хуторе близ Диканьки»*; *«Черт и девственница»*; *похоже на Гоголя*. Некоторые респонденты интерпретируют появление черта как визуализацию восклицания *«Черт!»*: *черт становится не восклицанием, а обретает плоть. И даже всю расхаживает по сцене!* Кроме этого, сцена с появлением черта актуализирует в сознании носителей языка связь с понятием обреченности, наказания, либо связано с появлением в характере и поведении человека агрессивного, странного или абсурдного начала: *судьба; это все истерика. В таком состоянии обычно и проявляются черты в человеке*.

Характерно, что совсем небольшое количество испытуемых, так или иначе, соотнесли фрагмент из пьесы в целом непосредственно с творчеством А.П. Чехова. Например, *удивительно, почему Войницкий Чехова вдруг стал Пьеро? Непонятно, как чеховские герои могут так выглядеть*. Можно предположить, что небольшое количество аллюзий в реакциях к текстам А.П. Чехова обусловлено своеобразным стилистическим оформлением отрывка, и новые амплуа персонажей в сознании респондентов не соотносятся с классическими чеховскими героями.

Таким образом, методика предъявления контртекста позволила выявить актуальные для носителей языка смыслы при интерпретации фрагмента драматургического текста, стилизованного под такой театральный стиль, как комедия дель арте. Важную роль при восприятии играют паратекстуальные элементы, в

частности, ремарки, что нашло отражение в интерпретациях респондентов. Несмотря на то, что ни один из испытуемых не провел в своих контртекстах культурные параллели с театральной стилизацией, в целом авторская идея была в той или иной степени считана респондентами и отражена в их текстах. Во многом, авторская интенция была определена носителями языка за счет интерпретации паратекстуальных элементов в совокупности с диалогизированной структурой драматургического текста.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2008.

Гридина Т.А., Душина Е.В. Поэтический текст в свете читательской рецепции: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2014. – Вып. 12. – С. 35–65.

Гридина Т.А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, ФБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – 379 с. – С.272- 289.

Давлетова Я.А. Контртекст как форма проявления оценочного мышления в процессе понимания информации (на материале текста Библии) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 362. – С. 7–10.

Дживелегов А.К. Итальянская народная комедия. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1962.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. №1. – С. 64–76.

Соколова А.В. Методика предъявления контртекста: основные интерпретационные стратегии школьников // Филологический класс. 2013. № 2(32).

©Локоткова О.С., 2015

О.И. МИХНЕВИЧ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'27:81'38

ББК Ш105.551.5+Ш100.621

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В МАССМЕДИЙНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: Деятельность средств массовой информации оказывает значительное влияние на общественное мнение. Информация, поступающая по каналам СМИ, несет в себе многократно повторяемые политические ориентации и ценностные установки, которые закрепляются в сознании людей. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования языковой игры в политическом медиадискурсе. Языковая игра может служить действенным средством манипуляции в политической коммуникации. Здесь представлены основные функции языковой игры в медиатекстах.

Ключевые слова: языковая игра, трансформация, средства манипуляции, функции языковой игры, массмедийный политический дискурс.

С развитием новейших информационных технологий влияние средств массовой коммуникации на общество значительно возросло. Большую часть информации о происходящем человек получает именно благодаря текстам массовой информации, поэтому не надо недооценивать воздействие СМИ на сознание массовой аудитории. Тексты массовой информации или медиатексты являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка, при этом корпус текстов, ежегодно производимых и передаваемых по каналам СМИ, продолжает постоянно увеличиваться.

Следует отметить, что СМИ – это не только средство передачи информации, но и особая сфера речеупотребления, которая обладает своими признаками и особенностями. Одной из наиболее существенных особенностей текстов массой информации является то, что любое событие, любое социально-идеологическое изменение мгновенно фиксируется. «Превра-

тившись в одну из наиболее существенных сфер речепользования, средства массовой информации сегодня во многом определяют характер и свойства современного состояния языка» [Добросклонская 2008: 16]. В связи с тем, что в текстах СМИ быстрее, чем где бы то ни было, фиксируются многочисленные изменения действительности, эти тексты могут служить основой для описания современного состояния языка. Так, современные медиатексты являются индикатором и творцом языковых и коммуникативных процессов, происходящих в обществе.

Моментально реагируя на все значимые процессы и перемены происходящие в обществе, СМИ являются наиважнейшей частью политической коммуникации. Медиатексты оказывают влияние на общественное мнение, формируют или корректируют его согласно или в противовес мнению политиков или журналистов. Следует признать, что порой цель медиатекста – не объяснить или описать объект, а разубедить или переубедить субъекта в его мнении об объекте, сформировать мнение, посеять сомнение, развенчать уверенность. Для этих целей в политической коммуникации используются различные лингвистические средства: метафора, языковая игра, прецедентные феномены и др.

Использование языковых средств «для скрытого воздействия на адресата в интересах говорящего принято именовать языковым манипулированием» [Казаков 2013: 87]. По определению В.А. Масловой, манипуляция – это «процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя; это связано с использованием специальных приемов, направленных на понижение критического мышления со стороны реципиентов» [Маслова 2008: 45].

Многие исследователи отмечают, что характерной особенностью российских СМИ является широкое употребление метафорических моделей, которые построены на военной, морбиальной, игровой тематике: *политическое оружие, политическая температура, политический труп, задушить нас экономически, политическое хакари* и т.д.

Еще одним действенным средством языкового манипулирования является языковая игра. Согласно В.А. Масловой, языко-

вая игра – «генератор смысла». По определению Т. А. Гридиной, языковая игра – это «особая форма лингвокреативного мышления, в основе которого лежит способность к актуализации и одновременному переключению, ломке ассоциативных стереотипов восприятия, употребления, порождения словесного знака» [Гридина 2014: 18]. В.З. Санников рассматривает языковую игру как «языковую шутку», «словесную форму комического», как одну из форм лингвистического эксперимента [Санников: электронный ресурс]. Таким образом, языковая игра может выступать средством создания новых смыслов, ассоциативных связей между словами. Следует отметить, что языковую игру можно рассматривать не только как проявление лингвистической креативности, но и как средство манипуляции. Посредством иронии, шутки, обыгрывания многозначности и омонимии, различных приемов языковой игры, которые направлены на выражение оценки и мнения, определяется тональность высказывания.

Голова Садовый (А. Капустин / *Новая газета*, 28.10.15), (статья о политических деятелях Украины, упоминается мер г. Львова А. Садовый). *Киселев или жизнь?* (И. Гордиенко / *Новая газета*, 21.09.15), (статья посвящена журналистской деятельности Д. Киселева). *Одного пола ягоды* (В. Юрченко / *Новая газета*, 20.07.15), (о деятельности целого ряда политиков).

Рассмотренные примеры показывают, что приемы языковой игры позволяют выразить негативное отношение к некоторым политикам, а также помогают авторам текстов ярко представить детали соответствующей ситуации и образно охарактеризовать участников политического процесса.

Многообразии языковой игры проявляется в нарушении логического соответствия, в варьировании слов, их форм и значений, посредством омофонических и паронимических подмен.

Тень выборов (Б. Бронштейн / *Новая газета*, 21.09.15) вместо день выборов. *Одной ногой в ИГИЛе* (В. Половинко / *Новая газета*, 22.07.15) вместо одной ногой в могиле. *Бедность – не порок* (А. Хачатуров / *Новая газета*, 20.09.15) вместо бедность не порок.

Широко распространены принципы ассоциативного наложения, имитации, интеграции (выделение принципов и термины

Т.А. Гридиной. – См. [Гридина 2008]).

Энциклопедия роскомпозора (В. Юрченко / *Новая газета*, 26.08.15) вместо роскомнадзор. «Курилнаш» (В. Головин / *Новая газета*, 16.10.15) считается популярная последнее время фраза «Крым наш».

Подобные примеры содержат завуалированную оценку политической ситуации, навязывают определенные мнения, установки, актуализируют заданные смыслы.

Одним из приемов языковой игры является трансформация, когда различные устойчивые выражение претерпевают разного рода изменения. Так, по аналогии с известной пословицей «Не хлебом единым жив человек», автор статьи обращается к языковой игре: *Не лососем единым* (М. Шахназаров / *Известия*, 13.08.14). *Любви все ракурсы покорны* (А. Тарасов / *Новая газета*, 5.08.15) о взаимоотношениях прессы и политики по аналогии известных строк из поэмы А. С. Пушкина «Любви все возрасты покорны...». *Прогрессивно-общинный строй* (А. Байданова / *Новая газета*, 20.07.15) о политической жизни Украины по аналогии с термином «первобытнообщинный строй».

Рассматривая такое сложное, многогранное и многофункциональное явление как языковая игра, мы должны учитывать и его функции. В зависимости от того, какой аспект языковой игры является приоритетным, от сферы функционирования и коммуникативной ситуации, исследователи выделяют различные функции. Например, И.А. Чемезова определяет следующие функции: аттрактивную, аксиологическую, провокативную, эвристическую, аппликативную, манипулятивную [Чемезова 2008: 11]. Исследователь Т.П. Куранова выделяет комическую, развлекательную, гедонистическую, выразительную, смыслообразующую, эстетическую, языкотворческую, компрессивную, маскировочную (эвфемистическую), парольную, изобразительную, аттрактивную, характерологическую, экспрессивную, эмотивную, защитную, самовозвышающую, дискредитирующую, релаксационную, смягчающую функции [Куранова 2010: 272].

Учитывая специфику рассматриваемого явления в СМИ, следует отметить чрезвычайно важную роль прагматической функции. По мнению А.А. Негрышева, «в иерархии функций языко-

вой игры в дискурсивном пространстве СМИ основная роль принадлежит функции воздействия» [Негрышев: электронный ресурс]. Языковая игра может выступать как действенное средство формирования общественного мнения по важным вопросам политики и общественной жизни.

Еще одной существенной функцией рассматриваемого феномена является текстообразующая функция, которая заключается в том, что смыслы заданные языковой игрой в заголовочном комплексе подкрепляются содержанием статьи, что обеспечивает связанность текста, а также целостность его восприятия. Очевидно, что элементы языковой игры в заголовке являются эффективным средством привлечения внимания читателя, «заглавие любого текста является важной частью начального стимула вероятностного прогнозирования и выработки стратегии восприятия» [Шехтман 2008: 129].

Чуден «Днепр-1» при тихой погоде (О. Мусафирова / Новая газета, 30.03.15), (о военных формированиях на Украине). Сильные ухом (О. Мусафирова / Новая газета, 8.04.15), (о форуме оппозиционного блока). Швейцарский сыр бывает мышеловкой (А. Полухин / Новая газета 28.10.15), (в статье анализируется ситуация связанная с законом о налогообложении).

Таким образом, наличие элементов языковой игры в заголовочном комплексе газетной публикации усиливает и без того «сильную позицию» заголовка, а заявленные смыслы стимулируют активное оценочное отношение читателя к представленному событию, служит созданию «эффекта усиленного ожидания» [Чудинов 2012: 174].

Итак, рассмотрев некоторые особенности функционирования языковой игры в медийном дискурсе, определенные функции, важнейшей из которых является прагматическая, следует признать, что техника языковой игры оказывается высоко востребованной в современных СМИ, так как может служить эффективным средством манипуляции.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3: Коллективная моногр. / под общей ред.

проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – 344с. – С. 14-75.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Монография. – Екатеринбург, 2008.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие / Т. Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука. 2008. – 263 с.

Казakov А.А. Способы манипулирования в политическом дискурсе: попытка систематизации // Политическая лингвистика, 2013. №(3)45. С.87-90.

Куранова Т.П. Функции языковой игры в медиатексте // Ярославский педагогический вестник, 2010. №4. – С. 272-277.

Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика, 2008. №(1)24. С.43-47.

Негрышев А.А. Языковая игра в СМИ: текстообразующие механизмы и дискурсивные функции (на материале газетных новостей) //www.my-luni.ru (дата обращения: 27.10.15)

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры // <http://www.litmir.co/> (дата обращения: 26.10.15).

Чемезова И.А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке. Автореф. дис.на соиск. уч.степ. канд.филол. наук. – Екатеринбург, 2008.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2012. – 256 с.

Шехтман Н.Г. Реализация текстообразующей функции концептуальной метафоры в политическом тексте // Политическая лингвистика, 2008. №(3)26. – С.128-131.

©Михневич О.И., 2015

М.Ю. МУХИН
(Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'42
ББК Ш105.51

НЕТИПИЧНАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ: ФОРМАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНА И АНАЛИЗ ТЕКСТА⁴

Аннотация: В статье анализируются возможности формализации индивидуальной лексико-семантической сочетаемости на базе корпуса художественных текстов. Представлена методика сопоставительного статистического анализа авторской синтагматики. Единицы анализа — лексические биграммы, которые характерны для текстов одного писателя в отличие от других авторов. Приведен пример контекстологического анализа лексической сочетаемости в романах М. Булгакова.

Ключевые слова: нетипичная лексическая сочетаемость, синтагматика, корпус текстов, лексическая биграмма, статистический анализ текста

1. Вводные замечания

Нетипичная (или нестандартная) лексико-семантическую сочетаемость считается признаком индивидуального стиля, а семантический эффект, возникающий вследствие специфичного словоупотребления, отражен в разных терминах: «актуализация» (Пражский кружок), «остранение» (В. Шкловский), «экспрессема» (В.П. Григорьев). Как писал В.Г. Адмони, «из дистантной постановки компонентов, непосредственно связанных друг с другом грамматически и семантически, из столкновения не сочетающихся по каким-либо признакам лексем и грамматических форм» в речевом ряду возникает «синтагматическое напряжение» [Адмони 1973: 117]. Иными словами, нетипичная сочетаемость приводит к различным приращениям смысла. Кон-

⁴ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда — проект № 13-04-00322 «Русская лексика как межчастеречная система: полное идеографическое описание в лексикографических параметрах».

статация этого факта привела к множеству частных идиостилевых наблюдений. Однако формализация лексической синтагматики всегда была затрудненной по двум причинам: 1) множественность синтагматических связей лексики (количественный фактор), а также 2) невозможность полной автоматизации анализа семантического варьирования слов и их контекстных партнеров.

В то же время поиск методов измерения нетипичности (например, «коэффициентов креативности») давно занимает умы лингвистов — см. об этом в [Гридина 2009: 7]. Совсем недавно в Екатеринбурге, на защите докторской диссертации И. В. Ружицкого (октябрь 2015 г.), опять возник вопрос критериев нестандартности авторской сочетаемости, так как в работе признается интуитивность исследователя на начальном этапе выборки материала [Ружицкий 2015: 171]. В диссертации, как и во многих др. источниках, отмечается, что особая сочетаемость слов приводит к их игровому употреблению [Там же: 172]. Однако лингвистическую аргументацию, которую можно предъявить в отношении каждого нестандартного контекста, тем не менее трудно представить в строгой алгоритмизованной форме, пригодной для сплошной обработки множества контекстов. Классические представления об изучении лексической синтагматики получают новое развитие благодаря появлению текстовых корпусов и программ автоматической обработки речи. Неслучайно исследователи ставят вопрос о том, «в какой мере словари и корпуса текстов совместимы как носители синтагматической информации, в чем их преимущества и недостатки, каким источникам надо отдавать предпочтение» [Митрофанова, Крылов 2006].

2. Параметры исследования и понятие «лексическая биграмма»

Исследование строится на лемматизированном корпусе знаменательных слов (около 1,5 млн.), построенном на основании 16 текстов М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова. Объективировать индивидуально-авторскую модель сочетаемости на основании всех словоупотреблений в корпусе практически невозможно. Для этого следовало бы провести сплошную синтаксическую и семантическую разметку текстов

со снятием омонимии. Синтагматическая вариативность настолько велика, что в любом случае материал должен быть ограничен определенным набором слов или количеством контекстных партнеров. Возникает проблема и с выработкой общего основания для сопоставления синтагматических особенностей текстов разных авторов.

В данном исследовании модель индивидуально-авторской лексической сочетаемости основана на систематизации и анализе лексических биграмм — пар слов, употребляющихся в одном фразовом контексте и, вероятно, связанных семантическими отношениями. В таком лексическом понимании термин «биграмма» используется в работах [Захаров, Хохлова 2008; Митрофанова и др. 2008; Ягунова, Пивоварова 2010а, 2010б].

Для решения поставленной задачи сформирован массив знаменательных лексических пар в пределах одного предложения, в который входят как левосторонние, так и правосторонние контекстные партнеры. Например, в предложении *Состоялась защита докторской диссертации* выделяется 12 знаменательных лексических биграмм:

Лемма-1	Лемма-2	Лемма-1	Лемма-2	Лемма-1	Лемма-2	Лемма-1	Лемма-2
состояться	защита	защита	состояться	докторский	состояться	диссертация	состояться
состояться	докторский	защита	докторский	докторский	защита	диссертация	защита
состояться	диссертация	защита	диссертация	докторский	диссертация	диссертация	докторский

Полученный массив содержит более 10,5 млн. сочетаний и в чистом виде не пригоден из-за большого количества пар лексем, не связанных семантически (т. е. лишнего материала, «шума»). Количество таких «незначимых» биграмм зависит от длины фразы, расположения членов пары в разных и частично автономных фрагментах конструкции (например, во вставной конструкции и основной части предложения, авторской и персонажной речи). Кроме того, существует множество биграмм, встречающихся один раз и в одном тексте, т. е. претендующих на статус случайных или обусловленных исключительно сюжетом произведения.

В связи с этим естественно возникает вопрос об ограничении материала, которое выражается: 1) в сужении расстояния между словами внутри фразы (т. е. определении «окна»), 2) в количественном ограничении лексики, 3) в определении состава

значимых для автора биграмм — материала дальнейшего контекстологического анализа.

1-е ограничение определено опытным путем. Исходя из специфики русского словосочетания (состоящего из двух, трех и более слов), возможности дистантного расположения его элементов и вероятного наличия между членами биграммы служебных слов и местоимений расстояние между словами было принято равным 5. Таким образом, максимальное количество слов, с которыми данное слово, находящееся не в начальной и не в конечной части предложения, может составлять биграмму, равно 10 (5 с левой стороны и 5 — с правой). Количество биграмм, извлеченных из корпуса, сокращается в таком случае до 2,9 млн., употребленных 3,6 млн. раз.

Второе ограничение связано с возможностями дальнейшей семантической обработки материала, который слишком велик по объему. В то же время, для того, чтобы судить об индивидуально-авторских различиях, необходимо единое основание для сопоставления идиостилей. В качестве такого основания в работе избрана специфика контекстного окружения слов, часто встречающихся у всех авторов и во всех 16 текстах. Обязательным членом биграммы, таким образом, должно быть слово типа *человек, глаз, говорить, видеть, один* и т. п. Теоретически так можно выявить авторские приоритеты, выраженные в работе с «универсальным» языковым материалом. Количество таких биграмм около 400 тыс. в 700 тыс. контекстов.

Третье ограничение напрямую связано с выработкой методики оценки значимости той или иной биграммы для идиостиля писателя.

3. Критерии авторской сочетаемости, «синтагматическая активность» лексики.

Итак, нам необходим критерий отбора материала (значимых для идиостиля лексических пар), который бы выявил особенности лексической сочетаемости в текстах каждого автора и в то же время не испытывал сильной зависимости от объема и содержания конкретного произведения.

Чтобы уравнивать идиостилевой статус текстов одного автора, имеющих разный объем, и исключить биграммы, которые

встречаются единично и/или только в одном произведении, выработана сопоставительная частотная методика. В материал включены биграммы, которые одновременно:

- 1) встречаются в одном тексте не менее двух раз,
- 2) встречаются не менее, чем в двух текстах одного автора,
- 3) вообще не попадают в список избранных биграмм других авторов.

Такая установка позволяет отобрать пары слов, часто встречающиеся в разных произведениях одного автора и совсем не характерные для других писателей. После применения описанных ограничений отобрано 2400 лексических пар, употребленных 21350 раз.

Чтобы выявить синтагматические приоритеты четырех авторов, определим набор слов, имеющих в творчестве каждого из них наибольшее количество употреблений с оригинальными контекстными партнерами. Например, оригинальные, не встречающиеся у других авторов биграммы со словом *жизнь* в произведениях А. Платонова употреблены более чем в 200 контекстах, и среди ближайших частотных контекстных партнеров этого слова — *счастье, чувство, истина* и др. У М. Шолохова, при всем объеме произведений, контекстов с оригинальными биграммами (например, *проклятая жизнь, недолгая жизнь, сложилась жизнь* и др.) около 50, еще меньше у В. Набокова — 13 (со словами *сторона жизни* и *душа, воспринимающая жизнь*) и у М. Булгакова — 4 (только употребление словосочетания *театральная жизнь*).

Способность слов иметь особое контекстное окружение мы называем синтагматической активностью. Так, если исходить из сопоставления авторских показателей, наибольшую синтагматическую активность в творчестве М. Булгакова, проявляют, в частности, глаголы речевой деятельности *говорить, сказать, отвечать*, а также существительное *голос*.

Просто перечислив лексемы, невозможно отразить специфику их семантических отношений с контекстными партнерами. Поэтому оригинальные для синтагматики каждого автора контексты этих доминантных слов были подвергнуты контекстологическому анализу, методика которого строится на выявлении

семантических отношений между исходным словом и его контекстными партнерами. При семантической разметке контекстов мы ориентировались на классификации, принятые в идеографических словарях, созданных под руководством проф. Л.Г. Бабенко лексикографической группой «Русский глагол» — см., например [Словарь-тезаурус синонимов 2007].

Рассмотрим авторские синтагматические приоритеты на частных примерах анализа произведений Михаила Булгакова. Их названия в дальнейшем сокращены следующим образом: *БГ* — «Белая гвардия», *ЖМ* — «Жизнь господина де Мольера», *ТР* — «Театральный роман», *ММ* — «Мастер и Маргарита».

4. Примеры контекстологических обобщений: лексика речевой деятельности в романах М. Булгакова

Художественное повествование, как правило, не обходится без фрагментов внешней и внутренней речи, в которых употребляются глаголы речевой деятельности. Специфика их сочетаемости определяется идиостилевыми предпочтениями. Приведем набор типовых контекстных партнеров синтагматически активной лексики в булгаковских текстах:

- *говорить*: *пьеса, более, телефон, роман* и др.;
- *сказать*: *пьеса, врач, робко, прибавить, достоинство* (т. е. с *достоинством*) и др.;
- *отвечать*: *очень, господин, вежливо, совершенно* и др.;
- *голос*: *прокричать, трубка, неприятный, показаться, совершенно, телефонный, детский* и др.

По результатам контекстологического анализа можно сформулировать следующие семантические соответствия избранных слов и их контекстных партнеров.

● Речь (*говорить, сказать*) ↔ тема — произведение искусства (существительные *пьеса, роман*)

«Искусство» — важнейшая денотативная сфера, реализованная в булгаковском творчестве, и тематика разговоров персонажей часто связана с оценкой произведений: *Я хотел вам сказать о вашей пьесе, Мольер, — начал король* (ЖМ); *Что же говорили о новой пьесе литераторы и парижские знатоки театра?; А что говорил Ликоспастанов о моем романе?* (ТР); *Не говоря ничего по существу романа, он*

спрашивал меня... (ММ) и многие другие контексты. Переживание творца, связанное с восприятием его произведения (критическим или, наоборот, благожелательным), — лейтмотивная тема трех булгаковских романов.

● Речь (*сказать, отвечать/ответить*) ↔ субъект или адресат речи (существительные *врач, господин*)

Врач как субъект речи из рассмотренных авторов встречается только у Булгакова (ср. с субъектами и адресатами речи у др. писателей, приведенными далее): *«Ага, — сказал врач [Ивану], — а почему так спешили?»* (ММ); *«О том, как сохранить здоровье, вам скажет любой хороший врач»* (ЖМ). Уважительное отношение к собеседнику, страх перед ним или требования субординации предполагают использование слова *господин*: *господин полковник, господин директор и т. п.: Помилуйте, господин офицер, — трясясь в ужасе, ответил голос, — я ничего не говорю* (БГ).

● Речь (*говорить, голос*) ↔ телефонная связь (*телефон, телефонный, трубка*)

Зная булгаковский текст, можно заведомо предположить, что разговор персонажей по телефону в нем встречается чаще, чем у других писателей. Действительно, слово *телефон* писатель употребляет 89 раз (Набоков — 53, Шолохов — 11, Платонов — 8): *«Если дверь приоткрывалась, слышно было, как он говорил по телефону...»* (ТР); *«Да, — говорила горничная в телефон...»* (ММ); *«Тот же голос возник в трубке телефона в шести верстах от сторожки...»* (БГ). По понятным причинам телефон как реалья отсутствует только в «Жизни господина де Мольера».

Телефонная связь для автора не просто техническое средство общения на расстоянии. Невозможность видеть собеседника позволяет сосредоточить внимание на слуховом восприятии, что приводит, например, к использованию множественных характеристик голоса: *тихий, вкрадчивый и развратный; резкий, неприятный; дребезжащий; мягкий, но грустный; препротивный гнусавый* и т. д. Характеризация голоса приводит к специфическим драматургическим решениям: *«Иван Савельевич?» — осведомилась трубка препротивным гнусавым голосом. — «Его*

нет в театре!» — крикнул было Варенуха, но трубка сейчас же перебила: «Не валяйте дурака, Иван Савельевич, а слушайте» (ММ). Ср. также пример из романа «Белая гвардия»: *Голос, не слушая, заквакал в трубке в ответ: «Беглым по урочищу... по коннице...»* (БГ). Активно используется эффект театрализации телефонной речи в связи с образами свиты Воланда (ММ): *Они заняты, — ответила трубка дребезжающим голосом, — а кто спрашивает?; Тихий, в то же время вкрадчивый и развратный женский голос шепнул в трубку: «Не звони, Римский, никуда, худо будет»* (ММ). Особую отстраненность собеседника подчеркивают метонимические переносы (*человек* → *трубка*, *человек* → *голос*), из-за чего возникает впечатление, что голос существует как бы сам по себе, независимо от того, кому он принадлежит. Так, в романе «Белая гвардия» некий штабной голос по телефону осуществляет командование: *Повинуясь телефонному голосу, унтер-офицер Турбин Николай вывел двадцать восемь человек юнкеров и через весь Город провел их согласно маршруту.*

● Речь (*сказать, отвечать/ответить*) ↔ эмоция и поведение персонажа (слова *робко, вежливо, с достоинством*)

Характеризация персонажа через особенности его речи — привычный литературный прием. М. Булгаков во всех романах использует, например, наречие *робко*: *Но вы можете выздороветь... — робко сказал Иван; «Три бубны», — робко сказал Лариосик* (БГ). С одной стороны, оно подчеркивает нерешительность, краткость, ненавязчивость человека (т. е. его внутренние качества и эмоциональное состояние). С другой стороны, оно дополняет внешний портрет персонажей.

Наречие *вежливо* вообще входит в состав слов, которые, в сравнении с другими тремя авторами, часто употребляет только Булгаков: *Не разрешаю, — вежливо и спокойно ответил ему Мальшиев* (БГ); *На это господин Ратабон ответил вежливо, что это ему неизвестно* (ЖМ). Еще раз подчеркнем, что при помощи этих слов персонажи получают не только речевую, но и портретную и психологическую характеристику: *«Позвольте», — сказал я с достоинством* (ТР). В использовании перечисленных наречий мы видим драматургиче-

скую установку писателя на речевое выражение внешних и внутренних качеств человека. При этом часто выражается авторское отношение — например, ироничное: *«Я беру эту пару, мосье», — сказала брюнетка с достоинством, надевая и вторую туфлю* (ММ). Словами главного героя «Театрального романа» Булгаков формулирует этический принцип: *Держаться вежливо, но с достоинством и, боже сохрани, без намека на угодливость* (ТР).

Речевая сфера, кроме романов М. Булгакова, оригинально разработана и в произведениях М. Шолохова. Ее «подробная» реализация в его текстах проявляется, например, во множественных характеристиках человеческого голоса: *дурной, чужой* (в значении качественного признака: «отчужденный, отрешенный»), *командный, плачущий, надтреснутый, спокойный, басовитый, сдержанный, теплый, расслабленный*. Естественно, что в шолоховских произведениях встречается оригинальный набор субъектов и адресатов речи, как и вообще номинаций человека: *казак, старуха, командир, хозяйка* и др.

У других писателей примеров оригинальной синтагматики отмеченных слов гораздо меньше. Для В. Набокова характерны сочетания *сказать бодро* и *следует сказать*, среди субъектов/адресатов речи обнаруживаем слово *шофер*, а голос человека часто раздается откуда-то *сзади*: *«Неслыханное бесстыдство»*, — *комментировал чей-то толстый голос сзади* (Н:Д); *«Перерыв, маэстро»*, — *сказал голос сзади* (Н:ЗЛ). У Платонова можно отметить только несколько особых субъектов или адресатов речи: *машинист, комиссар, мужик*.

Точно так же, в сравнительном ключе, произведено обобщение контекстов других синтагматически активных слов в творчестве четырех писателей.

Таким образом, нетипичная лексико-семантическая сочетаемость может быть определена как свойственная конкретному автору синтагматическая активность слова, наличие у него такого круга контекстных партнеров, который не имеет аналогов в другом идиостиле. При таком понимании нетипичность становится измеримой, а не просто понимаемой интуитивно. С другой стороны, мы отдаем себе отчет в том, что далеко не все контек-

сты синтагматически активных слов интуитивно воспринимаются как нестандартные. В лингвистике существуют подобные противоречия. Например, признание слова неологизмом осуществляется по как минимум двум критериям: интуитивному и формально-хронологическому, — которые в разных случаях расходятся.

Развитие исследования авторской синтагматики перспективно связано с будущими семантически размеченными корпусами, но уже на основании проведенного анализа можно говорить о формализации признаков «нетипичность» и «нестандартность» по отношению к лексическому окружению. Кроме того, среди авторских контекстов, выделенных с применением предложенной методики, есть много случаев, которые и по традиционным лингвистическим критериям можно, без сомнения, отнести к фактам языковой игры.

ЛИТЕРАТУРА

Автоматическая обработка текста. Поиск по биграммам. URL: <http://www.aot.ru/demo/bigrams.html>

Адмони В.Г. Особенности синтаксической структуры в художественной прозе XX в. на Западе / В. Г. Адмони // *Phylologia. Исследования по языку и литературе. Памяти акад. В. М. Жирмунского.* — Л., 1973. — С. 115–124.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // *Лингвистика креатива.* — Екатеринбург, 2009. — С. 5-58.

Захаров В.П., Хохлова М.В. Статистический метод выявления коллокаций // *Языковая инженерия: в поиске смыслов: докл. сем. «Лингвистические информационные технологии в Интернете»: XI Всерос. объединенная конф. «Интернет и современное общество».* — СПб. : СПбГУ, 2008. — С. 40–54.

Митрофанова О.А, Белик В.В., Кадина В.В. Корпусное исследование сочетаемостных предпочтений частотных лексем русского языка // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодной междунар. конф. «Диалог».* — М., 2008. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/56.htm> (дата обращения: 01.11.2015).

Митрофанова О.А., Крылов С.А. «Типовой» контекст: слу-

чайность или закономерность? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог–2006». М., 2006. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Mitrofanova.htm> (дата обращения: 01.11.2015).

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.11.2015).

Ружицкий И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2015. URL: <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=242648&filter=1> (дата обращения: 01.11.2015).

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 512 с.

Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. Извлечение и классификация коллокаций на материале научных текстов: предварительные наблюдения // Мат-лы V междунар. конф. «Прикладная лингвистика в науке и образовании». – СПб., 2010а. URL: http://www.webground.su/services.php?param=get_class_collac&part=get_class_collac.htm (дата обращения: 01.11.2015).

Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Сб. НТИ. Сер. 2, № 6. – М., 2010б. URL: http://www.webground.su/services.php?param=priroda_collac&part=priroda_collac.htm (дата обращения: 01.11.2015).

©Мухин М.Ю., 2015

А.Ю. ПЕТКАУ
(Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'42
ББК Ш141.12-51

КОНЦЕПТ *ЗДОРОВЬЕ* В ПОСТСОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ⁵

Аннотация: Настоящая статья представляет анализ содержания концепта *здоровье* в контексте постсоветского представления о нем. Изучение смыслового наполнения концепта проводится на материале текстов социальной рекламы. На основе сочетаемости лексем, эксплицирующих концепт *здоровье*, выделены доминантные когнитивные классификационные признаки концепта. Результаты исследования иллюстрируют корреляцию концепта с социально-политическими изменениями в устройстве страны. В постсоветских социальных плакатах, манифестирующих концепт *здоровье*, фиксируется индивидуализация субъекта с помощью местоимений. Современная русскоязычная социальная реклама активно перенимает зарубежный опыт. Развивается шоковая реклама, строящаяся на словесном приеме от обратного и включении устрашающего невербального ряда. Проявляется нацеленность современных российских копирайтеров на поиски интерактивной связи с адресатом, приемы речевого воздействия усложняются.

Ключевые слова: концепт *здоровье*, социальная реклама, советский период, постсоветская эпоха, когнитивные признаки.

В России расцвет социальной рекламы, обращенной к теме здоровья, приходится на советскую эпоху, когда руководство страны провозгласило одним из важных постулатов внутренней политики необходимость ведения здорового образа жизни и сохранения здоровья как общественно-значимой ценности. Советский плакат, отражая государственную идеологию, являлся ана-

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 15-04-00239 а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика»

логом современной социальной рекламы, поскольку, во-первых, представлял государственные и общественные интересы, во-вторых, «ядерным» для него видом являлся «речевой жанр призыва» к определенной поведенческой модели адресата, см.: [Рюмин 2012: 11–14]. На постсоветском пространстве социальная реклама получает новый виток своего развития: копирайтеры стали обращаться к зарубежному опыту, некоммерческая реклама стала оцениваться на специализированных фестивалях, обсуждаться на авторитетных научных симпозиумах. Все это позволило социальной рекламе оттолкнуться от советских реалий, давших ей жизнь, и показать новые подходы для привлечения внимания к актуальным проблемам в обществе, в том числе и к теме здоровья.

Исследователями предпринимались попытки изучения репрезентации концепта *здоровье* в дискурсе социальной рекламы в сравнительном аспекте с европейскими языками, см.: [Киреев 2008: 68–80; Тванба 2011: электронный ресурс], но при постоянном интересе к исследованию вербализации концепта *здоровье* в сравнительном языковом аспекте отсутствуют исследования, посвященные анализу концепта *здоровье* в разные периоды российской истории.

Цель нашего исследования – рассмотреть особенности репрезентации концепта *здоровье* в постсоветское время на материале современных социальных плакатов. Источником языкового материала выступили слоганы постсоветских плакатов социально-рекламной направленности с сопутствующими рисунками, дополняющими анализируемый текст. Нами было просмотрено свыше 1400 социальных реклам, из них было отобрано 315 единиц для анализа, содержащих обращение к концепту *здоровье*. Для выявления общих современных тенденций развития рекламного дела нами также были взяты 215 текстов социальной рекламы стран Западной Европы и США в качестве сравнительного материала. Кроме того, для анализа привлекались материалы ежегодного регионального конкурса социальной рекламы «Новый взгляд!», см.: [www.tvoykonkurs.ru].

Методика исследования заключалась в экспликации когнитивных классификационных признаков концепта, см.: [Попова,

Стернин 2007: 67–75], проводилось ранжирование яркости по принципу частотности. Численное выражение яркости признака рассчитывалось в процентах как отношение числа упоминания признака к общему числу признаков. В процессе анализа происходило обращение к полученным нами ранее результатам по выявлению особенностей репрезентации концепта *здоровье* в советское время на материале советских социальных плакатов, см.: [Петкау 2014: 521–526].

Представим специфику актуализированных когнитивных признаков концепта *здоровье* современного периода.

1. *Субъект состояния*⁶. В современной социальной рекламе упор делается не на обезличенного человека, носителя социальной функции (трудящегося), а на индивидуальность, самость (самодостаточность) конкретной личности. В роли активного субъекта в предикативной основе выступает, во-первых, личное местоимение *я*: **Я здорова** (на плакате улыбающаяся девушка); **Я-ЗА! Здоровый образ жизни**; **Я выбираю лестницу**, во-вторых, частотны местоимения *ты* и *твой*: **Все еще думаешь, что о твоём здоровье должен беспокоиться кто-то другой?**; **Если ты куришь, то, скорее всего, твои зубы оставляют желать лучшего**; **Твое здоровье – в твоих руках**; в-третьих, простота, а иногда и фамильярность обращения к адресату советского слогана трансформируется в современных условиях в уважительную по отношению к адресату форму вежливого обращения на **Вы**: **...и убедитесь, что Вы здоровы!**; **После того, как Вы погасите последнюю сигарету, Вы становитесь здоровее**; **Регулярное прохождение диспансеризации позволит Вам....**

Произошла трансформация адресата рекламного послания. Современный адресат – конкретный субъект со свободой личного выбора в отличие от советского адресата – члена коллективного сообщества (*народа*) с установками, заданными социально-культурными нормами того времени.

⁶ Признак *Субъект состояния* не получает процентного выражения, поскольку он встречается практически во всех взятых нами для анализа единицах и вследствие этого нередко выступает фоном для других признаков.

2. **ЗОЖ⁷: Здоровые привычки (35,0%)**. Так же, как и в советское время, актуализированными признаками остаются признаки ЗОЖ, выраженные в призывах *не курить* и *не употреблять алкоголь*, но к этому списку добавляется еще одна вредная привычка, с которой нужно бороться: *не употреблять наркотиков*.

В современных рекламных текстах меняется форма манифестации данного признака. Активно внедряется шоковая социальная реклама, которую российские копирайтеры позаимствовали у западных коллег, см., например, иллюстрации: [www.vse-gavno.net]. В настоящее время одним из обсуждаемых вопросов является степень допустимости и границы использования в рекламе подобного направления, вызывающего сильные эмоциональные переживания и потрясения, см. об этом: [Макаров, Савченко, Шапуртов 2013: электронный ресурс]. В слоганах используются лексемы с отрицательной семантикой, провоцирующие тревожное состояние субъекта, читающего текст. Вербальный ряд поддержан рядом визуальным: ***Здоровый образ жизни. Места для него все меньше и меньше*** (нарисована тлеющая сигарета, а на ней мальчики играют в футбол); ***Здоровье. Наркотики сожгут его. Зажигай по жизни! А не прожигай свои легкие!*** В последнем примере слоган строится с опорой на семантическую оппозицию однокоренных слов: *зажигай* – *прожигай*. *Прожигать* означает «сделать в чем-н. дыру огнем, чем-н. едким» [ТСРЯ 2011: 752], лексема *зажигать* в молодежном жаргоне – «начинать веселиться» [МСТС 2009: 247] Воздействующий эффект рекламного текста – обыгрывание употребления одного корня *жиг-* в составе лексем с антонимичной семантикой, при этом первая часть слогана *Зажигай по жизни!* (девиз молодежных тусовок) определяет предполагаемую целевую аудиторию.

Невербальный ряд современной социальной рекламы, например, о вреде курения чаще всего сопровождается фотографиями черных изуродованных легких или прижиганием сигаре-

⁷ ЗОЖ – Здоровый образ жизни

той частей человека⁸. По мнению специалистов, социальная реклама – это отражение нашей жизни: из 5 новостей, размещенных на скриншоте информационных интернет-порталов, чаще всего только одна будет хорошей, см.: [Стенограмма круглого стола 2013]. Другими словами, человек, ежедневно находясь в телевизионном и интернет-пространстве «в эпицентре страданий», привыкает к этому фону жизни, и социальная реклама, чтобы не уступать по силе воздействия и привлечь внимание адресатов, должна соотноситься с тенденциями остального медиапространства, в рекламные тексты включается тревожная лексика [Вепрева 2006: 141–155] и устрашающий невербальный изобразительный ряд. Например, слоган одной из реклам гласит: *Я умер из-за курения*. Невербальный ряд показывает реципиенту рекламы с правой стороны лицо молодого, здорового человека, с левой стороны – обезображенную часть кожи и череп умершего человека⁹. Кроме вербального сигнала, лексическим маркером имплицатуры рекламного текста выступает предлог *из-за*, обозначающий «по причине чего-н., по вине» [ТСРЯ 2011: 291]: если бы я не курил, то не умер бы в молодом возрасте, поэтому не курите, не следуйте моему примеру.

Отметим другую особенность. Современная реклама, как и в советское время, предлагает альтернативу, но на другой основе: жизнь без сигарет – это не только здоровье, но и обретение дру-

⁸ Например, широкий резонанс вызвала реклама социального проекта «Всё равно?!», где был изображен лежащий на животике грудной беззащитный ребенок, о спину которого тушится зажженная сигарета, реклама сопровождалась слоганом: *Курить в присутствии ребенка – еще большая пытка* («физическое насилие» [ТСРЯ 2011: 782]) для него.

⁹ Приведем иллюстрацию зарубежного опыта рекламы: «антитабачная реклама Массачусетского департамента здравоохранения в своей социальной рекламе использовала персонажи, взятые именно из коммерческой рекламы табака, только по прошествии многих лет: так, пожилая модель, призывающая в юности начать курить, хриплым голосом призывает прекратить курение сейчас» [Пискунова 2004: электронный ресурс].

гих ценностей:

– красоты: *Если ты куришь, то скорее всего твои зубы представляют желать лучшего; Будьте красивыми и здоровыми! Будьте собой! Будьте уверенны в себе* (на плакате нарисована перечеркнутая сигарета). Первый контекст представляет собой способ конкретизации по типу «если...то», выражающий «обусловленность чем-н. известным, подразумеваемым» [ТСРЯ 2011: 226]. Второй контекст имплицитно выражает этот же смысл: если человек бросит вредную привычку, то станет красивым и здоровым;

– хорошего самочувствия: *Тот, кто бросил пить вчера, чувствует себя прекра...; Будь выше сигареты! Плюс 10 лет жизни. Так и должно быть. Если ты бросил курить; После того, как Вы погасите последнюю сигарету, вы становитесь здоровее;*

– материальной выгоды: *20 тысяч рублей в год. Выбор за тобой* (на плакате мы видим фотографию здорового мальчика с мячом и рядом мужчину, у которого видны черные легкие); Материальная выгода как весомый аргумент в социальной рекламе начинает отмечаться только в постсоветское время.

В нашем материале фиксируется использование частушек: *Сigaretная забава нынче вовсе не по мне. Я курение оставил – на здоровой я волне. Э-э-э-эх!; Забросали все бычками, задымили все вокруг. Хорошо, я не курильщик, своему здоровью – друг! Эх-ма!*

Нередко современные копирайтеры обращаются к графическим окказионализмам – словам с необычной графикой, «являющимся результатом неканонического использования графоорфографических средств языка» [Вепрева, Серебренникова 2011: 243]: *Выделяться из толпы сложно. Но очень здорОво!, ПьяТница погубит субботу* (буква Т заменена картинкой штопора). К тому же последняя анализируемая единица представляет собой лексический окказионализм, образованный на базе формального сходства двух единиц *пятница* и *пьяница*, на созвучии корневой морфемы *пят-* производного слова *пятница* и глагольной основы *пья-* производного *пьяница*.

К правильным привычкам по-прежнему относится физиче-

ская активность: *Педали нужно не нажимать, их нужно крутить; Я выбираю лестницу! Выбор за тобой* (на плакате нарисован крепкий, накаченный мужчина и худой мужчина); *Повышение физической активности позволит Вам сохранить здоровье на долгие годы*. По сравнению с советским временем зафиксирован всего лишь один контекст с лексемой *спорт*: *Спорт открывает возможности твоего тела. Совершайте новые открытия. И пусть это НЕ будет очередная бутылка водки*. Один из излюбленных приемов современного рекламного текста – использование языковой игры. Так, в последнем тексте обыгрывается лексическая сочетаемость глагола *открыть* и производного *открытие*: парадоксальность текста опирается на разные значения слова при сочетании с абстрактным и конкретным существительными: *открыть возможности* и *открыть бутылку*.

3. **ЗОЖ: Забота о здоровье (48,0%)**. Забота о здоровье по-прежнему связана с пропагандой профилактики: *Все еще думаешь, что о твоём здоровье должен беспокоиться кто-то другой? Позаботиться о себе сам – пройди диспансеризацию!; Наши легкие заслуживают внимания! Только флюорография может выявить заболевания легких на ранних стадиях!; Какой осмотр важнее? Пройди бесплатную диспансеризацию!* (на плакате нарисованы детали машины и органы человека). Приметой современного текста является подчеркивание бесплатности предлагаемой профилактической услуги (*бесплатная диспансеризация*) и посыл рекламного текста к адресату, напоминающий о том, что гарантией здоровья выступает не государство, а сам человек (*Позаботься о себе сам; Все еще думаешь, что о твоём здоровье должен беспокоиться кто-то другой?*). В последнем слогане это напоминание о смене идеологической парадигмы присутствует в форме риторического вопроса.

Тем не менее, российское государство по-прежнему одним из приоритетов государственного строительства считает заботу о здоровье нации. Прототипами советских профилакториев на сегодняшний день являются центры здоровья, в которых регулярно проводятся массовые акции профилактической направленности, в рамках которых гражданам предлагают пройти бесплат-

ное комплексное обследование. Подобные мероприятия анонсируются следующим слоганами на плакатах: *Проверь свои легкие!*; *Узнай свой ВИЧ-статус!* и др.

4. **Социальная составляющая здоровья (3,0%).** Воздействие социума, проводимая государственная политика в отношении здоровья – эти факторы получают меньшее отражение в современном рекламном дискурсе по сравнению с советской рекламой. При экспликации данного признака нами фиксируется усиление интерактивного начала, которое копирует зарубежный опыт¹⁰. Обратимся к практике специализированного учреждения «Служба крови». Так, в 2010 году одна из рекламных компаний была построена на основе прямой связи с конкретным адресатом: каждому сдавшему кровь, выдавали специальный флаер участника мероприятия «Спасибо, донор!», который служил приглашением на праздничное мероприятие. Можно отметить, что слоган *Спасибо, донор!* является ретроспективной отсылкой к советскому слогану, поменявшему свое внутреннее наполнение. Во-первых, в современном тексте можно встретить обращение к прагматической стороне благотворительного дела: «быть донором – это значит получить регулярный контроль за своим здоровьем, сдавая кровь, вы знаете, что здоровы» (Служба крови). Во-вторых, интерактивная связь с донором делает его активным участником процесса, нейтрализуя пассивную семантику лексемы *донор* – «человек, дающий свою кровь для переливания» [ТСРЯ 2011: 210].

Проблема пристрастия к курению, о которой мы уже говорили, чаще других (употребление алкоголя, наркотиков) эксплицируются через социальную составляющую анализируемого концепта: ***Здоровая молодежь – здоровая Россия! «Личным примером нужно бороться!» И не только членам правительства*** (нарисован знак, в котором сигарета перечеркнута). Как и

¹⁰ Приведем пример рекламы подобного типа: заявленная проблема – в Берлине вымирают деревья (а значит, ухудшается экологическая ситуация, здоровье жителей). Если человек перечислял деньги в пользу охраны зеленых насаждений, то он получал СМС от дерева: «Спасибо вам большое» [Стенограмма круглого стола 2013].

в советское время, в пространстве рекламного текста присутствует лексика борьбы, но с другим контекстным содержанием: борьба перемещается в сферу личного *личным примером*, т.е. «осуществляемым самим, непосредственно данным лицом, данной личностью» [там же: 412]. Советская обобщенность, деперсонификация адресата рекламного текста создавала имплицитный образ внешнего врага, идентификация адресата с конкретной личностью переносит образ врага во внутренний мир субъекта: он борется сам с собой, со своими вредными привычками.

5. Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье (7,0%). Современного человека, считающего себя практически здоровым, убедить отказаться от, казалось бы, невинных привычек иногда выпить, покурить в свое удовольствие, достаточно трудно с помощью традиционных приемов воздействия. Перед копирайтерами всех времен и народов всегда стоит трудная задача – привлечь внимание потребителя и удивить его. Наш материал дает возможность обнаружить новый вид рекламного текста, возникший в современных условиях, – социальную антирекламу, пропагандирующую образ жизни с вредными привычками: *Акция «С пивом по жизни», участникам импотенция в подарок; Выиграй путевку в онкологический диспансер: больше сигарет – больше шансов!; Курите больше, освободите место для китайцев!; Купите себе бесплодие; Купите себе импотенцию* (тексты написаны на сигарете).

Используемый прием – доказательство от обратного (противного) – один из часто используемых методов в математике и логике. Сочетание в тексте неожиданности и интриги, приправленное юмором, должно приводить к ожидаемой реакции типа «Надо же, я никогда об этом не думал в таком направлении». Все это делает данную антирекламу эффективной и свежей.

Но творческий опыт подобного воздействия на адресата не нов, в создании антирекламы мы видим тиражирование приема, примененного детскими писателями в «Празднике непослушания» (1971 г.) Сергея Михалкова и «Вредных советах» (1990 г.) Григория Остера. У Г. Остера прослеживается прямая аналогия с антирекламой здорового образа жизни: *Никогда не мойте руки, / Шею, уши и лицо./ Это глупое занятие / Не приводит ни к*

чему./ Вновь испачкаются руки,/ Шея, уши и лицо,/ Так зачем же тратить силы, / Время попусту терять./ Стричься тоже бесполезно,/ Никакого смысла нет. / К старости сама собою / Облысеет голова. Добрый юмор может быть подан автором с элементами детской страшилки: *Если всей семьей купаться / Вы отправились к реке, / Не мешайте папе с мамой / Загорать на берегу. / Не устраивайте крика, / Дайте взрослым отдохнуть. / Ни к кому не приставай, / Постарайтесь утонуть.* Приемы черного юмора есть и в анализируемой рекламе: *Купите себе бесплодие; Освободите место для китайцев; Выиграй путевку в онкологический диспансер.*

Подведем итоги нашим наблюдениям. В постсоветских социальных плакатах фиксируется индивидуализация субъекта с помощью местоимений *я, ты, Вы*. Современная русскоязычная социальная реклама активно перенимает зарубежный опыт. Развивается шоковая реклама, строящаяся на словесном приеме от обратного (противного) и включении устрашающего невербального ряда. Проявляется нацеленность современных российских копирайтеров на поиски интерактивной связи с адресатом, на порождение субъект-субъектных отношений адресанта и адресата рекламной коммуникации. Приемы речевого воздействия усложняются: создатели рекламы уходят от простых императивных форм, «бьющих в лоб», к более сложным элементам творчества – языковой игре, использующей многозначность слова, окказиональные словообразовательные средства, графический облик слова. Актуализированными признаками концепта *здоровье* являются **ЗОЖ: Здоровые привычки; Социальная составляющая, ЗОЖ: Забота о здоровье, Градуальность состояния: Здоровье / Нездоровье.**

ЛИТЕРАТУРА

Вепрева И.Т., Мустайоки А. Детабулизация в современном русском языке и тревожная лексика // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. – Екатеринбург, 2006. – С. 141–155.

Вепрева И.Т., Серебренникова Ю.С. Новые дискурсивные практики в контексте уральского города: игра с графическим обликом слова // Современная речевая коммуникация: новые

дискурсивные практики: коллективная монография. – Омск, 2011. – С. 242–250.

Киреев С.И. Дискурс и концептосфера социальной рекламы: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008.

Макаров М.С., Савченко К.Н., Шапортов Д.С. Особенности восприятия шоковой рекламы молодежью // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 3. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2013/03/22900>.

МСТС – Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов / Т. Г. Никитина. – М., 2009.

Петкау А.Ю. Концепт *здоровье* в советской социальной рекламе // Лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации: сб. материалов межрегиональной конференции. – Волгоград, 2014. – С. 521–526.

Пискунова М.И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии // Медиаскоп. 2004. Вып. 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/152>.

Попова З. Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.

Рюмин Р.В. Социальная реклама как речевой жанр: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2012.

Стенограмма круглого стола «Эффективная социальная реклама. Лучшие практики» от 17.06.2013. Режим доступа: http://vse-ravno.net/kruglyj-stol-effektivnaya-socialnaya-reklama-luchshie-praktiki-17_06_2013.

Тванба Т.А. Оценочное осмысление «здоровья» в дискурсе медийного жанра социальной рекламы против наркотиков // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2011. № 2. Режим доступа: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_tvanba_0.pdf.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2011.

©Петкау А.Ю., 2015

А.М. ПЛОТНИКОВА
(Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'33
ББК Ш105.55

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ИНВЕКТИВЫ¹¹

Аннотация: В статье рассматриваются приёмы языковой игры, используемые в конфликтной коммуникации с целью дискредитации адресата и выражения враждебного, неуважительного отношения к нему. Применяемые игровые приёмы могут реализоваться в устной коммуникации, поэтому они обычно не предполагают многослойного содержания. В статье даётся характеристика таким приемам языковой игры, как высмеивание неблагозвучной фамилии, использование прецедентных знаков, игровые трансформации речевых жанров и др. Уделяется внимание приемам, основанным на импликатурах дискурса. Использование игрового кода направлено на создание эффекта неоднозначности сказанного и конструирование особой иронически язвительной тональности текста, которая может быть расценена адресатом как нарушающая этические нормы общения. Языковая игра как средство инвективы также может иметь юридические последствия.

Ключевые слова: языковая игра, инвектива, конфликтная коммуникация

Не ограничиваемая функциями создания комического языковая игра рассматривается нами вслед за Т.А. Гридиной как «форма лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2008: 5]. В конфликтном дискурсе языковая игра выступает в качестве мощной по воздействию потенциалу техники, работающей

¹¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

на общую целеустановку дискредитации личности, понижения социального статуса лица, создания дисгармоничной тональности общения. Своеобразие игровых приемов в конфликтном дискурсе определяется тем, что выбор средств воплощения игрового кода обусловлен интенцией «уколоть», обидеть адресата, поэтому игровой приём должен быть легко считываемым, не характеризоваться многослойностью и сложностью интерпретации.

В рамках данной статьи остановимся лишь на тех приемах, реализация которых преследует коммуникативную цель, связанную с дискредитацией личности и выражением враждебно-неуважительного, презрительного отношения к человеку. По словам Н.А. Трофимовой, «инвективный речевой акт реализует две функции: с одной стороны, эмотивно-катартическую – говорящий выражает свои отрицательные эмоции, "выпускает пар", с другой стороны – прагматическую – хочет оказать перлокутивное воздействие на адресата – унижить, оскорбить, обидеть, эмоционально подавить его» [Трофимова 2008: 218]. Различные аспекты исследования речевой агрессии, конфликтного дискурса, инвективности и диффамации нашли отражение в работах В.И. Жельвиса [Жельвис 2001], Г.В. Кусова [Кусов 2004], О.С. Иссерс [Иссерс 1999], Н.В. Орловой [Орлова 2012], К.Ф. Седова [Седов 2004], В.С. Третьяковой [Третьякова 2000], Ю.В. Щербининой [Щербинина 2013] и др.

К игровым приёмам в конфликтном дискурсе, реализующим указанную коммуникативную цель, относится, например, игра с антропонимами. Говорящий может использовать ассоциативное сближение фамилий, превращая при помощи звуко-буквенной или слоговой замены фамилию в обидное прозвище, созвучное со словом, вызывающим у читателя отрицательные ассоциации, к примеру, в газетном тексте *Бурилов* становится *Дуриловым*. С целью ухода от юридической ответственности журналист использует игровые трансформы фамилии: *«Вы думаете, что мы называем его Бляковым-Кряковым от хорошей жизни? Пиарим, что ли, так его? Да просто закон новый очень странен. Самому Хрюкову-Брюкову можно поливать кандидата номер один, а нам, журналистам, по закону нельзя называть настоящую фамилию Блякова-Штрюхова, чтобы рассказать правду о его вра-*

ные». Однако парадигма выбранных прозвищ, а также их прозрачная внутренняя форма или неблагозвучные фонетические комбинации (помимо представленных в данном контексте, автор телевизионных сюжетов использует такие, например, как *Собаков-Забияков*, *Негодяков-Мерзяков*, *Ряхов-Брюхов*, *Враков-Бензобаков*, *Чижиков-Собаков*, *Бяков-Пустобряков*, *Драков-Забияков*, *Баблов-Денежкин*, *Сказиков-Говрибеков* и др.) не связаны с реализацией лишь кодовой функции языка и направлены на создание отрицательного образа описываемого персонажа. Выбранные антропонимы указывают также и на то, что говорящий не только преследует сатирическую цель, часто реализующуюся в предвыборной политической коммуникации, но и проявляет враждебно-неуважительное отношение к герою сюжета, выбирая в качестве производящих основ придуманных прозвищ слова с ярко выраженной негативной семантикой.

Даже жанр официально-делового текста, к которому относится жалоба на действия судьи с неблагозвучной фамилией Тупицын, не останавливает пишущего и не удерживает его от использования игровой тактики: *«Обжалуемое определение судьи ТУПИЦЫ НА – это слепок нашего правосудия.»*; *«Конечно же, данное определение судьи ТУПИЦЫ НА подлежит безусловной отмене.»* Единичная техническая ошибка, возможно, могла бы рассматриваться как случайность, опечатка, описка. Однако анализ всего текста документа, в котором отсутствуют ошибки, а также наличие правильных написаний фамилии судьи в других падежных формах, говорит о системном подходе автора к искажению в написании и соответственно к реализации игрового приёма на уровне графики.

Графические приёмы, мотивированные игровой интенцией, лежат в основе креолизованных текстов. Например, в газетной статье, посвященной личности и деятельности журналиста Т., изображен «клещ» и содержится подпись: *«В медицинской энциклопедии написано, что клещ выбирает на теле человека удобные места и впивается головой. Отрывать его не рекомендуют, потому что голова остается в теле человека. Что же собой представляет Т.?»* Используя импликатуры дискурса, автор при помощи изображения, а также комментария к нему

даёт характеристику герою публикации, наводя те смыслы зооморфной метафоры, которые необходимы для оценки лица.

Известно, что одним из способов выражения унижительного отношения является «навешивание ярлыков». В разговорной речи говорящий прибегает к единицам, заключающим в своих значениях оскорбление личности адресата, желание говорящего или пишущего унижить, обесчестить, опозорить адресата, то есть к словам и выражениям с резко негативной, иногда грубой, вульгарной экспрессивной окраской. Стремление уйти от стереотипности и найти более сильную по эмоциональному воздействию на адресата речевую конструкцию приводит к созданию оборотов, подобных фразеологическим, например: *дура в третьем поколении, самая мерзкая и гнусная дочь России, муха в татарской шкуре* и др.

Например, автор обличительного стихотворения использует трансформацию фразеологизма *моральный урод*, имеющего значение: «о человеке, нравственно неполноценном», заменяя оскорбительное слово с отрицательной оценкой на антонимичное с положительной оценкой:

*Дороги строят нам халатно,
Воруя прям у своего народа!
Здесь так и хочется сказать мне неприлично:
Ну кто же выбирал такого нам морального... «красавца»?!*

Проявляя метаязыковую рефлексию, автор оценивает выражение «моральный урод» как такое, которое сказано «неприлично», однако при выборе номинации автор всё-таки уходит от выбора негативно-оценочного слова, заменяя его на ироническое употребление «красавец», взятое в кавычки, при этом сохраняя рифму *народа – урода*, позволяющее читателю восстановить исходную форму фразеологизма.

Регулярно используемые для выражения оскорбительного отношения кавычки выступают показателем иронического или вообще неконвенционального употребления, отсылают к особому значению, создаваемому автором слова и разрушающему устойчивую связь между означаемым и означающим. В устной речи говорящий может использовать невербальный знак кавычек, получивший распространение в современной коммуника-

ции, выделить слово интонационно либо эксплицировать словесно семантику данного знака: *«Слово «уважаемый» я могу употребить только в отношении прокурора, в отношении же судьи – нет. И обратиться к судье «Ваша честь» я могу только в кавычках».*

С закавыченными употреблениями связано использование прецедентных знаков, которые, как известно, обладают широким спектром выразительных возможностей, однако требуют фоновых знаний адресата, позволяющих считать интертекстуальные связи. Например, герой публикации, не увидевший прецедентность выражения «Ай да сукин сын!» подал в суд иск об оскорблении, оценив словосочетание «сукин сын» как оскорбительное: *«В этом, собственно, и заключается суть их «развода», что многократно обманутое и изверившееся население «задрал штаны», как поэт Маяковский за комсомолом, побежит вступить в «Даниловское». Ай да Константин Викторыч! Ай да «сукин сын»! Как всё ловко устроил!»* Безусловно, положительная оценка, которая применяется А. Пушкиным для самооценки, приобретает в данном контексте отрицательный смысл, и такое перефразирование работает на общую сатирическую тональность текста.

Любое оценочное значение, будучи субъективным по природе, зависит от контекста и ситуации, поэтому нейтральная или позитивно-оценочная лексика в определенной коммуникативной ситуации способна приобретать негативно-оценочные коннотации (например, насмешливое обращение *«красавица»* к девушке с большим шрамом на лице). В связи с этим следует отметить, что экспрессивность, выражая субъективно-модальные значения, «может иметь речевой характер, поскольку эмотивные реакции часто возбуждаются по ходу совершения речевого акта» [Телия 1981: 208].

Инвективное содержание может возникнуть в результате намеренного развенчания речевого жанра «комплимент». Именно на таком игровом приёме построены почти все тексты, зафиксированные на некоторых сайтах с рубрикой «прикольные оскорбления», например: *«А вы фотогеничны. Вас ещё не приглашали в кино сниматься? Документальном. О свиноводстве».* Послед-

нее предложение полностью разрушает основную функцию комплимента как положительно-оценочного суждения, переводя это суждение в разряд злого высмеивания внешности адресата речи. Провокация, основанная на опрокидывании прогноза развертывания текста, захватывает и другие речевые жанры и речевые акты. В ходе игровой имитации жанр поздравления используется в качестве приёма мнимой речевой самоагрессии и, следовательно, саморазоблачения прогнозируемого адресата. Например, под фотографией, размещенной на почтовой открытке, содержится подпись: *«Я, оборотень в погонах, поздравляю вас с праздником Вальпургиевой ночи!»*. В высказывании *«Хочу назвать тебя козлом, но не буду»* использован риторический приём мнимого умолчания, при котором демонстрируемая иллюкутивная цель не совпадает с реальной иллюкутивной целью высказывания.

Употребление инвектив в этом случае демонстрирует особое речевое «умение», даже если применяемые говорящим приёмы являются шокирующими для адресата, как, например, в вопросе *«Вы все еще любите природу, несмотря на то, что она сделала с вами?»* Чувство меры изменяет и такому «игроку», который создаёт двусмысленные образы в средствах массовой информации, например: *«Угадайте, на какой именно из трех букв болтался бы сейчас господин советник, приди он к Филипенко с предложением перенести столицу Югры?»* Проявляя в известной степени мастерство словесной игры, журналист создает издевательски ироническую тональность текста и отчасти даже циничную шуточность.

Изощенный характер игровых приемов может оцениваться как выход за пределы этически приемлемого, особенно в тех случаях, когда автор характеризует внешность человека или вторгается в сферу физиологии или сексуальных отношений. Претензия на оригинальность словотворчества и свободу самовыражения в конфликтной коммуникации всегда может иметь правовые последствия, так как изящество игровой установки или использованного игрового приёма вряд ли будет оценено адресатом инвективы.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография.– Екатеринбург, 2008. – 165 с.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. второе, переработанное и дополненное. – М., 2001. – 349 с.

Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. –С.108–124.

Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт. Дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 245 с.

Орлова Н.В. Конфликт обыденного и специального значения слова как проблема лингвиста-эксперта (на примере значения слова оскорбление) //Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. IV. /Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2012. – С. 381–382.

Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М., 2004.

Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 127–139.

Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. – СПб., 2008. – 376 с.

Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. – М., 2013. – 400 с.

©Плотникова А.М., 2015

Е.Ю. ПРОТАСОВА

(Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия)

А.Н. АЛИШАРИЕВА

*(Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби,
Алма-Ата, Казахстан)*

УДК 81:39

ББК Ш100.63

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЯЗЫКА: СВОЙ ИЛИ ЧУЖОЙ?

Аннотация: Объектом исследования является, каким образом проявляется креативность в использовании языка на стыке двух культур – казахско- и русскоязычной. Социолингвистический анализ показывает, что выбор каждого из языков в определенных ситуациях в основном оправдан и не случаен, однако мотивы людей при решении вопроса о том, как и почему они пользуются либо казахским, либо русским, также необходимо учитывать. Выясняется, что некоторые элементы вошли в жизнь казахстанцев также на английском языке и стали неотъемлемой частью процесса его модернизации. Все это фрагменты большой мозаичной картины, отражающей сегодняшнюю жизнь Казахстана.

Ключевые слова: двуязычие, бикультурность, языковая ситуация, Казахстан, казахоязычный, русскоязычный

Условия бытования русского языка в Республике Казахстан: спектр мнений. Особенности функционирования и статус русского языка в Казахстане давно и с разных позиций описываются учеными, публицистами, писателями и журналистами разных стран, прежде всего казахскими. Еще 18 октября 2013 Н. Назарбаев дал поручение перевести на государственный язык делопроизводство в регионах, где преобладает казахоязычное население, какового уже более 70%. Веление времени – знание трех языков (meta.kz/novosti/kazakhstan). У России самая длинная граница именно с Казахстаном – более семи с половиной тысяч километров, и это важный фактор во взаимоотношениях стран.

Подробно политика триединства языков рассмотрена в «Государственной программе развития языков в Республике Казах-

стан на 2011-2020 годы» (edu.gov.kz) и в [Жетписбаева, Аринова 2012]. В августе 2015 г. министр образования и науки РК А. Саринжипов заявил об изменениях в школьной программе к 2020 г.: уровневое обучение казахскому и русскому языку начнется с первого класса; с 3-го класса будет изучаться общий предмет естествознание, а также информационно-коммуникационные технологии; будет новый предмет – глобальные перспективы и проектная деятельность. Казахская литература, история и география Казахстана будут вестись на казахском языке, а на английском в старших классах будут осваиваться информатика, физика, химия и биология (http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/perehod-shkol-rk-trehyazyichnoe-obrazovanie-obsudili-281664). Согласно исследованиям, если в начале 1990-х две трети учащихся получали среднее и высшее образование на русском и лишь треть на казахском, то сейчас наоборот, причем стало больше групп с обучением на языках меньшинств – уйгурском, таджикском, турецком, украинском; пропорция языков обучения варьируется по регионам [Altynbekova, Zueva 2014]. СМИ подчеркивают, что в стране осуществляется многофакторная и многовекторная межнациональная политика, при которой все граждане республики участвуют в коммуникации и диалоге. Тема межэтнических отношений остается болезненной, и кажется, что решается проблема, которая пройдет сама собой [Исибаева 2014]. Становятся важными исторические аспекты этногенеза [Актанов 2015]. Среди праздников отмечаются День молодежи, Курбан-айт, Наурыз, Түркі жазуы күні (День тюркской письменности) [Единение 2014], т.е. и светские, и религиозные, и супранациональные.

С. Акимбеков [2012] уточняет, что когда во время последних советских переписей 99% населения указывало, что владеет казахским языком, около трети на нем уже не говорили, а казахов по национальности было 40%. О решениях первого парламента 1990 г. он отзываясь, как о либеральной компенсации за бывшее неравноправие казахского языка: теперь он стал государственным, а русский – языком межнационального общения. В изменившейся демографической ситуации (уехало минимум три с половиной миллиона человек, четверть – в Германию, другие в

Россию, города опустели, потом были заняты сельскими казахами, среди которых высокая рождаемость, а также не знающими русского репатриантами-оралманами) коренное население составляет более 60%, так что создана почва для постепенного доминирования казахского языка. Государство маневрирует между русскоязычными казахами, не считающими казахский единственной опорой для сплочения, и национал-патриотами, выступающими против преобладания русского языка в сферах, где он уступает казахскому, и против всестороннего сближения с Россией. В больших семьях часть говорила по-русски, а часть по-казахски, причем русскоязычному населению было выгодно, что многие хорошо говорят по-русски; до сих пор сохраняются патрон-клиентские отношения. Среди причин русификации (выросло 2-3 поколения казахов, говоривших по-русски, самоидентифицирующихся с казахским этносом) Акимбеков называет кочевую культуру, склонность к адаптации ради выживания, быстрое перенимание языка. Проблему в изучении казахского он видит в том, что им сразу надо владеть на высоком уровне, переходные ступени недостаточного владения языком, уместные при изучении иностранных языков, в данном случае неприемлемы. Переход на латиницу, с одной стороны, и создание казахского контента за счет частных грантов, с другой, могли бы помочь решить проблему, а русский язык всегда будет лингва франка плюс к этому языком торговли. На эти соображения отвечает С. Сатаев [2012], подчеркивающий, что переход на латиницу может оказаться губительным, а в нынешний кириллический алфавит точно приспособлен для казахской фонетики. Следует, однако, систематизировать использование государственного языка в делопроизводстве и терминологию, «нынешний бюрократический язык напичкан неуместными и даже неправильными "терминами" (құқық, пайыз, нарық) [право, процент, рынок]', которые осложняют и без того сложный наш агглютинативный язык», а на казахский стоит переводить не только через посредство русского, но и прямо с английского, китайского и других языков, для чего нужно создать соответствующие словари. Вредно выделять группы казахов, говорящих по-русски, по-немецки, по-турецки. В свою очередь, юзер Болат приводит в

комментарии соображения о том, чем нынешний алфавит избыточен (если убрать русские заимствования, многие буквы окажутся ненужными, а некоторых будет не хватать).

Согласно международной статистике, около 90% запросов в Интернете, приходящих из Казахстана, формулируются на русском языке. М. Уали [2012] пишет, что многократный просмотр мультфильмов на казахском языке может быть хорошим способом его изучения детьми шала казахов, но люди еще не готовы к этому, и даже дети, которые ходят в казахские детские сады и школы, мультфильмы смотрят на русском, а думают о феях, русалках и Барби. Знание языка должно стать выгодным делом, приносить материальные и духовные преимущества, в то время как создание казахоязычного контента затруднено; производить его должны научиться сами казахи, что делает его дорогим, т.к. пользоваться будут всего 7-8 млн. человек. Экономика требует государственной поддержки: поощрения доплатами за создание и пользование товаров на казахском языке. Это могло бы стимулировать приток в творческую сферу билингвов, пользующихся пока русским, и привело бы к созданию нового информационного поля, а также модернизации лексикона, в результате чего язык наконец-то расцвел бы. Говоря о казахоязычной науке, автор считает, что научные произведения должны создаваться преимущественно на английском (русского, как многие считают, недостаточно уже внутри самой России), за исключением этнографии или отечественной истории, востребованных преимущественно на родине, о чем следует писать по-казахски. Округающие казахов языки уже не те, что были в Средние века, рассуждает Уали: «Русский – друг, турецкий – брат, английский – гуру, китайский – сосед, казахский – искусство».

Много разговоров ведется относительно того, чем различаются казахстанская, казахская, советская, этническая, внереспубликанская, внешняя, внутренняя и даже мегапроектная идентичности. Вспоминая о советском образе жизни, Д. Кадыржанов [2014] подчеркивает, что большинство граждан не понимало, что в Казахстане могут быть не только казахи, а когда люди уезжали за рубеж, то сначала говорили о себе, что они из СССР, а потом – что из той республики, откуда приехали. Завоевание

Сибири Ермаком воспринималось как атака на Казахстан. А. Сейтов [2014] считает, что объединяет людей только советское прошлое, что независимость была подарена, и казахи являются государствообразующей нацией, но казахстанцы с паспортом гражданина Казахстана имеют право называть страну своей родиной. Автор предлагает различать отношения на государственном уровне между большинством и меньшинством и на бытовом уровне между гражданами, где все равны в правах. Не стоит противопоставлять себя большинству или считать меньшинство чужаками, однако казахам важно осознать свою ответственность за строительство Казахстана, при этом другие народы должны быть с большинством. О несвоевременности подлинного рассмотрения ситуации с постсоветским наследием пишет и американская политолог М. Брилл Олкотт [2011], которая размышляет о том, что теплое отношение к временам СССР свойственно многим, кто жил в это время, когда вместе с модернизацией и диверсификацией разрушалось и традиционное казахское хозяйствование. Многие исторические события расцениваются двояко, и позитивно, и негативно, кроме сотрудничества в Великой Отечественной войне. Так, некоторые националисты были репрессированы и погибли, другие смогли создать значительную интеллектуальную продукцию на своем языке. Среди безусловных достижений – то, что казахский язык развился в письменной форме и грамотность является поголовной, хотя он и не стал языком межнационального общения внутри республики, как узбекский в Узбекистане.

Блогер Б. Киманов [2012] считает, что казахский язык будет применяться в казахоязычной среде в Казахстане и за его пределами, в трудовых коллективах, в городах и селах с преобладанием казахоязычного населения, в государственном аппарате, в образовании на казахском языке, в литературе и прессе, массовой культуре, ТВ и Интернет, адресованном этой аудитории. Постепенно возможен переход на него среди казахоязычного населения в крупных городах, трудовых коллективах и корпорациях с преобладанием русскоязычных. Его трудно развивать в сфере высоких технологий, в определенных научных кругах, фундаментальной науке, коммерческом секторе международной

торговли и торговли высокотехнологичными товарами, в больших городах с межнациональным составом. С точки зрения автора, нужно, чтобы было не менее 50 млн. казахов, и тогда язык разовьется в технической и коммерческой сферах. Нужно иметь по крайней мере пять качественных телеканалов, в том числе детский, активно развивать театр и кино, поощрять трехязычие, создавать семьи, где кто-то хорошо владеет языком, а детские сады на казахском должны быть бесплатными и т.п. Следует вовлекать сельское население в пользование Интернетом в письменной форме.

В обзорной статье А. Рахметовой [2014] подняты три актуальные проблемы: невозможность прожить в Казахстане, не зная русского языка; стремление заново создать историю, подчеркивая казахские корни; желание иметь объединение всех тюркоязычных народов. Так, она констатирует, что оралманы (казахи-репатрианты), приехавшие из Саудовской Аравии, Туркменистана и Узбекистана, не знают русского языка и законов Казахстана и боятся что-нибудь нарушить. На примере Павлодара автор ссылается на местную прессу: одни (преимущественно русскоязычные) хотят восстановления старого здания гостиницы, существующего с царских времен, другие выступают за памятник национальному писателю Жусипбеку Аймауытову, а местному бюджету не потянуть обе статьи расхода. «Если сегодня, аким пошел на поводу тех, кто растаптывает национальную честь казахов, то неудивительно, если завтра он будет выступать на стороне тех, кто ратует за сепаратизм и возрождение советских традиций. Уже есть мнения, что он опирается на поддержку российских политических сил, ратующих за возрождение советского Союза. Но те, кто готов бороться за национальные интересы не будут молчать и оставаться в стороне. В Кереку началось противостояние. Противостояние Независимости и колонизации... Как бы разделение общественного сознания в одной области не привело к разделению всей страны» (буквальная цитата из М. Касенова). Сообщается, что организован Союз тюркской интеллигенции, который возглавил М. Шаханов, казахский поэт и общественный деятель.

Русские в Казахстане. Большинство тех, кто говорит по-русски в Казахской Республике, не русские. История прибытия русских в Казахстан насчитывает несколько веков, расселены они по территории страны неравномерно, государственным языком в основном не владеют и имеют высокий уровень межэтнической толерантности. Отток русских остается примерно на одном уровне [Гончаров, Савин 2015]. Согласно Д. Данилевскому [2014], слухи о том, что русские в Казахстане взбунтовались, связаны с тем, что Председатель Верховного Совета Хакассии В. Штыгашев сказал, что Россия может претендовать на территорию Восточного Казахстана, или Рудного Алтая. Он считает, что до перестройки никто не замечал, «у кого какой цвет кожи и разрез глаз», причем среди русских и русскоязычных панические настроения возникли после принятия в 1989 г. Закона Казахской ССР «О языках», что привело к идее образования в Восточном Казахстане национально-культурной автономии. Когда русские и русскоязычные стали переезжать в Россию после развала СССР, появились славянские и казачьи организации. В Усть-Каменогорске проходили массовые митинги, обсуждавшие вопрос о введении государственного двуязычия, равноправия, но только казаки говорили об автономии. Позднее социально-экономические проблемы вышли на первый план, и отдельные идеи о Республике «Русский Алтай» не были поддержаны. О возвращении в СССР говорить перестали, стало все больше казахских руководителей, переименовывались улицы и населенные пункты. Сегодня политическая ситуация стабильная, сепаратистских движений нет, консолидирующая проблема состоит в более равномерном распределении бюджетных средств. После многочисленных отъездов и объединения двух областей состав населения изменился, но бывали и случаи возвращения в Казахстан из России и Германии. В связи с программой по переселению соотечественников многие представители разных национальностей снова решили уехать в Россию, причем особой популярностью пользуется Калининград, близкий к Европе; молодежь мечтает учиться за рубежом, богатые покупают недвижимость за границей, например в Турции. «Не зря же народная мудрость гласит, что в Казахстане две столицы:

северная в Лондоне, а южная в Дубае» [там же: 17]. Согласно опросу, около трети не собираются уезжать, но думают об этом, тревожась за будущее детей, из-за языкового вопроса и экологических проблем региона. Многие из тех, кто имеет устоявшийся социальный статус, не испытывают дискомфорта и не собираются уезжать. Ведущим в обиходе продолжает быть русский, и этого хватит на долю тех, кому 40-50 лет; на продвижение по службе влияют в большей степени другие факторы, чем знание казахского языка. Хотя в органах власти почти нет русских и славян, считают, что это не имеет значения, поддерживают национальную политику действующего президента, но боятся прихода к власти ультранационалистов. Развивается сотрудничество с приграничными регионами России. Вопреки этому, национальному вопросу вредят высказывания некоторых российских политиков (Э. Лимонова, В. Жириновского).

На сайте «Русские в Казахстане» (www.russianskz.info) 1 мая 2014 года, отвечая на вопрос: «Что, по вашему мнению, является основной причиной, по которой русские уезжают из Казахстана?», проголосовало 7940 человек. Из них большинство (80,2%) считает, что это происходит из-за ассимиляционного давления, дискриминации по национальному или языковому признакам; 12,7% называют социально-экономическую обстановку в Казахстане, 4,6% указывают на привлечение Россией соотечественников, иные причины обозначают 2,6%.

Проблемы русских в Казахстане связаны с уменьшением их численности до 22%, невозможностью получить хорошее образование на русском, недостаточно хорошей программой переселения соотечественников, отсутствием некоторых служб на русском. Чаще все же чиновники отвечают на том языке, на котором направлен запрос. Русских партий в стране нет, попытка сепаратистского движения была пресечена в конце 1990-х, есть общественные движения: Республиканское славянское «Лад», объединение «Истоки», Русская община Казахстана, Ассоциация учителей русских школ Казахстана, объединение «Славянский культурный центр», казачьи организации и др. Рассказывается об особенном казахстанском русском, о культурном билингвизме, о другом культурном коде выросших в Казахстане рус-

ских. Казахстанскими русскими высказывается предположение, что в скором времени двуязычие останется только в нескольких городах. Теперь на казахском в СМИ программ не меньше, чем в сумме на других языках. Русские, говорящие по-казахски, вызывают всеобщую любовь. Каждый год проходит аттестация чиновников на знание государственного языка, тех, кто не справился, должны посылать на курсы. Стимулом для изучения русского языка может быть также то, что российский бизнес приходит в Казахстан, даже регистрируется здесь из-за льготного налогового режима и меньшей бюрократии для малого и среднего звена, и документы от компаний пока принимают на русском языке, однако управляющих лучше иметь из местного населения, т.к. они разбираются в менталитете клиентов [Асадова 2013].

Креативные аспекты русского языка в Казахстане. Г. Гиздатов [2012] пишет, что на постсоветском пространстве происходит «варваризация» языков, т.е. чрезмерное употребление компьютерного жаргона, гламурного дискурса, «языка пафоса», что свидетельствует о глобализации. В Казахстане место казахского и русского языков определено в деловой, научной и культурной сферах, как официально, так и фактически. В официальном дискурсе, по мнению ученого, распространен антропоцентризм, субъективный взгляд на проблемы; в казахской риторике много повторений и обращений к чувствам читателей, понятия минимизированы. «Язык перестает быть феноменом культуры и выступает лишь как средство фиксации и передачи информации», появляются новые клише, которые, повторяясь, скрывают отсутствие смысла, резонерство, признаками которого являются слабость суждений, многоречивость, претенциозно-оценочная позиция и многозначительность. В качестве образца автор цитирует книгу о языках народов Казахстана: «На платформе суверенитета в последние десятилетия прошлого века на первый план вышел вопрос функционирования языка»; «Во вновь приобретаемом государстве поддерживается такое социально значимое начинание, как языковое движение в контексте восстановления справедливости языков в правах функционирования с целью достижения многостороннего язы-

кового развития Казахстана, которое включает в себя развитие государственного языка как одного из самых ущемленных в правах функционирования языков и языков других национальностей и на их базе двуязычия, многоязычия с участием государственного языка». В художественной литературе отмечается смесь канцелярита с просторечием. В казахстанском варианте русского языка нет культурологических стереотипов, уже нет советских мифологем, он упрощенный и стандартный. В молодежном сленге популярны слова *грамотный* (в значении «толковый»), *цивильно* (хорошо, но не дома), *беспонтовый* (простой, бестолковый), *ничто* (высшая оценка), устаревшие в России; речь спокойна, внеидеологична и провинциальна. В массовой культуре Казахстана обильно представлено манипулирование: «образцы речевого мышления казахстанских молодежных и возрастных дебатеров вновь демонстрируют явление восточного резонерства и неуместный пафос. /.../ У нас речевая манера не служит не только маркером социального статуса человека, но даже профессионализма и мыслительных способностей, в отличие, например, от марки автомобиля», когда чиновники пользуются советскими административными штампами. В целом, отмечает Г. Гиздатов, казахстанский дискурс отличается от российского, но отражает постимперское наследие, влияя на мышление, познание и социальное поведение людей. Такое положение отчасти связано с оттоком квалифицированной и притоком неквалифицированной рабочей силы. Д. Шайбакова [2014] показывает, что высказывания о языке составляют гипердискурс, где русский язык ассоциируется с культурой, общей историей, добрососедством, информацией, образованием, а казахский – с памятью предков, национальной культурой, словами родной и патриотизм, а раньше чаще противопоставлялись нагыз-казахи (настоящие, знающие казахский язык) и шала-казахи (асфальтные, городские, не знающие этнического языка).

Казахский писатель и переводчик немецкого происхождения Г. Бергер [2003], когда пишет по-русски, обильно пересыпает свою речь ссылками на казахские названия, обычаи, пословицы. Учил он язык после депортации и описывает это так: «Я играю с казашатами-сверстниками и запоминаю первые казахские слова:

бар, жоқ, кел, бер, жүр, нан, айран, ет, ат... Иногда в рифму: жол — дорога, сиыр — корова, жүген — узда... /.../ Называют меня то «Гера», то «Кира», то «немыс-бала» и угощают сушеным кислым сыром и жареной на бараньем сале пшеницей. Ничего подобного на Волге не ел. Вскоре я узнаю, что молоко по-казахски — сүт, а из коровьего молока готовят «ағарған» — «белую пищу»: айран, қатық, қаймақ, бал қаймақ, ақ қаймақ кілегей, белый иримчик, красный иримчик, койыртпақ, іркіт, сарысу, тасқорық, шалап, уыз, сірне, құрт, ежігей, сықпа, сүзбе; из кобыльего молока — қымыз, из верблюжьего — шұбат, қымыран, которых тоже бывает десятки видов». Приведем несколько примеров из книги «Гармония духа»: *человек нейтральный («ара ағайын»); Казах предпочитает хотя бы один день быть бурой (верблюдом-самцом), чем тридцать дней ата-ном (кастрированным рабочим верблюдом). Абаевское кредо «ақырын жүріп, анық бас» («идя медленно, ступай уверенно») в этом случае весьма кстати.* Автор обращает внимание на меткость и поэтичность географических названий: «Көктерек» — зеленый тополь. «Терең сай» — глубокий овраг. «Қаратал» — черная ива. «Жана жол» — новый путь. «Жана талап» — новое стремление, новая цель. «Өрнек» — узоры. «Алқа ағаш» — лес-ожерелье. «Ақ су» — беловодье. «Жана су» — новый источник, причем русские названия могут быть переосмысленными казахскими: Ганюшкино — оказывается, «Қан ішкен» (место побоища, где проливалась кровь), а ущелье «Комиссар» на самом деле «Кім асар» (буквально: «Кто одолеет?»).

Анализируя различные блоги, сайты и тексты газет, мы пришли к выводу, что на стыке языков и культур происходит рождение большого количества смешанных по мысли и форме воплощения выражений, непонятных тому, кто не знаком с местными реалиями. Для человека, живущего в Казахстане, естественно писать высказывания типа (жирным выделены обсуждаемые места текста): *Я все равно найду таких, не здесь (среди читателей зона-кз), так среди других людей. Ты хоть бывал среди тибетеек, знаком с их бытом?* В первом случае подчеркивается, что пользователи живут в Казахстане, что может быть неочевидно другим читателям. Во втором — совершенно непонятно,

как относится автор к тубетейкам, плохо это или хорошо, обидно тому, кого так называют, или нет.

Иногда выражение буквально понятно, но неясен его скрытый смысл и почему оно здесь (переводы и уточнения даются в квадратных скобках): *у казахстанцев, в том числе тех, кто "сидит на левом берегу"* [те люди которые чем-то отличаются от всех остальных].

В некоторых случаях сравнение сделано человеком с иным менталитетом, так что приходится выстраивать всю ситуацию, расставляя каким-то образом отношения между упомянутыми объектами: *Поскольку возвысить степи, унизив горы* [= достичь чего-то, чего не достигал не один человек], *еще никому не удавалось. Не надо выставлять **нагызиков** попрошайками **шаликов**.*

Обычные упоминания местных реалий могут использоваться, чтобы локализовать комментарий. Нижеследующий отрывок говорит о том, что случится, если все высшее образование перевести на казахский: *будет море первоклассных **акынов** и даже лечить насморк будем ездить в Бишкек и соседние российские города.*

Некоторые авторы, недостаточно грамотно пишущие по-русски, но ратующие за сокращение русского языка, вызывают соответствующую реакцию в блогах: *«Со следующего года набор в 1-й класс делать только на казахские классы, русские классы закрыть. Через 11 лет вся страна будет говорить по казахски. Но от этого сильно страдает наука и соседские отношения. Нам нужно выбрать или язык казахов или отношения».*

Помимо того, что в блогах часто пишут комментарии на русский текст по-казахски, авторы статей и участники общения просто вставляют казахоязычные фрагменты с переводом или без перевода, в транслитерации или без нее. Например:

*В некоторых случаях именно эти особенности речевой практики у казахов, не владеющих родным языком, заставляют их чувствовать себя неполноценными, становящимися предметом стигматизации, клеймения их **шала-казахами** и наращивания символического капитала у **нагыз-казахов** [см. выше].*

Акиматы создают условия для обучения казахскому языку, а «*Нур Отан*» отвечает за общественно-политические работы по укреплению казахского языка и развитию казахских традиций и культуры [акиматы – т.е. органы местного самоуправления, «Нур Отан» (Свет Отечества) – ведущая политическая партия, которой руководит президент].

по поводу работоспособности народа. Чуть что мы и ленивые, любители легкой наживы и легкой работы, одни бастыки [‘руководители, начальники’], одним словом.

Зачем тебе аулбайский [‘люди, которые живут в аулах, в сельской местности’] народ?

бишара [‘бедные, жалкие люди’], это вы *манкурты*. У вас из казахского только *бешибармак* и *агайындар* [‘родственные люди, братья’].

есть еще отандастар [‘соотечественники’] /*оралманы*/, но притормозили “*нұрлы көш*” [‘светлая кочевка, переезд’, программа по привлечению казахов репатриантов, которые живут вне Казахстана].

Что же каждый молчал котинди кысып [поджав свой хвост]?

из танка по байтереку [‘тополь’, здание с таким названием является символом Астаны]!

Иногда непонятно, на кого или на что ссылается автор, потому что неизвестны реалии:

Очередное подтверждение а-ля Шаян [‘скорпион’]. А про *Амантай лже-кажи* [также Амантай-хаджи, каз. *Амантай қажы*, лидер движения «*Аттан*, Казахстан!», аттан = атас, крик тревоги], *наверное, и говорить не нужно, сами знаете?*

Бог вложил в душу каждого казаха частицу кюя с момента его рождения [вид национальной музыки].

Оказываются несчитываемыми такие смыслы, которые понимает только хоть в некоторой степени двуязычный человек: *международная программа «Болашақ»* [‘будущее’]; *Республиканское движение «Ұлт тағдыры»* [‘судьба народа’]; *Республиканский научно-практический центр Министерства образования и науки «Дарын»* [‘талант’]; журнал «*Аңыз адам*» [‘человек-легенда’], *Свод законов «Жеті жарғы»* [‘семь установле-

ний'].

В текстах встречаются разные принципы ввода казахоязычного материала, сопровождаемого толкованием или переводом, причем даже у одного автора: перевод дается в скобках, как *страна Великой степи (Ұлы дала елі)*, через тире, как *золотое сечение Триумфальной арки – Мәңгілік Ел*, в кавычках, как полные страдания *годы «Великого бедствия» – «Ак табан шубырынды»*, а также с народной этимологией: *Если общество теряет духовность рух (дух), то все рухнет*. При этом часто используется не собственно казахский алфавит, а упрощенный или просто русский. Примеры такого рода употребления можно множить.

Выводы. Суть креативности в ситуации двуязычия часто сводится к умению творчески использовать слова и образы одного языка в письменной и устной речи на другом языке, а также к созданию слов-гибридов, еще реже – к языковой игре на стыке культур. Тот, кто мастерски владеет обоими языками, умеет делать это тонко и со вкусом, но на примитивном уровне отдельные случаи инноваций неизбежны, хотя бы в варианте ошибок, вызывающих улыбку. Постоянное столкновение с двумя языками и двумя культурами, отчасти распределенными по сферам использования, отчасти пересекающимися, отражающими разные менталитеты, приводит к тому, что собственные билингвизм и бикультурность невольно переосмысливаются и наполняются актуальным содержанием, причем это происходит на фоне меняющейся внутренней и внешней политики, экономических и социальных обстоятельств. Люди, втянутые в этот процесс, отражают в своем дискурсе разные степени владения двумя языками, свое идеальное и реальное представление о мире, способность сдерживать жесткие мнения или дать волю эмоциям. Участие разных слоев общества в блогосфере позволяет показать широкий спектр мнений о происходящем, увидеть, как воспринимаются социолингвистические процессы разными слоями населения. Чтобы понять жизнь в Казахстане в полном объеме, нужно быть бикультурным и хотя бы отчасти двуязычным пользователем.

ЛИТЕРАТУРА

Акимбеков С. Битва за язык, и не только // Институт азиатских исследований. 16.7.2012. www.asiakz.com

Актанов Д. Казахстан – страна Великой степи // 18.9.2015, <http://petropavlovsk.biz/novosti-petropavlovsk/kazahstan-strana-velikoi-stepi.html>

Асадова Н. Lingua Franca // Эхо Москвы, 20.02.2013, www.echo.msk.ru/programs/linguafranca/1011108-echo

Белгер Г. Гармония духа. – М.: Русская книга, 2003. – 288 с.

Брилл Олкотт М. Советское наследие Казахстана // Центр Азии, 2011, №20-21 (57-58). <http://magazine.asiakz.com/rus/article/1034>

Гиздатов Г. Новое казахстанское слово // Эксперт Казахстан, 2012, 23.1. <http://expertonline.kz/a1326/>

Гончаров А., Савин И. Исследование: Настроения русских, живущих в Казахстане // Русские в Казахстане, 2015. 3.8. www.russianskz.info

Данилевский Д. Возможен ли русский сепаратизм на Востоке? // Ашык Алан, 30.4.2014, № 16 (69). – С. 16–17.

Единение в стране дружбы. Аналитическая служба газеты «Свобода Слова», 1.5.2014, <http://erkindik.kz>.

Жетписбаева Б.А., Аринова О.Т. От идеи «Триединство языков» Н.А. Назарбаева до полиязычного образования в Казахстане // Вестник КарГУ, 2012, № 4.

Исабаева С. Украинский кризис кардинально изменил межэтническую ситуацию в Казахстане – эксперты // Радиоточка, 6.5.2014. <http://radiotochka.kz/2178-.html>

Кадыржанов Д. К интеграции вовне, минуя интеграцию внутри // ADAMbol, 2.5.2014, № 17 (28). – С. 40–44.

Киманов Б. О перспективах развития казахского языка // 21.3.2012. www.zonakz.net/blogs/user/bekzhan_kimanov/21388.html

Рахметова А. От незнания русского языка до русского сепаратизма?! // Матрица, 28.1.2014. matritsa.kz

Сатаев С. Письмо в редакцию // Институт азиатских исследований. 26.9.2012. www.asiakz.com

Сейтов А. Мы до сих пор совки? // Трибуна, 7.5.2014, № 18 (18). – С. 10.

Уали М. Казахский язык – как искусство // Общественное объединение «Мир Великой Степи». 20.1.2012. <http://dalaruh.kz/articles/view/83>

Шайбакова Д. Структура и смыслы гипердискурса о национально-языковом вопросе в Казахстане // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ч. Валиханова, серия филологическая, 2014, №1-2. – С.139–144.

Altynbekova O., Zueva N. Language shifts in school education in Kazakhstan // Теоретико-прикладные аспекты социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии и СНГ: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.С. Бесбаева, С.А. Жакишевой. – В 2-х томах. – Т. 1. – Алматы: Центр оперативной печати КазАТиСО, 2014. – С. 456–465.

©Протасова Е.Ю., 2015

©Алишариева А.Н., 2015

Т.А. СНИГИРЕВА

(Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

А.В. СНИГИРЕВ

(Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-3(Акунин Б.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,44

ИГРОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ («ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА» Б. АКУНИНА)

Аннотация: В статье анализируется историческая концепция Б. Акунина, положенная в основу нового проекта автора. Показано, как Б. Акунин сознательно, ради психологически комфортной рецепции исторического повествования читателем, идет на игровую модернизацию повествования не только путем нескрываемой авторской оценки описываемого, но и «переводя» архаичный язык летописей и историографов прошлого на язык современности. Предпринят анализ специфики соотношения истории и литературы, характерной для современного варианта интерпретации зарождения и становления российской государственности. Показаны механизмы систематизации и – одновременно – «одомашнивания» истории, исследованы формы презентации писательской оценки, присутствия автора в тексте, приемы установления диалога с читателем.

Ключевые слова: Б. Акунин, историческое повествование, авторская игра, модернизация, история как наука, история как искусство.

Излишняя доверчивость исследователей, пишущих о творчестве Б. Акунина, к его декларациям собственной стратегии и тактики, без учета всегдашней игровой установки писателя (и с читателями, и с интерпретаторами в том числе), может привести (и приводит) [см., например: Бабкова 2010] к определенной искаженности восприятия и оценки его «творческого продукта». Так, после выхода первого тома «Истории Российского государства» самоироничная реплика в блоге «Любовь к истории» («Новый Карамзин явился») спровоцировала почитателей Акунина отнести к его новому проекту как к попытке продолжить

богатую российскую историографическую традицию. А утверждение «Я не выстраиваю никакой концепции. У меня ее нет» [Акунин1 2014: 3], напечатанное большими буквами жирным шрифтом на странице «От автора» заставило «Русский репортер», журнал весьма недоверчивый и критичный, «повестись», в результате быстро объявить новый акунинский проект скучным и необязательным для нашего времени.

Но концепция, имеющая свою устойчивую традицию, в «Истории российского государства» есть, и она актуализирована как современными геополитическими тенденциями, так и авторским видением истории. Писатель нового рубежа не только не противопоставляет Россию-Европу России-Азии, а показывает сложное движение истории, в котором, если избавиться от стереотипов, азиатское столь же важно в нашей государственности, как и европейское. В первом томе Б. Акунин показывает, каких социальных и культурных высот сумела достичь Русь-Европа, но финалом главы «Жизнь в древней Руси», в которой подробно показан ее безусловно европейский уровень (от грамотности до зодчества, от положения женщин до отношений с Константинополем) стало утверждение отнюдь не благостного характера: «Вот какой бы была Русь во времена, когда она целиком принадлежала к европейской цивилизационной зоне: более зажиточной, свободной и образованной, чем в следующую эпоху. Но при этом Древнюю Русь можно назвать «неудавшимся государством» – к тринадцатому столетию в силу внутренних причин оно почти распалось, а при столкновении с серьезной внешней силой рухнуло окончательно» [Акунин1 2014: 383].

Основной вопрос, на который писатель пытается ответить: Россия-Азия – откат назад? И отвечает уже в первом томе во фрагменте «Вместо Заключения»: «Из-за двойственной европеизации-азиатской конструкции Россию на протяжении ее истории много раз швыряло из одной крайности в другую. Страна то начинала запыленно “европеизироваться”, то шарахалась назад в “Азию”. Периоды либерализации сменялись “закручиванием гаек”, “заморозки” – “оттепелями”, реформы – контрреформами. Однако было бы заблуждением рассматривать “азиатскую” составляющую как трудноизлечимую болезнь или родовую травму

России. В исторической перспективе эта наша генетическая особенность не только создавала проблемы, но дарила бонусы.

Во-первых, без “азиатского” компонента Россия не была бы такой культурно и духовно могущественной страной, какой она сегодня является.

Во-вторых, примат “государственности” и “общинное” устройство массового сознания не раз помогали России пережить тягчайшие потрясения, которых не выдержало бы сугубо европейское государство (они и не выдерживали) <...>. Где бы мы были без “своей азиатской рожи”, без этой восточной неубиваемости?

Да и были бы?» [Акунин1 2014: 387].

Автор не устает повторять: «Современная Россия – плод брачного союза между Западом и Востоком, заключенного отнюдь не по любви, это уже потом как-то стерпелось-слюбились. Впрочем, в истории по любви, кажется, и не бывает» [Акунин1 2014: 345]. Еще определеннее в томе «Часть Азии»: «на мой взгляд, правильнее было бы считать потрясения ордынского периода родовыми схватками государства, в котором мы с вами живем. Да, роды были мучительны, но без них не возникло бы России» [Акунин2 2014: 5].

Есть и система целей, обуславливающая причины, по которым успешный автор исторических детективов решился на иную форму диалога с историей. Прежде всего, это ряд причин «внутреннего порядка», созвучных кругу интересов автора: любовь к истории, постоянный интерес к потаенным ее нитям, малоизвестным фактам и героям, рожденное небанальными знаниями стремление к созданию индивидуально-авторской версии ее. Это – во-первых. Во-вторых, попытка уяснить, в первую очередь для себя, почему Россия стала такой, каковой она есть ныне. Уяснив, систематизировав, рассказать своим современникам: «Я пишу для людей, плохо знающих историю и желающих в ней разобраться. Я и сам такой же» [Акунин1 2014: 3]. Это уже причины «внешнего порядка», бывшие побудительными для многих серьезных историков и писателей.

Для понимания авторской стратегии в новом проекте важно и то, что Б. Акунин на протяжении всего повествования не только

постоянно отсылает к своим предшественникам, но решительно отвергает традиции «письма по заказу»: «В периоды, когда верховная власть по идеологическим соображениям начинала испытывать государственный интерес к исторической науке, ученые немедленно начинали искать не истину, а расположение начальства» [Акунин1 2014: 41]. Современный писатель встает на путь культуртрегерства в форме популяризации: как всегда новая эпоха и новый поворот движения страны требует новую историческую оптику. В этом смысле Б. Акунин опередил государственный заказ на единый учебник истории и создает в XXI веке, возможно, первый «авторский учебник истории», альтернативный государственному проекту, предлагая историю русского государства с точки зрения новой рубежной эпохи.

Акунин пишет историю «не страны, а именно государства», что даст возможность, по мнению писателя, ответить на главный для него вопрос: «как и почему Россия получилась именно такой»? [Акунин1 2014: 3]. Вопрос, изначально допускающий параллели с современностью, что характерно скорее романному, нежели историческому письму. И Акунин позволяет постоянные то тайные, то открытые выходы к нашим дням. Порой «в скобках» в прямом и переносном смысле: «(Не могу здесь удержаться от комментария, к которому еще вернусь в финальной главе: одним из самых негативных последствий ордынского периода нашей истории, на мой взгляд, является неразвитость понятия о чувстве личного достоинства. Унижаясь сами перед ханами, московские правители считали тем более нормальным унижать своих приближенных, а те, в свою очередь, поступали таким же образом с нижестоящими)» [Акунин2 2014: 184]; «Великий князь наделял дворян поместьями <...>, а кроме того *сажал на кормление* – позволял кормиться за счет занимаемой должности. (Взгляд на рабочее место как на источник дохода у российских государственных служащих окажется очень прочным, переживет смену всех формаций и, в общем, сохранится вплоть до нынешнего дня)» [Акунин2 2014: 373].

После выхода и первого, и второго томов, «Часть Европы» и «Часть Азии», Б. Акунин в блоге «Любовь к истории» неоднократно обращается к членам Благородного собрания, то есть по-

стоянным пользователям, с целым комплексом вопросов: не слишком ли затруднен / облегчен язык исторического повествования, насколько читабелен текст, замечены ли ошибки, как работает визуально-иллюстративный ряд и т. д. Автора явно интересует характер восприятия и оценки его нового проекта и, надо сказать, «Ордынский период» свидетельствует о том, что писатель слышит своего читателя и делает свою историю все более беллетризованной, то есть доступной для все большей аудитории. Главная забота Б. Акунина – сделать чтение одновременно и максимально познавательным, и максимально увлекательным. Так возникает двойной дискурс повествования: собственно исторический, основанный на общеизвестных фактах, и беллетристический, в рамках которого представлены субъективная интерпретация фактов и их оценка, что с безусловностью ведет к нехарактерной для исторической науки, но присущей исторической прозе интенсификации присутствия авторского «я» в тексте. Думается, именно поэтому, а не только безусловностью бренда «Б. Акунин», объясняется тот факт, что Г. Ш. Чхартишвили и в повествовании о становлении российской государственности вновь решил остаться под псевдонимом, оставляя тем самым себе определенный простор для литературных маневров.

Формы присутствия авторского «я» в предложенной Б. Акуниным новой систематике истории Российского государства весьма разнообразны, что, видимо, было обусловлено необходимостью «найти слой», обрести верную тональность повествования, соотносимую как с предметом изложения, так и с естественно-узнаваемой авторской манерой, его индивидуальным голосом. Поэтому и в нацеленном на передачу исторической канвы тексте Б. Акунин не отказывается от иронической игры, столь свойственной всему его творчеству. В данном случае писатель ведет своеобразную «игру на понижение», постоянно избегая самой возможности пафоса при описании даже трагических страниц русской истории. Предупреждая критику и упреки, ссылается на М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Разумеется, у воинственно-патриотичной части читательской аудитории уподобление России “городу Глупову” вызвало негодование, автора обвиняли в глумлении над русским народом и русской историей.

Но способность к самоиронии – одна из спасительных черт нашей культуры; без этих освежающих инъекций мы все давным-давно задохнулись бы от казенной патетики и сиропной сладости, всегда свойственных официальным трактовкам истории» [Акунин1 2014: 89]. Предупреждения, конечно, не помогли, и уже после выхода первого тома на Акунина обрушились традиционные упреки в его плохо скрываемой нелюбви к «титульной нации», что связано не только с допускаемой иронией, но и с решительной ломкой стереотипов, вновь в сторону снижения оценки того или иного политического деятеля или трактовки того или иного исторического факта [см., например: Макаркин 2008: 5; Шаманский 2002: 7]. Так, автор идет на весьма рискованную трактовку сюжета, связанного с походом 1185 года Игоря Святославовича: «Князья попали в плен, где их содержали с почетом и не слишком строго. Игорь сбежал, а его юный сын Владимир остался в плену и женился на дочери хана Кончака, так что, в общем, все закончилось по-доброму. Это и неудивительно. Князь Игорь был по матери наполовину половцем, внуком хана Аепы, а с Кончаком в прежние времена им доводилось вместе биться против общих врагов. Вся эта война вообще выглядит семейной или, во всяком случае, родственной ссорой» [Акунин1 2014: 233].

Б. Акунин относится к княжеской семье как-то «породственному, по-семейному», что своеобразно не только субъективизирует, но и интимизирует повествование: «Про великого князя Изяслава, занявшего киевский “стол” в 1054 году после смерти Ярослава Мудрого, хроника сообщает, что он был красив собой, толст (что тогда тоже считалось красивым), нравом незлобив, кривду ненавидел, правду любил; хитрости и лъстивости не ведал, был немстителен и “прост умом”. Последнее, увы, верно. Среди наследников Ярослава Мудрого очень умных вообще не оказалось» [Акунин1 2014: 238]. Известные герои истории предстают под пером Б. Акунина как люди весьма близкого «своего круга», со своими достоинствами и недостатками.

При некотором стремлении к внешней объективности Б. Акунин не скупится на прямые одобрительные или едкие оценки ставших «своими» героев. Он явно благосклонен к аван-

тюристам истории и также явно недолюбливает Владимира Красно Солнышко или Юрия Долгорукого. Сравните: «Характерной особенностью позднекиевского периода является то, что о “князьях-изгоях” рассказывать интереснее, чем о великих князьях. Каждый из князей-изгоев, этих неугомонных властолюбцев, обделенных Фортуной, – яркая личность и незаурядная судьба. Они не приспособивались к ситуации, а стремились ее изменить и тем самым, к добру или худу (обычно к худу), приводили в движение историю» [Акунин1 2014: 242]; «Имя Юрия Долгорукого прославлено в истории и известно всякому современному россиянину благодаря событию, которого, собственно, не было. Этот маловыдающийся князь считается основателем Москвы, в самом центре которой возвышается величественная конная статуя, протягивающая длань по направлению к мэрии» [Акунин1 2014: 298].

Б. Акунин открыто идет на игровую модернизацию повествования не только путем нескрываемой авторской оценки описываемого, но и «переводя» архаичный, порой выпененный язык летописей на современный псевдо деловой стиль или сленг, тем самым намерено создавая комическую ситуацию, актуализируя параллели между днем давно ушедшим и сегодняшним, в котором можно увидеть те же самые социальные процессы и индивидуальные приемы поведения в определенных обстоятельствах: «Имелся и активный агент, который мог исполнить роль крови, циркулирующей по инфраструктуре удобного речного сообщения. Таким подвижным элементом были наемные вражеские дружины, не привязанные к определенному месту проживания и всегда готовые тронуться в путь. Не хватало лишь энергетического толчка, с которого начинается история любого государства» [Акунин1 2014: 72]; «Пограбив окрестности столицы, Олег устроил невиданное действо: приказал вытащить ладьи на берег, поставить их на колеса и, дождавшись сильного ветра, поднял паруса. Чудо-корабли покатались вдоль запертого Золотого Рога. Устрашенные этим виндсерфингом, греки запросили мира» [Акунин1 2014: 110]. Употребляя современную политическую лексику, Акунин может провести и прямую параллель: «Если воспользоваться аналогией с современными государст-

венными формами, Новгород был не конституционной монархией, где государь несменяем, хоть и лишен реальной власти, а парламентской республикой, в которой сплошь и рядом случались президентские импичменты» [Акунин1 2014: 337]. А знаменитый гобелен из Байё, где выткана хроника завоевания Англии норманнами, может хлестко, но узнаваемо назвать «средневековым комиксом».

По ходу разворачивания текста Акунин все увереннее устанавливает диалог со своим читателем. Во-первых, не скрывает собственные эмоционально-психологические состояния, характерные для описания того или иного периода истории страны: «Писать и читать о событиях XIII–XV веков – занятие поначалу весьма депрессивное. Однако настроение меняется. Процесс зарубцевания ран, возрождения волнует и завораживает. В нем есть что-то от русской сказок: Русь окропили мертвой водой, затем живой – и она воскресла, да стала сильнее прежнего» [Акунин2 2014: 4]; «Начиная с княжения Ивана Даниловича, рассказывать о событиях отечественной истории становится удобнее. Власть все более централизуется, а при монархическом правлении это означает, что она делается *олицетворенной*, то есть приобретает черты, соответствующие личным качествам государя» [Акунин2 2014: 260]; «Рассказывать о том, что последовало за триумфом 1380 года, очень обидно» [Акунин2 2014: 296]. Есть и моменты, особенно к концу первого тома, свидетельствующие о некой «усталости пера»: автор не скрывает, что ему несколько скучно писать об однообразии поведения и ошибок, ведущих к распаду государственности (см., например, главу «Невеликие великие князья»).

Во-вторых, писатель идет на прием «обнажения приема», например, объясняет логику выбранной им нетрадиционной композиции второго тома: «Для того чтобы понимать ход русской истории этого периода, я намерен вести повествование «от головы»: сначала буду вкратце рассказывать о том, что происходило в метрополии – при дворе великих ханов; затем, несколько детальнее, о событиях в “вице-королевстве” – Золотой Орде; и лишь после этого, уже подробно, о том, как «большая» и «средняя» монгольская политика отражалась на жизни интересующей

нас провинции великого азиатского царства – Руси» [Акунин2 2014: 141–142]; «Чтобы понимать перипетии ордынской борьбы за власть и значение этих потрясений для русской жизни, нам придется разобраться в запутанных взаимоотношениях четырех военных вождей, которые сыграли важную роль в отечественной истории: Тимура, Мамайя, Тохтамышша и Едигея» [Акунин2 2014: 253]. Или, усиливая доверительность тона, прямо объясняет нетрадиционные оценки традиционных героев или злодеев русской истории. Безусловно, Чингисхан для него вне этической системы координат, однако писатель предлагает целый веер описаний завоевателя, которые сопровождаются следующими оговорками и утверждениями: «Не знаю, следует ли этим гордиться, но Чингисхана можно считать нашим соотечественником. Он родился на территории современной Российской Федерации, в восьми километрах к северу от монгольской границы» [Акунин2 2014: 38]; «... одно из главных дарований Темучина: он очень хорошо разбирался в людях и умел привязывать к себе самых лучших» [Акунин2 2014: 39]; «Захватив в плен множество татар, народа ему враждебного и слишком многолюдного, Темучин велел всех мужчин истребить, а мальчиков провести мимо телеги: кто выше колеса – убить, остальных же отдать на воспитание в монгольские семьи. Очень рационально и ничего личного» [Акунин2 2014: 43]; «Небольшой народ стал могучей силой благодаря тому, что превратился в нацию, а произошло это вследствие, выражаясь по-современному, революционной национальной политики Чингисхана» [Акунин2 2014: 47]; «Пожалуй, можно считать Чингисхана “автором концепции” спецслужбы как опоры и кадрового резерва верховной власти» [Акунин2 2014: 48]; «Вероятно, это был первый завоеватель, сознательно и расчетливо использовавший методику психологической войны» [Акунин2 2014: 61] и т.д.

В-третьих, установлению доверительных отношений с читателем способствует своеобразная местоименная игра, свойственная этому произведению писателя. В «Истории Российского государства «я = я», «мы = я», но весьма частотно и другая формула: «мы = ты (читатель): «Магистральная тема описываемого периода отечественной истории – драма страны, которая, завое-

ванная цивилизационно чуждым врагом, оказалась вынуждена модифицировать и свой собственный код – иначе она бы не выжила. Мы последовательно и подробно рассмотрим, как мучительно приспособлялась Русь к непривычным условиям существования <...>. “Азиатский сюжет” является главным; он настолько извилист и запутан, что, двинувшись по этому фарватеру, мы уже не будем от него отклоняться. Однако, как мы увидим, в развитие событий время от времени будет вторгаться и “европейский фактор” – почти всегда второстепенный, но тоже очень важный, в особенности для западных областей Руси. Я намерен посвятить этому предмету одну обзорную главу, которое даст общее представление об отношениях Руси с западными соседями в XIII–XV веках; полагаю, что этого будет достаточно [Акунин2 2014: 109]; «Самое время вернуться к роли личности в истории. На примере Мстислава Удатного мы видели, как действия одного человека могут привести целую страну к катастрофе. Чингисхан же привел свой народ, малочисленный и нищий, к неслыханному величию» [Акунин2 2014: 36]. Желание установить общность автора и читателя в усилении познать собственную историю являет себя в таких репликах, как «об этом мы еще поговорим», «...о которых мы поговорим в следующих главах...», «мы уже говорили о том...». Более того (особенно во втором томе) Акунин идет и на прямые обращения к читателю: «Так что давайте помнить русского литовца Довмонта Псковского» [Акунин2 2014: 129]; «Для нас с вами в переменах, случившихся в эту эпоху при дворе великих ханов, важнее всего то, что, начиная с Хубилая, они отказываются от идеи завоевания Европы» [Акунин2 2014: 157].

Акунин, и это принципиально важно, ни в коем случае не настаивает на том, что приводимый им факт не есть вымысел, что предложенная им интерпретация – истина в последней инстанции. Характерна постоянная оговорка автора: «Попытаемся реконструировать то, что происходило – или скорее всего происходило – на самом деле» [Акунин1 2014: 139].

Автор нового варианта отечественной истории делает все для того, чтобы чтение его труда было психологически комфортным. Не случайно сам называет свой текст «старопрежним» об-

разом: «... и это непосредственным образом касается темы моего сочинения...» [Акунин2 2014: 178]. Заглавная тема моего сочинения не предполагает подробного описания общественной жизни Руси, но все же...» [Акунин2 2014: 369].

Итак, историк и писатель Б. Акунин предлагает нам «сочинение на заданную тему», в котором стереотипная историческая канва подвергается игровой модернизации. Богатое визуальное сопровождение издания, в котором доминантным является взаимодействие исторического и художественного дискурсов, подтверждает существование в «Истории Российского государства» двух авторских стратегий, стратегий историка и литератора.

ЛИТЕРАТУРА

Акунин Б.1 Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. – М., 2014.

Акунин Б.2 Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. – М., 2014.

Бабкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – Улан-Уде, 2010. – <http://www.dissercat.com/content/funksii-postmodernistskogo-diskursa-v-detektivnykh-romanakh-borisa-akunina-o-fandorine-i-pe>

Макаркин А. В. Россия, которую мы не теряли. Борис Акунин создает эпос нового типа // Сегодня. 2008. № 7.

Шаманский Д.В. Plusquamperfect // Мир русского слова. № 1, 2002.

©Снигирева Т.А., 2015

©Снигирев А.В., 2015

М.Н. СЫЧЕВА

*(Екатеринбургское суворовское военное училище,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 37.016:81'23

ББК Ш12/8-9-006

ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ С ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ: МЕСТО И РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация: В статье рассматривается определение интерференции с точки зрения лингвистики, психолингвистики, методики преподавания иностранных языков и личного опыта преподавания. Упоминается наиболее популярное определение интерференции в лингвистических работах последнего десятилетия. Приводятся отличительные черты интеркаляции и трансференции, их отличия от интерференции. Обозначаются два методических приема исследования интерференции – контрастивный анализ двух контактирующих языков и анализ ошибок, характерные особенности частовстречаемых типов интерференции – грамматической, лексической и фонетической интерференции, ключевые факторы возникновения интерференции, источники интерференции, ее роль в изучении иностранных языков. Описывается интерферирующее влияние Я1 на Я2. Приводятся результаты анализа эффективности современных учебных пособий по иностранным языкам в преодолении негативного интерферирующего влияния родного языка.

Ключевые слова: интерференция, лингвистика, психолингвистика

Образование в суворовском венном училище ориентировано на потребности государства и личности в сотрудничестве с представителями современного информационного мирового сообщества. Основным языком коммуникации членов разных языковых групп является английский язык, который суворовцы изучают с 5-го класса и до окончания училища. Также суворовцы могут изучать немецкий, французский и китайский языки.

Одним из факторов, подрывающим уверенность суворовцев в употреблении иностранных языков в процессе коммуникации, является отрицательное влияние родного языка, интерференция.

Отсутствие единого толкования термина «интерференция» в лингвистике вызвано, с одной стороны, разнообразием ситуаций

проявления языковых контактов, сложностью разграничения психологического и лингвистического аспектов в речи, а с другой, недостаточной экспериментальной изученностью данной проблемы и необходимостью комплексного её решения. Однако, в диссертационных работах последнего десятилетия (В.В. Алимов, Г.М. Вишневецкая, В.Д. Шевченко, М.А. Смирнова) не дается принципиально нового определения интерференции, и все чаще сводится к определению, которое ввел У. Вайнрайх в середине прошлого столетия, и развивалось в работах его последователей. У. Вайнрайх определяет интерференцию как отклонение от языковых норм, которые возникают в речи билингва в результате того, что они владеют иностранными языками [Вайнрайх 1979: 78-93].

Е.М. Верещагин в работе «Проблемы интерференции и языкового дефицита» дается полное описание и характеристику языковых влияний, имеющих конечный результат в языке, и в речи: «Результат языкового контактирования может проявляться двояко: либо в речи билингва на любом из двух языков, которым он пользуется (речевая мутация), либо в силу влияния определенных причин в языковой системе (языковая диффузия). Такое разграничение очень важно: оно позволяет правильно осветить кардинальные проблемы языкового взаимодействия в системе отношений «речь – язык» и «синхрония – диахрония». В первом случае речь идет о чисто синхронном взаимодействии, не затрагивающим систему, во втором – о языковом изменении, связанном с проникновением иноязычных элементов в языковую систему, которое может в конечном итоге привести к ее перестройке» [Верещагин 1968: 110]. Следовательно, Е.М. Верещагин предлагает различать при речевой мутации интерференцию и интеркаляцию языковой диффузии соответственно – трансференцию и транскаляцию. Нас интересуют интерференция и трансференция, так как разграничение данных понятий является решающим при исследовании отрицательного влияния родного языка: «Проблема интерференции связана с изучением результата взаимодействия языков, обнаруживаемого в устной или письменной речи билингва на Я2 и оцениваемого по отношению к норме Я2». «Проблема трансференции включает во-

просы, связанные с результатом влияния Я1, которое обнаруживается уже не в речи билингва, а в языковой системе Я2. Это проблема главным образом дивергентного одного языка под воздействием другого» [Верещагин 1968: 103].

С позиций психолингвистики, основным фактором, влияющим на возникновение интерференции, является отрицательный перенос, происходящий, когда навыки и умения обучающихся по своей устойчивости неодинаковы. Более устойчивый навык или умение актуализируются и тогда, когда подобное действие должно проводиться на основе другого навыка или умения [Баранникова 1972: 34]. Безусловно, навыки и умения речи на русском языке оказываются более прочными, чем навыки и умения речи на изученном языке, ведь последние выработались позже, активной речевой практики у обучающихся меньше, создаваемые речевые ситуации носят искусственный гипотетический характер.

Фонетическая и грамматическая интерференция проявляет тенденцию к уменьшению с увеличением времени тренировки [Алишова 2012: 218-220]; лексическая интерференция, связанная с использованием иноязычных лексических единиц, наоборот, имеет тенденцию к возрастанию. Можно выдвинуть гипотезу, что данная закономерность связана с фактором открытости вербальной системы языка, организованную не так жестко по сравнению с единицами и правилами фонетического и грамматического уровней.

В настоящее время имеется большой опыт исследования интерференции. Явление интерференции изучается с опорой на два методических приема: контрастивный анализ двух контактирующих языков и анализ ошибок. Содержание данных методов заключается в том, что вначале проводят сравнительно типологическое исследование двух контактирующих языков с целью определения поля потенциальной интерференции, а затем путем эксперимента выявляют фактические случаи интерференции. Такая комбинация двух методов получила широкое признание среди лингвистов, так как она дает важный материал для обучения второму языку.

Первый имеет своей целью предсказание тех моментов, где можно ожидать затруднений, либо, напротив, облегчения в процессе обучения иностранному языку. Основой для него служит сравнительное описание языка учащегося и языка, который он пытается освоить. Анализ ошибок рассматривает проблемы постфактум и обращается к сравнению языков в поисках причин. Исследования в данной области, помимо чисто научного интереса, имеют целью дать преподавателю основу для адекватных и эффективных методов обучения

Отрицательное влияние родного языка может быть минимизировано путем сопоставления и контрастивного анализа Я1 и того языка, которым необходимо овладеть.

Исследования интерференции с позиций психолингвистики, кроме научного интереса, имеют целью дать преподавателю базу для адекватных и эффективных методов обучения.

Структурные различия и сходства между родным языком обучающегося и изучаемым языком слишком очевидно сказываются на изучении и употреблении обучающимися иностранного языка, что было доказано эмпирически.

Важность изучения интерферирующего влияния Я1 на Я2 определяется тем, что число ошибок, возникающих на Я2 под влиянием Я1 может достигать 70% всех ошибок. Наряду со структурными различиями, которые относятся к чисто лингвистическому аспекту, выше было упомянуто еще и о других источниках интерференции, в частности об отрицательном переносе навыков (психологический аспект). Существует еще одна гипотеза, конкурирующая с гипотезой отрицательного переноса. Это - гипотеза незнания. Взрослый человек может захотеть сказать то, что он еще не умеет говорить (на Я2), и он использует для этого все средства, имеющиеся в его распоряжении. Такое объяснение происхождения интерференции представляется вполне правомерным. Следовательно, незнание это не альтернатива интерференции, а в лучшем случае ее предварительное условие: если формальные средства для передачи некоторой функции в Я1 и Я2 тождественны, обучающийся попросту успешно перенесет единицу Я1 в Я2. И лишь в том случае, когда средства различны, а обучающийся тем не менее осуществляет

перенос единицы Я1, возникает интерференция и вместе с ней ошибка.

Таким образом, при рассмотрении явлений интерференции с точки зрения методики первоочередной задачей является устранение источника интерференции. Для лингвистики важно установить, почему появляются определенные ошибки у обучающихся, а для методики – определить пути их эффективного устранения. Как видим, задача эта двойная. Во-первых, необходимо решить, вызвана ли интерференция контрастивным фактором, либо внутренним динамическим фактором, иначе говоря, определяется ли интерференция влиянием базового языка или влиянием ранее приобретенных навыков изучаемого языка. Во-вторых, если речь идет о базовом языке, то следует выяснить, какой структурный аспект его участвует в интерференции. Очевидно, что существует неразрывная связь между методикой и лингвистикой, так как невозможно было бы решить так как невозможно было бы решить методические проблемы, не прибегнув к помощи лингвистики.

Верещагин пишет, что «в программах и учебных пособиях по иностранным языкам перед преподавателями ставится задача противодействовать интерферирующему влиянию родного языка учащегося на их речь на изучаемом языке» [Верещагин 1968: 110].

Считается, что гораздо эффективней учебники, учитывающие особенности родного языка, например, если при отработке английского порядка слов обращается внимание на особенности порядка слов в русском языке, а также на общие проблемы языков, относящихся к типу «субъект–объект–глагол».

ЛИТЕРАТУРА

Алишова Р.К. Грамматическая интерференция в английском и кыргызском языках // Вестник БГУ им. К. Карасева. – 2012. – №1(21). – С. 218-220.

Ахметзянова Ф.С. Интерференция родного и русского языков при контакте с немецким в условиях национально-русского двуязычия: Дисс. ... канд. филол. наук. – Тольск, 2005.

Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной ком-

муникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации). Дисс...докт. филол. наук. – М., 2004.

Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее появления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.

Верецагин Е.М. Понятие «интерференция» в лингвистической и психолингвистической литературе «Иностр. языки в высш. Школе», вып. IV, 1968. – С. 103-110.

Вайнрайх У. Языковые контакты, Киев: издательство «Вища школа», 1979. – 263 с.

Вишневская, Г.М. Интерференция и акцент: Дис...докт. филол. наук. – СПб., 1993.

Смирнова М.А. Романо-германская интерференция в тимаушском языке: Дисс.канд. филол. наук. – М., 2011.

Шевченко В.Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике: Дисс. докт. филол. наук. – СПб., 2011.

Щерба Л.В. О понятии смешений языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. – Л., 1958. – С. 40-53.

©Сычева М.Н., 2015

Т.В. УСТИНОВА

*(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)*

УДК 81'42:81'37
ББК Ш105.51+Ш105.31

АССОЦИАТИВНАЯ КООРДИНАЦИЯ И КОНТРАСТ В КОНСТРУИРОВАНИИ НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ КРЕАТЕМ ПОЭТА

Аннотация: В статье анализируются особенности взаимодействия концептуальной и лингвистической систем человеческого сознания в процессе семантизации читателем креативного поэта. Привлекая методологические аппараты теории лексических концептов и когнитивных моделей и ассоциативной теории лингвокреативности, автор выдвигает идею необходимости научного анализа семантической композиции с учетом особенностей ассоциативных трансформаций, модифицирующих качество и набор когнитивных моделей, доступ к которым обеспечивается лексическим концептом.

Ключевые слова: лингвокреативность, концептуализация, ассоциативные преобразования, семантический потенциал, стихотворная речь.

В ассоциативной теории лингвокреативности, разрабатываемой Уральской научной школой «Лингвистика креатива» [Лингвистика креатива 2012, 2013, 2014], принципы «ассоциативной координации» и «ассоциативного контраста» определяются как «основополагающие конструктивные принципы языковой игры, моделирующие игровой парадокс восприятия слова» [Гридина 1996: 16]. Ассоциативная теория лингвокреативности рассматривает языковую игру как форму лингвокреативного мышления [Гридина 1996], уделяя особое внимание проблеме неконвенционального значения в ее психолингвистическом аспекте. Как отмечает Т.А. Гридина, «динамика вербального мышления проявляется в том, что слово выступает как подвижный ассоциативный континуум, обладая разной степенью информативности у членов языкового коллектива и каждого отдельного индивидуума на разных этапах его развития как языковой личности»

[Гридина 1996: 16].

Идея о сложнейших взаимосвязях концептуальной и лингвистической систем человеческого сознания получает в современной лингвистике целый диапазон исследовательских обоснований. Большинство отечественных лингвокогнитивных теорий исходит из постулата, что лишь часть концептуальной информации получает языковую объективацию. Н.Н. Болдырев отмечает следующее: «В когнитивной науке известны различные типы структур представления знаний <...>. Активизация этих структур может осуществляться как под воздействием стимулов внешнего мира, так и под влиянием тех или иных мыслительных стимулов, т.е. посредством концептуального знания. В качестве мыслительных стимулов часто выступают языковые единицы, поскольку именно язык является основным носителем концептуального знания» [Болдырев 1999: 15]. В зарубежной когнитивной лингвистике активно разрабатывается идея о том, что человеческий язык обеспечивает каркас, способствующий композиции концептов для целей коммуникации [Evans 2015: 265]: «Язык производит добавленную стоимость. Он позволяет контролировать и манипулировать концептуальной системой» [Evans 2015: 265].

По нашему мнению, особый интерес представляет исследование сложных взаимосвязей языкового и концептуального содержания в процессе рецепции поэтического текста. Поэтический дискурс обладает рядом качеств, определяющих специфическую сложность лингвокреативной деятельности читателя стихотворения: качествами лингвоцентризма, фасцинативности, неканоничности коммуникативной ситуации, содержательности поэтической формы, динамизации речевого материала и др. Конструируя значение поэтического высказывания, читатель неизбежно принимает во внимание его нетривиальную языковую форму и определяемые такой формой возможности трансформаций в концептуальном содержании.

Чтение поэзии – это приобретение нового концептуального опыта через новый языковой опыт (посредством аппроксимации и симуляции). В терминах когнитивной лингвистики, великая миссия поэзии – языковая стимуляция расширения индивиду-

альной когнитивной базы человека. В случае конструирования значения авторских креативом сложность взаимодействий между лексической и концептуальной систем значительно увеличивается.

Как именно происходит взаимодействие между языковым и концептуальным содержанием в процессе речепроизводства и речевосприятия? Один из вариантов научного описания когнитивного процесса конструирования значения в реальных дискурсивных условиях – теория лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) В. Эванса [Evans 2010], [Эванс 2015]. По В. Эвансу, лексические концепты обеспечивают доступ к различным областям концептуальной системы: «Облегчая доступ к многочисленным областям ассоциации в концептуальной системе, лексический концепт открытых классов слов обеспечивает легкость доступа к многочисленным когнитивным моделям» [Эванс 2015: 360-361]. Когнитивные модели, кодирующие определенное концептуальное содержание [Evans 2010: 614], состоят из структурированной области знаний, включающей набор собственных атрибутов [Эванс 2015: 368]. Семантическая композиция как смыслообразовательная операция, связывающая лексический и концептуальный уровни, базируется на механизмах (1) селекции лексического концепта (lexical concept selection) и (2) слияния (fusion), включающего стадии интеграции и интерпретации, которые обеспечивают активацию и развертывание концептуального содержания [Evans 2010: 616-622].

Теория ЛККМ описывает производство значения в канонической коммуникативной ситуации, предметом исследования В. Эванса не являются творчески преобразованные языковые формы. На наш взгляд, теория ЛККМ не дает четкого ответа на вопрос о том, как именно происходит производство нового концептуального содержания (нового знания) в случае неконвенциональной языковой формы высказывания и отсутствия в когнитивной базе рецептора когнитивной модели (или определенных ее атрибутов), доступ к которой обеспечивает лексический концепт. Для понимания специфики неконвенционального смыслообразования описание процесса семантической композиции, фаз интеграции и интерпретации как элементов процесса

конструирования значения, необходимо дополнить анализом процессов ассоциативной трансформации, детально разработанных в ассоциативной теории лингвокреативности. Если рассматривать фазу смыслообразовательной интерпретации как активацию части семантического потенциала лексического концепта [Evans 2010: 616-622], то в случае семантизации нестандартно преобразованной поэтом языковой формы процесс интерпретации включает также ассоциативную трансформацию – преобразование активируемых когнитивных моделей. По нашему мнению, именно частные конструктивные принципы ассоциативной координации и контраста – механизмы «ассоциативной интеграции, наложения, отождествления, имитации, выводимости, провокации» [Гридина 1996: 16-32] – обеспечивают преобразования взаимосвязей между лексическим и концептуальным содержанием, обеспечивающие производство нового знания в процессе чтения стихотворения.

Рассмотрим реализацию принципов ассоциативной координации и контраста на примере конструирования значения поэтического высказывания Аркадия Драгомощенко: *слепителен обод снега в обиходе вдоха, / листвы, корней, кориандра* [Драгомощенко 2005: 54]. Данное предложение отличается конвергенцией нескольких разновидностей креатива – окказионального словообразования, синкретсемии, неузуальной лексико-семантической сочетаемости и семантико-синтаксического алогизма. Нетривиальная языковая форма высказывания и специфически организованный поэтический контекст выступают в качестве стимулов преобразования воспринимающей стороной взаимосвязей языкового и концептуального содержания. Так, авторский окказионализм *слепителен*, интерпретируемый рецептором средствами словообразовательно-мотивационного перифраза («-слеп-» как корень в «слепой» и «ослепительный», «с-» как приставка и «-леп-» как корень в «слепить» и «лепота»), представляет собой ассоциативную интеграцию двух лексических концептов [ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ] и [ЛЕПИТЬ]. Соответственно, эти концепты обеспечивают доступ к двум когнитивным моделям – ВИЗУАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО и КОНСИСТЕНЦИЯ ВЕЩЕСТВА. Контекстные условия (*слепителен обод снега*) не

снимают полисемию имплицитного прилагательного «ослепительный», одновременно актуализируя прямое значение («слепящий глаза сверканьем» - *здесь и далее определения приводятся по* [База данных интерактивных лингвистических словарей]) и переносные значения данной единицы («необычайно чистый, свежий» и «великолепный»). Более того, словообразовательный формант -леп- в авторском окказионализме может интерпретироваться как имеющий значение «красота, гармония» по аналогии со значением корня -леп- в словах «лепота», «великолепный». Таким образом, в сознании рецептора активируется еще одна когнитивная модель ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ. В итоге авторский окказионализм «слепителен» характеризуется чрезвычайно высокой смысловой емкостью. Преобразованная автором языковая форма синкретично представляет широчайший диапазон качеств снега – слепающий глаза, сверкающий на солнце, ярко-белый, чистый, красивый, мягкий, вязкий и т.д. Основными механизмами ассоциативной трансформации взаимосвязей лексического и концептуального содержания в процессе дискурсивной интерпретации окказионализма *слепителен* являются:

- 1) ассоциативная интеграция: обеспечение доступа к нескольким когнитивным моделям знаний за счет нестандартной языковой формы, взаимосвязанной с двумя лексическими концептами;
- 2) ассоциативная выводимость: установление сложных мотивационных связей, проясняющих внутреннюю форму окказионализма;
- 3) ассоциативное наложение: актуализация интерпретационной неоднозначности речезыковой единицы в высказывании.

Все эти механизмы ассоциативного преобразования формируют семантический потенциал новообразования *слепителен*, т.е. тот набор когнитивных моделей, доступ к которым это новое слово потенциально способно обеспечить.

Интересен механизм ассоциативной трансформации в конструировании значения фразы *обод снега*. Фаза интерпретации данного словосочетания включает (1) активацию двух когни-

тивных моделей ОБРУЧ и ОКРАИНА, ассоциированных с концептом [ОБОД], (2) установление взаимосвязей данных моделей с моделью АТМОСФЕРНЫЕ ОСАДКИ, заданных концептом [СНЕГ], (3) ассоциативное наложение атрибутов СКРЕПЛЕНИЕ, ИЗГИБ, ОПУШКА, ОГРАЖДЕНИЕ и их перенос на атрибуты КРИСТАЛЛЫ, МАССА, СЛОЙ. Таким образом, возникает сложный сверхкомпозиционный смысл словосочетания *обод снега*: «сплошная масса снега, огораживающая пространство», «плотный, широкий слой снега, формованный, округлой формы» и т.п. Более того, в индивидуальном тезаурусе читателя может храниться и диалектное значение существительного «обод» (пск. твер. «зачарованное место, околдованное место»), что внесет еще большее разнообразие в интерпретацию данной фразы.

В другом случае – в конструировании значения высказывания *в обиходе вдоха, / листвы, корней, кориандра* – также задействовано несколько механизмов лингвокреативного ассоциативного трансформирования. В таком контексте активируются две когнитивные модели, связанные с концептом [ОБИХОД] – модель ПРИВЫЧНЫЙ УКЛАД и модель ПОСТОЯНСТВО. Механизм ассоциативной выводимости заставляет осмыслять последующие концепты ([ВДОХ], [ЛИСТВА], [КОРНИ], [КОРИАНДР]) через отношения определительной принадлежности, заданные употреблением родительного падежа в словосочетании «обиход вдоха» («обиход листвы», «обиход корней», «обиход кориандра»). Таким образом, модели ПРИВЫЧНЫЙ УКЛАД и ПОСТОЯНСТВО конкретизируются через атрибуты ПОСТОЯНСТВО ПРОЦЕССОВ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ и ПОСТОЯНСТВО ФОРМ ЖИЗНИ. В процессе рецепции читателем сильной финальной позиции строки происходит ассоциативная провокация в форме «неожиданного переключения ситуативного семантического прогноза употребления слова в высказывании» [Гридина 1996: 31]. Меронимические семантические отношения (листва и корни как части растения) парадоксально сталкиваются с родо-видовыми отношениями (кориандр как род растения). Более того, переосмысливая парадоксально соположенные в ряду перечисления концепты [ВДОХ], [ЛИСТВА],

[КОРНИ], [КОРИАНДР], читатель пытается установить и мотивационные связи между ними, и генеральную связь с концептом [ОБИХОД]. Один из вариантов определения фокусной точки референции в данном случае – актуализация читателем объединяющего эти концепты признака «живой». Поэтический прием остранения (понимаемого как детальное описание вместо называния [Сошкин 2012]) позволяет автору в данном случае нестандартно выразить идею о разнообразии жизни (формах ее проявления, состояниях и видах деятельности живых организмов) и ее неизменности.

Таким образом, научный анализ сложного процесса конструирования значения поэтических креативных приемов возможен в случае объединения методологических аппаратов теории лексических концептов и когнитивных моделей, объясняющей установление взаимосвязей «языковая форма – лексический концепт – области концептуального знания», и ассоциативной теории лингвокреативности, объясняющей неконвенциональные преобразования этих лексико-концептуальных взаимосвязей.

Подведем итоги:

1. Для понимания специфики неконвенционального смыслообразования анализ процесса семантической композиции (интеграции и интерпретации как элементов процесса конструирования значения) необходимо проводить с учетом особенностей процессов ассоциативной трансформации.
2. Нестандартная языковая форма поэтического сообщения запускает в сознании рецептора специфическую трансформацию конвенциональных смысловых аспектов языковых единиц.
3. В случае семантизации креативными приемами поэта механизмы ассоциативной координации и контраста модифицируют качество и набор когнитивных моделей, доступ к которым обеспечивается лексическим концептом, и создают условия для производства нового знания о мире.

ЛИТЕРАТУРА

База данных интерактивных лингвистических словарей Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН [Электрон-

ный ресурс]. URL: [www. slovari.ru](http://www.slovari.ru)

Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и значения языковых единиц // Филология и культура. Ч. I. Тезисы II-ой международной конференции. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 15-18.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург, 1996. – 165 с.

Гридина Т.А., Душина Е.В. Поэтический текст в свете читательской рецепции: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2014. – Вып. 12. С.35-65.

Драгомощенко А. На берегах исключенной реки. – М.: ОГИ, 2005.

Лингвистика креатива – 1 / Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013. – 368 с.

Лингвистика креатива – 2 / Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – 378 с.

Лингвистика креатива – 3 / Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – 344 с.

Сошкин Е. Приемы остранения: опыт унификации // Новое литературное обозрение. 2012. № 114 [Электронный ресурс]. URL: magazines.russ.ru/nlo/2012/114/s14-pr.html

Эванс В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 350-387.

Evans V. Figurative Language Understanding in LCCM theory // Cognitive Linguistics. 2010. N 21-4. pp. 601-662.

Evans Vуv. What's in a Concept? Analog versus Parametric Concepts in LCCM Theory // The Conceptual Mind: New Directions in the Study of Concepts. Ed. By Eric Margolis and Stephen Laurence. MIT Press, 2015. pp. 251-290.

©Устинова Т.В., 2015

Е.И. ЧЕКЛЕЦОВА

*(Российский государственный профессионально-педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.111'373.613

ББК Ш143.21-34

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье рассматривается проблема заимствования инокультурных концептов, являющаяся актуальной в связи с использованием сети Интернет представителями молодежной культуры, а также распространением новых слов в средствах массовой информации (телевизионные каналы, модные журналы, блоги). Особенно интересны причины использования заимствованных слов носителями русского языка при условии наличия в родном языке слов, имеющих сходное значение, их проникновение в речь, закрепление и развитие. Анализируется семантическая специфика англицизмов, их изменение и адаптация в современном русском языке. Представлены результаты опроса студентов, выявляющего использование в их речи иностранных слов. В ходе такого анкетирования установлены наиболее популярные, непопулярные и спорные заимствования, возможные причины их появления, особенности употребления тех или иных слов, возможные варианты замены англицизмов на русские слова.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, инокультурный концепт, язык, жаргон.

В настоящее время изучение заимствований как проявлений взаимодействия различных языков друг с другом занимает не последнее место среди проблем современного языкознания, в связи с чем, к данному вопросу приковано внимание российских и зарубежных исследователей. Заимствование и использование слов иноязычного происхождения является следствием языковых контактов, находящихся под влиянием не только исторических и культурных факторов, но и возрастающим влиянием масс-медиа. Проблемой заимствований занимались такие лингвисты как: В.И. Карасик, Н.Ф. Алефиренко, Е.С. Кубрякова и

другие.

В первую очередь, заимствования проявляются при перенятии инокультурных концептов при знакомстве с чужой лингвокультурой, названия для которых не существует в родном языке не носителей данной культуры (как например: тореадор, вигвам) либо при появлении новых концептов при развитии науки и техники (компьютер, сканер). Концепт здесь можно понимать, как единицу обновления понятий, которая возникает в результате переосмысления поступающей к человеку информации, отражающей новые знания и опыт, образуя в языке новые слова (неологизмы), обозначающие заимствованные понятия. Но гораздо более интересным является заимствование слов, для концептов, названия которых уже существуют в языке.

В связи с этим интересно рассмотреть классификацию англоязычных неологизмов, проникающих в русский язык, предложенную В. И. Карасиком:

1) *нулевые*, или *пустые* концепты, используемые в речи, в основном, как варваризмы или молодежный сленг;

2) *квази-концепты*, обозначающие реалии, заимствуемые из других культур (например, обозначения для аппаратов оргтехники);

3) *«паразитарные концепты»* – слова, обозначающие концепты, существующие в языке, но введенные для того, чтобы подчеркнуть некую «особенность» понятия;

4) чужие концепты, представляющие чужие ценности и понятия, не существующие в языке.

За последние несколько лет в русском языке появился целый пласт «новых» слов, обозначающих вполне привычные понятия. Согласно представленной классификации, данные слова можно отнести к группам «нулевых» и «паразитарных» концептов.

Теперь, после *шоппинга*, можно зайти перекусить в кафе и заказать *митболы* и *пасту*, и *капкейк* на десерт. Сидя там можно выйти в интернет и продолжить покупки *онлайн*. Также, не забыть *залогиниться* в *инстаграме*, *зачекиниться* и выложить *селфи*, чтобы похвастаться перед *френдами* своим новым *фэшин луком*.

Попад в русский язык, заимствования претерпели целую се-

рию изменений. Изначально, попадая в речь, они сохраняли свой графический и грамматический образ, так, например, слова freelance, like, fashion. С течением времени, они приобрели русскую графическую форму (транскрипция): фриланс, лайк, фэшн. Затем, на уже измененные слова повлияла грамматика русского языка, создав производные от этих слов, такие как: заниматься фрилансом, лайкнуть, облайкать, фэшенебельный и т.д.

При подготовке к данному исследованию, было опрошено 110 студентов кафедр Германской филологии РГШУ и Теории и методики международных отношений УрФУ. Им было предложено ответить на следующие вопросы:

- Какие современные заимствования из английского языка вы знаете (ставшие популярными за последние 5 – 7 лет)?
- Какие из них вы считаете полезными \ необходимыми? Какие из них вам нравятся?
- Какие из них вы считаете раздражающими \ ненужными \ неоправданными?
- Могли бы вы подобрать \ придумать русские слова для обозначения понятий, выраженных заимствованными словами?

По итогам данного опроса было выявлено 177 слов, вошедших в употребление за последние несколько лет. Самыми популярными оказались слова:

- Сникеры;
- Стартап;
- Фрилансер;
- Селфи;
- Фейк;
- Спойлер;
- Флэш моб;
- Прайваси;
- Гуглить \ загуглить;
- Колл-центр;
- Вип;
- Дресс-код;

- Месседж;
- Блокбастер;
- Бит;
- Прайм-тайм;
- Флешка;
- Шоппинг;
- Онлайн \ оффлайн;
- Ноутбук;
- Ток-шоу;
- Уик-энд;
- Веб-камера;
- Пиллинг;
- Лифтинг;
- Сингл;
- Ремейк;
- Экшен;
- Хоррор;
- Фолловить \ расфолловить \ анфолловить;
- Лайк;
- Плейлист;
- Менеджер;
- Промоутер;
- Пиар;
- Копипаст;
- Мейнстрим;
- Шоу-рум;
- Коуч;
- Трек;
- Свитшот;
- Смузи;
- Лук;
- Респект;

Все выявленные слова можно разделить на группы:

- 1) Слова, относящиеся к индустрии моды и красоты:
 - Фэшн;

- Лук;
 - Свитшот;
 - Сникеры и т.д.
- 2) Слова, относящиеся к технике:
- Принтер;
 - Сканер и т.д.
- 3) Интернет-жаргон:
- Зачекиниться;
 - Залогиниться;
 - Селфи;
 - Репостнуть;
 - Загуглить и т.д.
- 4) Индустрия кино и музыки:
- Хоррор;
 - Спойлер;
 - Экшен;
 - Релиз;
 - Сингл и т.д.
- 5) Слова, относящиеся к работе:
- Менеджер;
 - Менчендайзер;
 - Клининг и т.д.

По итогам опроса было выявлено, что студенты, в целом, нейтрально относятся к заимствованиям, хотя и считают некоторые из них неоправданными. В основном, опрашиваемые выделили три категории слов, возникновение которых они считают позитивным явлением: слова, связанные с компьютерными технологиями, с названиями профессий, а также молодежный сленг, не имеющий аналогов в русском языке, либо требующий длинных пояснений.

Также, во время опроса, студентам было предложено выбрать наиболее раздражающие их слова. В число наиболее популярных слов вошли:

- Селфи;
- Митболы;
- Мейнстрим;

- Лук;
- Свитшот;
- Ланчевать;
- Названия профессий.

Особенно интересно отметить, что ни смотря на то что студенты считают полезными слова, связанные с профессиональной сферой, они, в то же время, входят в число наиболее раздражающих. По словам опрошенных, заимствованные слова звучат солиднее и придают даже обычным профессиям определенный шик, например, секьюрити звучит лучше, чем охранник, а менеджер клининговой компании звучит позитивнее, чем уборщик. В то же время, студенты считают неоправданным замену существующих в русском языке слов на заимствованные только потому, что они звучат более благозвучно.

Помимо этого, студентам было предложено подобрать русские эквиваленты к заимствованным словам, в десятку наиболее популярных вошли:

- Ланчевать – обедать;
- Уик-энд – выходные;
- Хоррор – ужас, ужастик;
- Онлайн \ оффлайн – в сети \ не в сети;
- Лайк – нравится;
- Шоппинг – поход по магазинам;
- Кофе-брейк – короткий перерыв, перерыв на кофе;
- Коуч – тренер;
- Лук – внешний вид;
- Бойфренд – молодой человек

Являясь живой структурой, язык постоянно развивается, в том числе и с помощью заимствований. Остановить этот процесс невозможно и нецелесообразно. В нашу речь вошли и прочно закрепились компьютерные термины, названия танцевальных элементов или обозначения процедур из салонов красоты, интернет-жаргон. Безусловно, есть слова, наличие которых необходимо для обозначения новых явлений, особенно, если речь идет о словах, относящихся к профессиональной сфере, но,

тем не менее, возможно стоит ограничить употребление иностранных слов, эквиваленты которых существуют в русском языке, и используемые только для того, чтобы придать своей речи определенный шик. Во многих случаях, люди, использующие иностранные слова в своей речи, не знают их реального значения, особенно, если дело доходит до нецензурной лексики. Например, школьники, которым было запрещено нецензурно выражаться в присутствии учителя, периодически пытались использовать пресловутое F-word, мотивируя тем, что «это же не мат!»).

Примерно в той же ситуации находятся современные журналисты или докладчики на бизнес-конференциях. Чем больше иностранных (и, часто, непонятных) слов будет в их речи, тем выше вероятность, что их работа получит большее признание.

Безусловно, существуют способы выхода из этой ситуации. Так, например, во Франции принят закон о запрете иностранных слов по инициативе Жака Тубона, министра культуры. Благодаря ему, основная часть публичных выступлений, рекламы или фильмов, должна сопровождаться переводом на французский язык. Трепетное отношение к языку в Испании выражается в попытках найти новые слова для обозначения новых концептов. Так, например, слово computer имеет два испанских обозначения: *computador* и *ordenador*, причем вторая, более «испанская» форма, значительно более популярная.

Трудно сказать, является ли обилие заимствований проблемой и следует ли с ней бороться на законодательном уровне (например, запретить использование иностранных слов, имеющих русский эквивалент в прессе, рекламе или заставить убрать из меню слова *кукис* и *маффин* и заменить их на адекватные русские понятия). Заимствование – неизбежный и, практически, неконтролируемый процесс. Остановить его невозможно, но возможно притормозить, повышая статус родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: когнитивно-семиологическая синергетика слова. – Волгоград, 2006.

Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). – Л., 1978.

Банщикова М.А. Об англоязычном заимствовании как языковым феномене (на примере англоязычного профессионального жаргона в немецком рекламном медиадискурсе) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013 №11 (29).

Блумфилд Л. Язык. – М., 1968.

Володарская Э.Ф. Заимствование как универсальное лингвистическое явление // Вопросы филологии. – Москва, 2010.

Двойнина А.В. Заимствование как способ пополнения спортивной лексики. // Вестник башкирского университета. – Уфа, 2011. – Т. 16 – №1.

Калинина М.А. К вопросу о заимствовании концептов русской лингвокультурой // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород, 2005.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.

Касьянова Л.Ю. Заимствование концептов как релевантный фактор обновления концептосферы языка. // Вестник ТГУ №6 (62). – Тамбов, 2008.

Максимова Т.В. Англицизмы-термины в современном русском языке // Вестник ВолГУ. Серия 2: Филология. – Волгоград, 1996.

©Чеклецова Е.И., 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алишариева Акбота Нагашыбековна – докторант кафедры общего языкознания и иностранной филологии Казахского Национального Университета имени аль-Фараби, Казахстан.

E-mail: bota_inyaz@mail.ru

Бекасова Елена Николаевна – д. филол. н., профессор Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия.

E-mail: bekasova@mail.ru

Бушев Александр Борисович д. филол. н., профессор Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия.

E-mail: alex.bouchev@list.ru

Гоголина Татьяна Владимировна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: gogolintv@yandex.ru

Григорьева Надежда Игоревна – преподаватель Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: nadjagri@rambler.ru

Гридина Татьяна Александровна – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Елисеева Марина Борисовна – к. филол. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: melyseeva@yandex.ru

Коновалова Надежда Ильинична – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: sakralist@mail.ru

Кубасов Александр Васильевич – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: kudas2002@mail.ru

Локоткова Оксана – магистрант Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: lokotkova.oksana@gmail.com

Михневич Ольга Игоревна – магистр педагогического образования, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: mikhnevich-olga@rambler.ru

Мухин Михаил Юрьевич д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: mfly@sky.ru

Петкау Александра Юрьевна – к. филол. н., доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: vpetkau@yandex.ru

Плотникова Анна Михайловна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: annamp@yandex.ru

Протасова Екатерина Юрьевна – д. пед. н., доцент Хельсинкского университета, г. Хельсинки, Финляндия

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

Снигирёв Алексей Васильевич – к. филол. н. доцент Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tas0905@rambler.ru

Снигирёва Татьяна Александровна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tas0905@rambler.ru

Сычева Мария Николаевна – преподаватель ОД (иностраный язык) ФГКОУ «Екатеринбургское Суворовское военное училище» Министерства обороны РФ, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: mashenkasycheva@mail.ru

Устинова Татьяна Викторовна – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.

E-mail: utanja@mail.ru

Чеклецова Екатерина Ильинична – ассистент Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tarjawolf@mail.ru

SUMMARY

Bekasova Elena. About communicative strategy of Ivan the Terrible in the message in Kirillo-Belozersky monastery

Annotation: In this article are considered the features of communicative strategy of Ivan the Terrible in the Message in Kirillo-Belozersky Monastery caused by specifics of the written manual «opened» for «vseya Russia» a bozhiy izvoleniye of the sovereign put on a kingdom. Careful planning of the messages allowed John IV to use receptions, unexpected for medieval literature, but available in its arsenal. As a result of such definitely worked own image of the autocrat and effective impact on the citizens it was held kind national in remembrance the terrible tsar Ivan Vasilyevich.

Keywords: Ivan the Terrible's compositions, language personality, petition, communicative strategy.

Bushev Alexandr. New illiteracy – a field for of education and (or) the creativity ?!

Annotation: The article sheds light upon the state of the recipient and author of mass communication texts in the sphere of higher education. The author dwells on the phenomenon of knowledge fragmentation, mosaic culture and new illiteracy of the reader. This state of the recipient is linked with the changing of the style of thinking and cognitive culture in the epoch of postnonclassical rationality. The author suggests changes in the sphere of cultural upbringing.

Keywords: culture, multiculturalism, mosaic culture, fragmented knowledge, postnonclassical rationality, new illiteracy

Gogolina Tatiana. Studying the figures expressive syntax on the material of an advertising slogan in school

Annotation: Studying resources expressive syntax in school is becoming more important. Recognition of syntactic figures and their conscious use in their own texts for the students become an important step in preparation for the final certification of the Russian language. The article presents the analysis of the topic "The main expression means of syntax" in current textbooks and its reflection in the Federal State Standard of Russian language.

The authors concluded that the number of syntactic figures being studied middle-level students does not correspond to the volume of knowledge of graduates. The system of works on the study of the topic using as the language material of advertising text in the article.

Recommendations for the inclusion of such assignments and exercises in the practice of teaching syntax

Keywords: the figures expressive syntax, advertising slogan, experiment on the perception of the text, a system of exercises to study the means of expression syntax in school.

Grigorieva Nadezhda. The image of a Music Group in the Consciousness of the Nativ Speaker of Russian (experimental data)

Annotation: The name of a music group can be formed by any language unit. The factors, determined by some personal characteristics of the person creating the name and situational phenomena play the main role in creating a name. The members of a music group tell the history of the group and its name in different sources, that's why the audience is aware of the etymology of this onym. Associative experiment makes it possible to determine the degree of readability of the motivation sign and the features of the image of this group in the mind of a native Russian speaker. The name of the music group "DDT" arises from the name of the poison. The results of the associative experiment proved that the respondents connect the name with the sphere (music), type of music (rock), the leader and creative works of the group. The answers associating the name of the group with the name of the poison are not found. Today the name of the group is not linked to the motivation sign and is associated with the leader of the group and its creative works.

Keywords: names of music groups, associative experiment, nomination, motivation sign.

Gridina Tatiana, Konovalova Nadezhda. Creative strategy of text production as a reflection of the clustering processes (experimental data)

Annotation: Possibility of using the method of cluster analysis for the diagnosis and development of linguistic creative speakers' abilities in text production is discussed in the article. The author proposes the modified version (adapted to the tasks) of the traditional clustering procedure. Also the strategies which were created under experimental conditions of texts are analyzed. Correlation between the bases of the classification of the stimulus verbal material and its text actualization is set. We characterize the strategy of rational and irrational classification and strategies for creating taking into account their genre-style orientation. Analyzes the texts, which are created by "compounds of incompatible" (according to the principle ad absurdum), the texts with using the principle of allusive styling; texts - "transformers" (which are using concrete literary prototype); texts, which are playing up stereotypes of everyday consciousness, particularly in the area of lifestyle representations and habits of different ethnic groups).

Keywords: psycholinguistic experiment, cluster analysis, speech diagnostics, strategy of text production, linguo-creative thinking, language game.

Eliseeva Marina. Lexical explosion in the speech of the young children as a stimulus of the development of morphology.

Annotation: This article discusses different views on lexical explosion in the speech of the young children: its presence, characteristics, role in the development of morphology. The features of speech of the two girls are analyzed. Their speech was characterized by the existence of vocabulary spurt which facilitates the acquisition of morphology.

Keywords: Language acquisition, passive and active lexicon, vocabulary spurt, morphological explosion.

Kubasov Aleksandr. L. S. Vygotskiy and psychology of creativity in his theater reviews 20-ies

Annotation: The article deals with the formation of the historical-cultural conception of L. S. Vygotskiy at the early stage of his creative activity, when the provincial newspapers of Gomel' began to publish his critical reviews of theatrical productions. These reviews inseparably combine the scientific and the critical principles. Analyzing ballets and dramas, L. S. Vygotskiy uses popularly formulated ideas and notions, which would later form the foundation of his historical-cultural conception of psychology. The scholar combines scientific and publicistic kinds of discourse rather nicely. His reviews are actually meant for two addressees: a regular reader and the reader acquainted with the fundamentals of psychology. Theatrical reviews reflect one of the basic ideas of L. S. Vygotskiy – the theory of sign and signemic nature. The scholar laid the foundation of what later would be called —secondary sign systems. The results of his reflection on the problems of art and their connection with the science of psychology would be published in his fundamental work —The Psychology of Art, first published three decades after the author's death.

Keywords: L. S. Vygotskiy, historical-cultural conception, theatrical review, art psychology.

Lokotkova Oksana. Method of counter-text in the study of the paratextual units in the play-remake

Annotation: The article examines possibility of applying method of counter-text in the study of peculiarities of perception paratextual elements in the dramatic text. The modern playwrights create a game space in their texts and propose to readers decipher this art text. For the analysis by the method of counter-text has been proposed text fragment from the play-

remake of A. Zenzinov and B. Zabaluev. In the framework of the experiment, it was suggested that the respondents in the perception of artificial selection from a more complete context will in most cases be guided by the remarks, which are will fulfill a complementary function. In this case the remarks serve as semantic additions dialogized part of the fragment and accentuate certain styles of text, which also has an effect on perception.

Keywords: counter-text, remark, perception of the text, remake, psycholinguistic experiment.

Mikhnevich Olga. Peculiarities of the language game in the mass media political discourse

Annotation: Media activity has an extremely large impact on public opinion. Information coming through media channels, bears repeatedly repeated political attitudes and values which are fixed in people's minds. The article deals with the some aspects of the language game in the mass media discourse. Also, the author considers the language game as a powerful means of manipulation in the political communication. Here is represented the essential functions in the mass media which are carried out by the language game.

Keywords: language game, transformation, means of manipulation, functions of a language game, mass media political discourse.

Mukhin Mikhail. Non-standard Lexical Compatibility: Formalization of Terms and Text Analysis.

Annotation: The article analyses possibilities of individual lexico-semantic compatibility of formalization on the basis of the corpus of literary texts. It also presents a method of comparative statistical analysis of the author's syntagmatics. The items for analysis are lexical bigrams typical of the texts of one author unlike any of the other. There is also an example of contextual analysis of lexical compatibility in M. Bulgakov's fiction.

Keywords: non-standard lexical compatibility, corpus, lexical bigram, statistical text analysis.

Petkau Aleksandra. Concept *Health* in Post-Soviet Social Advertising

Annotation: The article presents a research of concept *Health* content in the context of the Post-Soviet notion. The study of the concept semantic content is carried out on the base of social advertising. The dominant cognitive classification features of the concept were emphasized on the basis of the compatibility of lexemes explicating concept *Health*. The results of the study reflect the correlation between the concept and the socio-political changes in the country. In the post-Soviet social posters, manifesting

concept *Health*, the subject individualization is fixed by means of pronouns. Modern Russian-language social advertising actively adopts international experience. Shock advertising develops based on reverse verbal reception and on inclusion of non-verbal frightening set. Modern Russian copywriter's focus on the search of interactive communication with the recipient is manifested. Technique of speech influence becomes more complicated.

Keywords: concept Health, social advertising, the Soviet period, the post-Soviet era, cognitive features.

Plotnikova Anna. Language game as a means of invective

Annotation: The article deals with the means of language game used in conflict communication for the purpose of discreditation of the addressee and expression of hostile disrespect. The applied methods may be realised in oral communication, i.e. they are not expected to have multilayer content. The article also reveals characteristics for such means of language game as derisiveness of anthroponym, use of precedent signs, associative provocations, and gameplay transformations of speech genres, etc. The game code is focused on the effect of uncertainty in speech and construction of specific ironic and acrid tone of the text. The language game as a mean of invective may sometimes have legal consequences.

Keywords: language game, invective, conflict communication

Protassova Ekaterina, Alisharieva Akbota. Polemics around the language: the own or the alien?

Annotation: The research focuses on how the creativity is manifested when the language is used in the intersection of the two cultures, the Kazakh and the Russian ones. The sociolinguistic analysis shows that the choice of the languages under certain circumstances is mainly justified and not random, yet the motives of the people when resolving the question how and why they use either Kazakh or Russian must also be taken into account. It is found out that certain elements have entered the life on Kazakhstani people in the English language as well and became a non-separable part of the modernization process in this country. All those are fragments of a big mosaic picture which reflects the today's life of Kazakhstan.

Keywords: bilingualism, biculturality, linguistic situation, Kazakhstan, Kazakh-speaking, Russian-speaking

Snigireva Tatiana. Snigirev Alexey. Playing modernization of historical narrative (B. Akunin "History of the Russian state")

Annotation: The article examines the historical concept of Boris Aku-

nin, which forms the basis for a new project of the author. For the sake of comfort of psychological reception for his readers B. Akunin deliberately and playfully modernizes the narrative, not only adding the author's assessment, but also "translating" archaic language of chronicles and historiography into modern language.

Analysis of the specifics of relationship between history and literature, characteristic of the modern variant of origin and formation of the Russian statehood, was undertaken. The mechanisms of systematization and - simultaneously - "domestication" of history are shown, forms of presentation of writer's assessment, the presence of the author in the text, methods of establishing a dialogue with the reader are researched.

Keywords: Boris Akunin, the historical narrative, the author's game, modernization, history of science, history as art.

Sycheva Marya. The notion of interference from the point of view of psycholinguistics: its place and role in learning foreign languages

Annotation: This article discusses the definition of interference from the perspective of linguistics, psycholinguistics, methodology of teaching foreign languages and personal experience of teaching. The most popular definition of interference in the dissertations of the last decade is mentioned. The distinctive features of intercalation and transference, their differences from interference are given. The two methodological means of studying interference are singled out - contrastive analysis of the two languages in contact and error analysis- as well as the distinctive features of types of interference - grammatical, lexical and phonetic interference and the key factors of the interference sources of interference, its role in the study of foreign languages. The effect of interfering L1 to L2 is described. The results of the analysis of the effectiveness of modern textbooks in foreign languages in overcoming the negative effect of interfering influence of the mother tongue are given.

Keywords: interference, Linguistics, Psycholinguistics.

Ustinova Tatyana. Associative coordination and contrast in non-conventional meaning construction of poetic linguistic novelties

Annotation: The paper analyzes the peculiarities of conceptual and linguistic systems interaction in the process of the reader's constructing the non-conventional meaning of the poet's linguistic novelties. Employing the methodologies of LCCM theory and the associative theory of linguistic creativity, the author highlights the necessity of analyzing the semantic composition process taking into account associative transformations, which modify the cognitive model profile accessed through the linguistic concept.

Keywords: linguistic creativity, conceptualization, associative transformations, semantic potential, poetic speech.

Chekletsova Ekaterina. Contemporary borrowings from the English language used by representatives of youth culture.

Annotation: Currently, the problem of borrowing concepts from other cultures is relevant in connection with the use of the Internet by representatives of youth culture, as well as the proliferation of new words in the media (TV channels, fashion magazines, blogs). Particularly interesting are the reasons for the use of borrowed words by Russian speakers instead of words of their native language that have similar meaning, their penetration into the speech, consolidation and development. The article deals with the problem of borrowing of English words by representatives of native Russian language and culture. Their change and adaptation. Also the questionnaire about the use of foreign words in speech of students is presented, in which were found the most popular, unpopular and controversial borrowing, as well as the possible causes of their appearance, explaining the use of certain words, the possible options for the replacement of English word by the Russian one.

Keywords: borrowings, concept, language, jargon.

Научный журнал

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. 2015. №1

Серия

«ЯЗЫК. СИСТЕМА. ЛИЧНОСТЬ: ЛИНГВИСТИКА

КРЕАТИВА»

вып. 4 (24)

Издатель: ФГБОУ ВПО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес издателя и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 281.

E-mail: vorobyevanat@mail.ru

Тел.: (343)235-76-41

Периодичность издания: 1 раз в квартал

Периодичность серии: 1 раз в год

Подписано в печать 23.11.2015. Формат 60x84 ¹/₁₆

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 12,0. Тираж 500 экз. Заказ 4349

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru